Зоя Самарская

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

2018 Ростов-на-Дону Альтаир

«Возвращение в неизвестность» – книга, которую я посвящаю моим родителям: Якименко Екатерине Ивановне и Владиславу Андреевичу.

Книга выпущена при поддержке министерства культуры Российской Федерации.

Автор благодарит Российский союз профессиональных литераторов за оказанную материальную помощь в издании книги.

Зоя Самарская С17 Возвращение в неизвестность. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2018. – 160 с.

ISBN 978-5-91951-500-5

В 1942 году восемнадцатилетняя Маргарита, её мать, малолетние братья и сёстры становятся беженцами. Староста Фёдор, сын раскулаченного односельчанина, мстит за отца, и девушку угоняют на работу в Германию. Стремясь вернуться на Родину, она с группой единомышленников решается на побег в Швейцарию, далее во Францию, а в апреле 1945 года, вместе с другими репатриантами, оказывается в Одессе. Повсюду нищета, голод; особенно трудно приходится побывавшим за границей не по своей воле. К ним относятся с презрением и недоверием. Маргарита прячет справку, выданную НКВД, меняет место жительства, но в её жизни снова появляется старый враг – Фёдор.

ISBN 978-5-91951-500-5

ББК 63(3)2

© Самарская 3., 2018 © ООО «Альтаир», 2018

От автора

В 1940 году папа, работавший связистом в городе Стародубе Брянской области, был откомандирован в Хабаровск, откуда его призвали в армию. В 1945 году за участие в боевых действиях он был награждён медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией». В сорок восьмом году, демобилизовавшись, папа вернулся в родной город. Из Сумской области в Стародуб приехала и мама. Так в послевоенные годы судьба соединила моих родителей.

В основу произведения легли реальные события из жизни мамы: её рассказы о детстве, родителях и семье, годах оккупации и о том, сколько горя и лишений принесла война родным и близким людям. Об угоне в Германию мама всегда вспоминала неохотно. Больше рассказывала о Швейцарии — какими хорошими людьми были её хозяева в городе Базеле.

Мама оказалась там, совершив с группой единомышленников побег из Германии, где работала на заводе в городе Зингене.

После смерти папы, в 1993 году, мама переехала в город Волгодонск Ростовской области. 12 августа 2000 года вступил в силу Закон ФРГ о создании фонда «Память, ответственность и будущее» и выплате компенсаций бывшим подневольным работникам, но требовались подтверждающие документы.

В Департаменте труда и социального развития Волгодонска, куда мы обратились за помощью, были составлены запросы в Государственный архив Украины и в областной архив Сумской области. Нужных нам сведений там не оказалось.

Написали письмо бургомистру города Зингена. Пришёл ответ, в котором была указана дата поступления мамы на завод – 16.11.1942 года, но не было информации, как долго она там работала. Из Шаффхаузена, куда попала мама, совершив побег из Зингена, тоже пришёл ответ: копии актов о переходе границы – 10.09.1943 года, рабочей карты, персонального пропуска и другая информация.

Так были подтверждены десять месяцев тяжёлого подневольно труда и унизительной жизни впроголодь.

На Родину мама вернулась, сбежав из Швейцарии во Францию, откуда союзники на своих кораблях через Средиземное море отправляли в Россию освобождённых военнопленных и подневольных работников.

Компенсация, которую получила мама в свои восемьдесят лет, имела для неё не только материальное, но и моральное значение как запоздалая форма реабилитации в своей стране, где долгие годы нельзя было говорить о подневольном труде на вражеских предприятиях в годы ВОВ.

Выражаю искреннюю благодарность всем, чьё сердечное участие помогло восстановить события тех далёких лет.

2005 год¹

- Мамочка моя, прощай!
- Не надо плакать, доченька... От твоих слёз сердце моё разрывается на части... Я так люблю тебя ...

Держу в руках исписанный красивым почерком тетрадный лист. Ровные строчки рассказа-исповеди вместили всю жизнь моей мамы. А между строчек – радость и печаль, страх и отчаяние, боль и снова радость. Внизу подпись и дата: 2 января 2000 года. Именно в этот день в нашем почтовом ящике оказалось письмо, много лет искавшее своего адресата.

....Родилась я 2 января 1924 года в селе Дальняя Игуменка Саженского района Курской области. Когда началась война, жила в Харькове, заканчивала училище при фабрике. Вернулась в Дальнюю Игуменку помочь матери, так как я была старшей дочерью, а кроме меня – ещё пятеро детей: два брата и три сестры (отец умер в 1938 году). Эвакуироваться наша семья не смогла. Когда немцы оккупировали Игуменку, мы стали беженцами. В Сумской области на одном из хуторов (недалеко от города Белополье) нашли пустую хату и поселились в ней. Жили тем, что побирались по соседним сёлам и хуторам. Осенью 1942 года староста принёс мне повестку на принудительные работы в Германии.

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ События имеют реальную основу. Имена и некоторые названия населённых пунктов вымышлены автором.

Испуганная Лиза бросила вещи и, схватив её за руку, попыталась

удержать. – Риточка, ты что! Застрелит же!

Отмахнувшись, Маргарита повторила попытку, но упёршийся в грудь ствол винтовки остановил её. Одарив ненавидящим взглядом Фёдора, она шагнула назад.

Варвара, как и остальные безоружные люди, видя, что угоняют в рабство их детей, ничего не могла поделать. В отличие от остальных матерей, её мучило вдобавок чувство вины: не рассказала старшей дочери, кто такой Фёдор.

Нестройная колонна молодёжи, замыкаемая подводой с сидящими на ней двумя полицейскими, скрылась за поворотом.

Провожающие, собравшиеся возле здания Барановского сельского совета, продолжали смотреть в сторону уходящей вдаль дороги. Несмотря на команду расходиться по домам, некоторое время никто не трогался с места. Дождь сменился снегом.

Снег повалил, скрывая все следы на дороге.

Повалил, образовывая завесу между теми, кто остался и теми, кто покидал родные сёла и хутора в этот день – тридцатого октября тысяча девятьсот сорок второго года.

Повалил, как будто навсегда отрезая родных людей друг от друга.

Снегопад, необычный для этого времени года, прекратился так же неожиданно, как и начался. В просвете между тучами показалось солнце. Варвара, прижимая к себе детей, тоже вглядывалась вдаль. Снежная белизна безжалостно резала глаза. А она всё смотрела, надеясь, что случится чудо и любимая старшая дочь, весёлая певунья Маргарита, вернётся.

- Мам, пойдём домой, a? подёргала мать за подол юбки шестилетняя Женя. Холодно, мам, пойдём!
  - Сейчас, доченька, сейчас...

Варвара пропустила вперёд старших — четырнадцатилетнего Никиту и десятилетнюю Татьяну. Сама же, обняв за плечи младшую, тяжёлой походкой больного человека зашагала следом. Поправляя старенький платок, сползающий с головы, она вспомнила, как штопала его Маргарита, и слёзы снова навернулись на глаза.

Глава первая

Прощание с Родиной

Октябрь 1942 год

– Мамочка моя, прощай! Татьяночка, Женечка, сестрички мои! Слушайтесь мамку, слушайтесь! Никитка, держи их, а то потеряются, как Лёнечка! Никитка, ты старший теперь! Смотри за ними, Никитка, а я вернусь! Не надо плакать!

Маргарита кричала, не понимая, что в общем гуле голосов, плача и стенаний не слышат её ни мать, ни брат Никитка, ни малолетние сёстры. «Ну как они без меня... Мамка болеет... Женька ещё такая маленькая... Боженька, сделай так, чтобы я вернулась!»

– Что ты ухмыляешься, гад? Ты за всё поплатишься! Я вернусь и убью тебя, полицай проклятый!

Фёдор Утюжников одёрнул новую стёганую телогрейку. Циничная улыбка перекосила его лицо. Левый глаз несколько раз дернулся в нервном тике.

– Запомни: не полицай я, а староста! А ты вертайся, – зло процедил он сквозь зубы, – я те тут дождусь.

Фёдор стоял в позе хозяина жизни: ноги были расставлены на ширину плеч, а руки сжимали приклад винтовки. Наблюдая за плачущими женщинами и детьми, не выпускал из поля зрения семью Шумовых.

Короткая автоматная очередь, и в наступившей тишине прозвучала команда: «Vorwärts»! ^{1}

Сунув узел с вещами в руки подруге Лизе, Маргарита бросилась назад, чтобы обнять, поцеловать ещё раз на прощание мать, сестёр, брата.

Но Фёдор Утюжников был начеку.

– Куда прёшься?! Ну-ка, на место!

Сплюнув, он выругался матом и прикладом толкнул Маргариту обратно.

¹ Вперед! нем.

И этот старый платок, и дом, который стал их временным жилищем, и другие вещи в этом доме – всё было чужим. Такими же чужими были село Степановка и люди, проживающие в нём. Никто здесь не обрадовался появлению Варвары и её пятерых детей. Всем было холодно и голодно. Ходившие с нищенской сумой беженцы вызывали чувство жалости, смешанное с раздражением.

Жалость от того, что люди оказались без крова над головой.

Раздражение от того, что, тоже голодающие, они ничем не могли помочь.

Варвара не обижалась. Получая милостыню, молилась за здоровье дающих. Когда отказывали, молилась тоже, чтобы не случилось с этими людьми того, что случилось с её семьёй. Когда осталась одна с малыми детьми, думала, что это самое тяжёлое испытание. Оказалось – нет.

Тяжкая участь беженцев постигла семью Шумовых, в том числе восемнадцатилетнюю Маргариту – уроженку села Дальняя Игуменка Саженского района Курской области

В октябре тысяча девятьсот сорок первого года линия фронта подошла к Саженскому району, центр которого располагался в селе Гостищево¹. К началу ноября Гостищево и окружающие его сёла, в том числе Дальняя Игуменка, были заняты немецкими войсками.

Начались страшные месяцы оккупации.² Повсюду хозяйничал враг. Был установлен жёсткий «новый порядок», поддерживать который немцам помогали полицаи.

* * >

Огромные потери немцев на Восточном фронте не позволили им содержать на оккупированной территории СССР полицейские формирования, состоящие исключительно из немцев. В помощь оккупационной администрации для борьбы с партизанами приказом Гиммлера от 6 ноября 1941 года из числа националистов-русофобов и русских предателей были созданы формирования вспомогательной полиции. В русском языке к членам этих формирований прочно прикрепился термин «полицай». За их гнусную предательскую рабо-

ту немцы платили полицаям вполне приличные жалования. Некоторые люди в полицию были втянуты насильно.

* * *

Фашисты выгоняли сельчан рыть окопы, занимали под жильё лучшие дома, ломали на блиндажи хаты, забирали скот и имущество. Дом Шумовых, один из лучших в деревне, заняли под штаб. Варвара с детьми переселилась в полуразрушенную избу на краю деревни, где раньше жила её мать Глафира. Выходить на улицу даже днём было опасно: всех подозрительных расстреливали на месте. Нередко жителей деревни выгоняли на улицу даже зимой, в сорокаградусный мороз, на их глазах поджигая дома.

Женщины, старики и дети, лишившись крова, были вынуждены скитаться в поисках пристанища. А в начале января сорок второго года всех жителей из Дальней Игуменки и окрестных сёл немцы погнали в тыл, на запад. Женщины несли на себе грудных детей, узлы с немудрёным скарбом. Держась за подолы матерей, еле передвигая ноги от голода и усталости, шли дети постарше.

Люди терпели страшные лишения, холод и голод. У кого были какие-то вещи – меняли их на продукты. Весной стали выкапывать мёрзлую картошку, ели щавель, крапиву и другие травы, пили берёзовый сок. Многие умирали от голода и болезней, при обстрелах и бомбёжках.

Варвара заболела: коленные суставы распухли, и начались сильные боли. Но ни лечиться, ни просто полежать и отдохнуть возможности не было. Вместе с детьми она шла, как говорят в народе, куда глаза глядят. Так, побираясь, они дошли до села Степановки Белопольского района Сумской области, которая с сентября сорок первого года входила в так называемую военную зону.

Варвару продолжали мучить боли. Идти дальше она уже не могла, да и идти было некуда. Обосновались недалеко от Степановки на хуторе Металивка.

Хозяева полуразрушенного дома, где нашла приют семья Шумовых, погибли во время обстрела села вражеской артиллерией. Коечто из мебели и одежды растащили мародёры. К радости Варвары, печка была целой, и ещё можно было раздобыть топливо.

Из найденных старых досок и чурбаков смастерили топчаны: один для Варвары, два других – для детей. По очереди грелись на

¹ В 60 – х годах Саженский район был переименован в Гостищевский район. Здесь и далее ссылки на источники информации стр. 160. Примечание автора.

² Период с 25 октября 1941 по 20 февраля 1943 года. Второй раз с 20 марта 1943 года по 5 августа 1943 года.

печке. Оставляя дома мать и младшую сестру Женю, Маргарита, Татьяна и Никита каждый день ходили с нищенской котомкой по Степановке и окрестным хуторам. Побирались, чтобы не умереть от голода.

В середине октября сорок второго погода стояла солнечная и безветренная. В воскресенье Варвара почувствовала себя получше и решила пойти вместе со старшими детьми в соседние сёла побираться. Дома оставили маленькую Женю, наказав никому не отпирать дверь.

На развилке дорог разделились на группы: Никита с Таней пошли в Заряновку, Варвара с Маргаритой – поближе, в село Барановское

В полдень, как нарочно, всех жителей села собрали на площади возле здания бывшего сельского совета. Варвара и Маргарита хотели незаметно скрыться, но полицаи проявили бдительность. Пришлось остаться на площади.

«Никитка с Татьяной вряд ли из Заряновки вернулись. Дома Женька одна. Смотрит в окошко голодными глазищами, ждёт нас. Хорошо, хоть сегодня тётенька сжалилась и картошки дала. Вот Женька обрадуется. – Маргарита, переминаясь с ноги на ногу, с нетерпением ждала, когда приезжий мужчина в гражданской одежде закончит свою речь. – Вот заладил, болтун. Мамка уже еле на ногах стоит».

– Великая Германия предоставляет работу советским гражданам, так как не хочет оставлять их семьи в безработице и нужде! – надрывался агитатор, пытаясь убедить голодных оборванных людей, что именно в Германии им уготовано прекрасное будущее. – Вы сможете помогать своим родным, присылая им деньги и посылки!

«Надо ж, наобещал! Кто поверит? Всё бесплатное: жильё, еда, врачи. И ко всему этому ещё и зарплата, – усмехнулась Маргарита, – сейчас, наверное, будут предлагать записываться».

Так и было. Староста предложил всем, кому исполнилось восемнадцать лет, записаться добровольно.

Маргарита заметила, как вздрогнула мать, услышав голос старосты.

Сколько раз Варвара ругала себя, что невольно подчинилась тогда своему желанию и выглянула из толпы. В старосте, раздающим

листовки, она признала врага семьи. Хотела укрыться за спинами односельчан, но быстро не получилось. Заметив движение, Фёдор бросил в их сторону угрюмый взгляд из-под густых, сросшихся на переносице бровей. По его ухмылке Варвара поняла: надо ждать беды. Горячей волной её окатил страх. И без того больные ноги подкосились. Вплотную стоявшие рядом односельчане подхватили женщину, не дав осесть на холодную землю. Маргарита пробралась к матери и вывела её из толпы.

Конечно, Фёдор узнал Варвару Шумову. Догадался, что с площади её увела старшая дочь. Ему не составило большого труда узнать место их проживания.

Стройная, русоволосая, сероглазая Маргарита оказалась девушкой неприступной. Мало того, сумела постоять за себя. Потирая щёку после полученной оплеухи, Фёдор злобно ухмыльнулся: в его голове созрел план, как отомстить за пострадавшее самолюбие.

Как ни старался агитатор, на работу в Германию никто записываться не хотел. Ни в Степановке, ни в окрестных сёлах не оказалось желающих добровольно уехать из родного дома. В комендатуре составили списки парней и девушек, которым исполнилось восемнадцать лет. Полицаи начали разносить повестки.

Некоторые коренные жители, будучи хорошими знакомыми или родственниками немецких пособников, смогли откупиться. Их дети остались дома. У беженцев такой возможности не было. Единственный выход – спрятаться или сбежать. Сбежать Маргарита не могла, а вот спрятаться – да.

План по отправке рабочей силы нужно было выполнять. В Белопольском районе начались облавы. Когда появилась угроза облавы в Степановке и окружающих её хуторах, Маргарита успела спрятаться: «Если попадусь, мамка с малыми пропадёт».

Фёдор не увидел среди «выловленной добычи» свою обидчицу и отправился к Шумовым, чтобы собственноручно вручить Маргарите «приглашение» на работу в Германию.

Варвара обрадовалась, что дочери не было дома.

Только радость оказалась преждевременной: на следующий день он пришёл снова. Не застав Маргариту, оставил повестку. Предупредил, чтобы не вздумала больше прятаться, пригрозив расправой над младшими детьми.

Надеясь на скорое окончание войны и своё возвращение домой, Маргарита сделала выбор.

Собираясь в дорогу, она рассказала матери о приставаниях старосты и о пощёчине:

– Вот Утюг проклятый и взъелся.

Варвара заплакала тогда и объяснила, что виной тому не только пощёчина, полученная Фёдором, а прошлое, за которое мстят Утюжниковы их семье.

Проводив Маргариту, Варвара с детьми возвращалась на хутор. Никита, оставшийся за старшего, наказал всем собирать всякие обломки и сухие ветки, что попадутся по пути. Со словами: «Мать, хватит плакать, Ритка всё равно вернётся», – вытащив из-под снега несколько одеревенелых стеблей кукурузы, сунул ей в руки. Почувствовав в скупом утешении сына заботу, Варвара с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться снова.

Казалось, после ухода Маргариты старый полуразрушенный дом осиротел. Все понимали: надежда теперь на Никиту. Разделив между детьми куски сухого хлеба, оставленные Маргаритой, побольше положила сыну. Себе оставила самый маленький. Хотела позже размочить в воде и съесть. Поймав голодный взгляд младшей дочери, отдала ей.

- Ну правда же, наша Рита не пропадёт, деловито заметила Женька, разгрызая сухарь, ей Лизка что-либо даст.
- Ну да, Лиза девочка подельчивая, ссогласилась Варвара, вздыхая, только откуда ей столько еды взять.

Глава вторая

Дорога в «счастливую жизнь»

От села Степановки до Белополья, откуда предстояла отправка в Германию, было около десяти километров. Маргарита, подгоняемая внутренним монологом, обращённым к ненавистному ей Фёдору, ускоряла шаг. О содержании монолога нетрудно было догадаться по выражению её лица.

Лиза, перекинув через плечо обвязанный верёвкой чемоданчик, старалась идти рядом с подругой.

- Рит, перестань, ты же сама говорила, что попробуем сбежать, пыталась успокоить она Маргариту. Говорила, что выберем момент и ...
  - Лиз, я его всё равно убью. Вот вернусь и убью. Ты мне веришь?
- Рит, верю. Только наши его раньше убьют. На вот, поешь, Лиза, не останавливаясь, протянула подруге размером в половину ладони кусочек хлеба, у меня от вчерашнего осталось.

Маргарита откусила краешек.

– А я всё мамке отдала. Как она без меня будет? С кем малые побираться пойдут? У мамки ноги больные. Одна надежда на Никитку. Ой, Лиз, прости, я даже спасибо не сказала. Спасибо тебе, Лиз. Лиз, ты слышишь?

Маргарита перестала жевать, прислушиваясь к нарастающему рёву.

- Наши?

Как по команде, все остановились и с надеждой подняли вверх головы.

Полицейский натянул вожжи, останавливая лошадь. Его напарник спрыгнул с телеги. Подняв винтовку, взял на мушку находящуюся ближе всех Маргариту.

– Даже не замышляй!

«Место открытое. Пристрелят – и всё тут. Поминай как звали. А мне никак помирать нельзя».

- Лиз, не цепляйся за меня. Иди сама.
- Сил больше нет, отозвалась Лиза. Возьму чемодан на плечо рука немеет. Вниз опущу он всё время в ногах путается, идти мешает... Мозоли натёрла валенками...
  - Лиз, кстати, ты зачем валенки одела?
- Дедушка Ваня заставил. Сказал, что зима на носу, да и ботинки в чемодане меньше места займут.
  - Раз послушалась терпи.
  - Жарко... Уморилась я...
  - Ты что, спортом не занималась?
- Я же рассказывала, что музыкой занималась. На скрипке училась играть.
- Помню, только сейчас музыка не поможет, а вот силы нужны. Дорога сама видишь какая. А нам ещё топать и топать.

Маргарита протянула свой узел подруге.

- Меняемся?

Взвалила Лизин чемоданчик на плечо. «Это разве тяжёлый? Вот мешок с хлебом – это да! – Ей вспомнилась совсем другая дорога. Дорога из родной Игуменки в Белгород. – Надо будет Лизке рассказать при случае, чтоб знала, где я жила, как я жила».

- Лиз, ты не думай, что устала. Думай о чём-нибудь другом. Вот, например, следы считай. Мы так всегда делали, когда с сестрой в Белгород за хлебом ходили. Кто меньше насчитает, тот проиграл и в лоб щелбан получил. Если больше моего насчитаешь, то выиграешь.
  - Не хочу я тебя в лоб бить!
  - Так ты ещё и не выиграла.

Лиза начала считать следы. Скоро ноги её, обутые в валенки с калошами, сами собой начали заплетаться.

– Лиз, не отставай, а то полицаи на телегу затащат.

Лиза, оглядываясь назад, догнала Маргариту, ухватила её под руку.

– Потерпи, Лиз, скоро поедем к новой счастливой жизни. Так нам Утюг обещал? Ох, и поплатится же он, когда я вернусь!

...Отправляли нас с вокзала города Белополье. Сначала привезли в город Ульм, где мы прошли санобработку и медкомиссию. Затем распределили по городам на заводы и фабрики. Я, Лиза и Аня попали в город Зинген, на алюминиевый завод.

К пункту отправки пригнали молодёжь из близлежащих сёл и деревень. Начался медосмотр. Проверяли, нет ли вшей, чесотки и других кожных заболеваний. После всех подвергли дезинфекции. О человеческом достоинстве речь не шла. Все процедуры были унизительными.

Далее на всех прошедших комиссию, оформили транспортные листы, в которых были указаны фамилия, имя, дата и место рождения, социальное происхождение, профессия. Кроме этих данных, у каждого сняли отпечатки пальцев. Далее всем требовалось выучить разработанные ранее правила поведения в пути и следовать им.

* * *

В правилах говорилось: я буду бережно расходовать свои запасы продуктов, потому что должен ими довольствоваться несколько дней; беспрекословно выполнять приказы персонала сопровождения

и не оставлять вагон без разрешения; на пограничных станциях сохранять исключительную чистоту и исполнять все действующие там распоряжения и указания; сведения давать точные, иначе не получу соответствующей работы.

* * *

Для отправки в новую «счастливую» жизнь подогнали состав из старых вагонов, в которых раньше перевозили скот. Теперь в них ехали обречённые на рабский труд люди.

* *

Транспорты проходили через три дезинсекции¹. Первая дезинсекция проводилась в лагерях отправки, вторая на пограничных станциях с рейхом или на ближайшей к границе рейха дезинсекционной станции. Третья дезинсекция проводилась в пункте назначения. После сдачи доставленного эшелона с уцелевшими людьми в пересыльные лагеря рейха транспортные сопроводительные команды сразу возвращались к месту службы.

Дезинсекционные станции делали соответствующую отметку в транспортных документах: название вербовочной комиссии и биржи труда, номер транспортного пропуска, место вербовки

Помимо транспортных пропусков составлялись транспортные списки вербовочных комиссий, с перечислением фамилий рабочих и указанием года рождения, места жительства, специальности.

Бюро транспортной службы писало ежемесячные отчёты об отправке эшелонов с рабочей силой. В отчётах указывались: день отправки, маршрутный номер, заказчик, груз (рабочая сила), число вагонов, количество людей, маршрут следования, пропускной пограничный пункт и протяжённость маршрута.

Восточные рабочие перевозились в рейх исключительно в товарных вагонах. Сопроводительной команде выделялся отдельный крытый вагон, предназначавшийся для перевозки солдат.

По инструкции вербовочные комиссии должны были обеспечивать перевозимых людей пайком, а в дороге получать дополнительное довольствие. Но анализ более 6 тысяч опросных листов показы-

¹ Дезинсе́кция – один из видов обеззараживания с применением специальных химических средств для уничтожения насекомых, способных переносить инфекции.

вает, что питались они тем, что удалось захватить из дома. Из вагонов их выпускали редко и под конвоем, а то и вовсе не выпускали, чтобы исключить побеги.

Ни один транспорт не приходил на конечную станцию с тем же количеством остарбайтеров, которое загрузили в начале пути.

Об условиях транспортировки восточных рабочих весьма красноречиво в начале 1942 года доложил Гитлеру Мансфельд: «Бессмысленно, – говорил он, – перевозить эту рабочую силу в открытых или неотапливаемых товарных вагонах, так как по прибытии на место назначения приходится выгружать трупы».

* * >

– Риточка, как же так? Солома грязная? Здесь ни лечь, ни сесть нельзя! А запах какой! Как же мы поедем, Риточка?

Не отвечая, Маргарита присмотрела свободное место у стены. Не отпуская руку подруги, стала пробираться к этому месту. «Эх, Лизка, запах плохой! Проще было бы сказать: какая здесь вонь. Но это же Лизка с её воспитанием!»

Поставив Лизин чемоданчик, скомандовала:

- Давай, Лиз, бросай мой узел рядом. Садись на свой чемодан, а я сяду на узел. Считай, самый раз устроились: возле стены, да ещё посерединке.
  - Хорошо, Риточка. Здесь и потеплее будет, чем с краю.

Прижавшись друг к другу, они некоторое время сидели молча, прислушиваясь к разговорам вокруг.

- Лиз, я вот подумала, они кормить нас собираются?
- Риточка, ну разве можно здесь что-нибудь есть? Здесь же такая... такой запах!
- Лучше молчи, Лиз, не зли меня. Я бы сейчас от корки хлеба не отказалась! И запомни: ни ты, ни я сейчас не можем что-то изменить. И до нас ездили в этом вагоне, и после нас поедут. Терпи и всё тут.
- Хорошо, Риточка, буду терпеть, со слезами в голосе ответила Лиза, это же лучше, чем быть убитой.

Маргарита только кивнула в ответ. Ответить мешал ком, подкатившийся к самому горлу. Но заплакать сейчас означало проявить слабость. «Нельзя плакать. Если заплачу, Лизка потеряет веру в мою силу. Я для неё как надёжный тыл. Нет тыла – появится страх. Ну, как у мамки: отца не стало, она и сломалась. Болеть начала. У Лизки отец

без вести пропал, мать убили, одна я осталась. Значит, нельзя мне быть слабой. Ради Лизки нельзя. Сломается, тогда пиши пропало. А нам нужно выжить и вернуться. Наверное, все мечтают вернуться домой. А получится ли у всех? – она оглядела притихших товарищей по несчастью. – А может, не все хотят возвращаться? Может, кто-то хочет у немцев остаться? Интересно, о чём соседка сейчас думает? Или вон тот парень, что первым в вагон залез?»

Никому никогда не узнать, о чём думал каждый в отдельности, находящийся сейчас в телячьем вагоне. Но, бесспорно, каждый надеялся выжить. Выжить, чтобы обрести кров над головой, еду или вернуться домой и обнять родных.

«Лизка, наверное, хочет выжить, чтобы найти отца. Потом влюбиться, нарожать детишек и быть счастливой. А мне надо выжить, вернуться домой, помочь мамке и, конечно, отомстить гаду».

– Лиз, что ты всё время ёрзаешь на своём чемоданчике? Сиди спокойно, а то крышку продавишь.

Лиза протянула подруге сухарь.

- Бери, Риточка, не умирать же с голоду. А то счастливой жизни не дождёмся.
  - Давай пополам?
  - У меня есть ещё один. Я потом съем.

Положив голову подруге на плечо, Лиза прикрыла глаза и замолчала.

- Лиз, ты просто так не сиди, а то замёрзнешь. Не забывай всеми пальцами шевелить. Это хорошо, что ты в валенках. Они просторные внутри, не как мои ботинки.
- Рит, может, всё наладится? Дадут нам работу, денег заработаем? Ты мамке будешь посылать! Обещали же!
  - Лиз, ты себя успокаиваешь или меня?
  - Я просто подумала, что...
- Что будет у всех нас счастливая жизнь? Счастливая жизнь, Лизка, была у меня детстве моём, когда папка был жив. Вот тогда была счастливая жизнь и у меня, и у мамки, и у сестёр да братьев моих.
  - Рит, расскажи, как вы жили?
- Хватит болтать, вмешалась в разговор соседка, спать мешаете.
- После расскажу, пообещала Маргарита, сейчас давай сядем спина к спине и попробуем уснуть.

Лиза повернулась спиной к подруге и вскоре засопела.

«Совсем как Татьянка наша. Та тоже быстро засыпает. Как там мамка одна управляться будет?»

Несмотря на тесноту, духоту и холод, все вокруг потихоньку угомонились. Разговоры стихли. Вместо разговоров с разных сторон доносились то чей-то храп, то всхлипывание, то бормотание. Ночью поезд набрал скорость. Колеса стучали на стыках рельс и стрелках. Вагон бросало из стороны в сторону. Качаясь, он лязгал железом и скрипел. Маргарите подумалось, что старый вагон жалуется на свою тяжкую ношу. Жалуется, что на старости лет ему пришлось увидеть столько слёз и услышать столько рыданий. «Вот бы остановились мы где-нибудь в лесу и жили бы, пока война не кончится! – подумалось ей сквозь наваливающийся сон, – и никто бы нас не трогал... А Федьку Утюга всё равно убью...»

Утром ничего не изменилось. Во время остановки никто не сдвинул с места тяжёлую дверь вагона. Никто не предложил еды, хотя снаружи слышалась немецкая речь. У девушки в конце вагона началась истерика. Рыдая, она стала стучать кулаками и ногами в стену.

– Откройте! Откройте! Мы же люди! Ну, откройте же!

В ответ раздалась автоматная очередь. Девушка, отпрянув в сторону, упала на прижавшихся друг к другу людей. Её тут же оттолкнули обратно.

– Мы же замёрзнем все тут! От холода умрём! – опустившись на колени, продолжала выкрикивать она, но на этот раз потише.

Лиза прислушалась...

- Риточка, это же Аня Механина из Степановки!
- Точно, Анна. А я думала, что она в другой вагон попала. Погоди-ка, Лиз, пока стоим, попробую её к нам перетащить вместе с вещами.

Не отвечая на ругательства потревоженных людей, Маргарита пробралась к односельчанке. Присела возле неё на корточки, потрогала за плечо.

- Ань, это я, Рита Шумова. Мы от Барановского сельсовета вместе шли. Узнаёшь?
- Рита? продолжая всхлипывать, обрадованно отозвалась Анна. Я думала, что ты сбежала.
  - Не получилось пока.

- Ой, Рита, у меня живот болит, и ..., и я хочу...
- Всё ясно, потерпи, пока со станции отъедем, а не то...
- Всё, всё, Рит, терплю. Не уходи только.
- Тогда подвинься, а то мне так сидеть неудобно ноги немеют.

Разместившись на мягком узле, Маргарита поёрзала на нём.

- Я тебе сухари не передавлю?
- Нет там сухарей. Съела всё, ответила Анна, бросив при этом взгляд на соседей.
- То-то живот у тебя болит, намеренно пошутила в ответ Маргарита, стараясь хоть как-то её развеселить.

Простояв ещё минут десять, состав после свистка паровоза несколько раз дёрнулся и медленно тронулся с места.

Выждав ещё некоторое время, Маргарита поднялась сама и, подсунув замёрзшие пальцы под туго завязанный узел, подняла мешок.

– Пойдём к нам, – потянула она Анну за рукав, – вместе веселей. Или ты уже расхотела?

Пробираясь между сидящими и лежащими людьми, споткнувшись о чью-то ногу, попросила миролюбиво:

- Эй, посторонились бы, что ли? Нам всем хуже будет, если не стерпит дивчина.
  - Хуже уже некуда, прозвучало в ответ.

Продолжая тянуть за собой Анну, Маргарита сначала провела её к отхожему месту.

– Дальше сама. Я тебя прикрою.

Точно так же пробирались они обратно.

- Как вы долго! Я уже бояться стала. Думала, что-то случилось.
- Ещё одна краля явилась, прокомментировала соседка появление Анны, дурнопотылошная, да ещё со своим мешком блохастым.
  - Знаете, нельзя быть такой бессердечной!
- Лиз, не обращай внимания. Анькины блохи ей сами ночью отомстят. Кровушки попьют у неё. Это мы сухие корки грызем, и кровь у нас невкусная, а она сало по ночам трескает.

Получив отпор, соседка замолчала. Заботливая Лиза пошарила в своих вещах, достала сухарь и протянула Анне.

– Вот, покушай.

Взяв сухарь, размазывая остатки слёз на щеках, продолжая вздрагивать, Анна попросила воды.

- Только глоток, предупредила Маргарита, протягивая бутылку с водой, а то, может, о нас вообще никто не вспомнит.
- Это она пугает тебя, попыталась Лиза успокоить Анну, заметив, что та снова собирается заплакать.
- Не трогай её, пусть выплачется. Злее будет. Она и так немчуру напугала своими кулаками. Они даже обороняться стали.

Анна хихикнула, шмыгнула носом и тихонько засмеялась.

- О, уже смеётся! заметила соседка. Точно дурнопатылошная!
- Сама ты такая, отозвалась Анна в ответ, и батька твой такой же!
- Это причём здесь мой батька? в голосе соседки послышались злые ноты.
- Всё, хватит, хватит, остановила перебранку Маргарита. А то поубиваете друг друга, что тогда немцы делать будут.
- А что это за слово такое «дурнопатылошная»? шепотом спросила Лиза.

Сняв связанные из толстой шерсти рукавицы, соседка сжимала и разжимала пальцы, продолжая одновременно прислушиваться к разговору. Услышав Лизин вопрос, хмыкнула себе под нос и спросила:

- A ты, девка, откедова будешь? Часом, не еврейка? Вон, кудри-то как вьются!
- Слышь, тебя как зовут? подобравшись к соседке поближе, Маргарита толкнула её в бок.
  - М–маруся, испуганно пробормотала соседка.
- Ты, М–маруся, хочешь, чтобы мы тебе «тёмную» устроили? А заодно и всё сало из мешка вытащили?

Маруся помотала головой.

- Не! Я ж просто позаботиться хотела, всех евреев убивают.
- Всё, Маруся, успокойся. Русские мы. Сиди тихонько и не мешай хорошим людям разговаривать. Да, и подвинься немного.
- Потылица это затылок, прошептала Маргарита Лизе на ухо, остальное сама догадаешься.

Маруся, продолжая что-то тихонько приговаривать, вещи свои всё же передвинула. Маргарита по-хозяйски подтащила узел Анны на освободившееся место.

- Садись, Ань, удобнее. А если что не так, я сама сюда пересяду. – И, обращаясь к соседке Марусе, заметила, – а салом всё равно придётся поделиться!
- Тебе, Ань, ещё повезло, что они в воздух пальнули. А то бы убили, а, что хуже, ранили. Ты так больше не делай.

Лиза заботливо поправила сползший с головы Анны платок.

- Красивый! Наверное, до войны покупали?
- До войны, а когда же ещё. А ты что, еврейка?
- Русская.
- Ань, ну посмотри на Лизу: у неё же кудри рыжие и веснушки на носу. Да и какая тебе разница?
  - Вы что, не знаете, что они евреев убивают?
- Они всех убивают. Мы такого насмотрелись, когда немцы нашу Игуменку заняли. Тебе этого и не снилось, наверное. А мне теперь всю жизнь сниться будет.
  - Расскажи, Риточка, попросила Лиза, может, тебе легче станет?
- –А что рассказывать? Рассказывать-то особенно и нечего. Ладно, слушайте, да только не забывайте пальцами шевелить. И на руках, и на ногах!

Глава третья

Рассказы Маргариты и её подруг

Маргарита встала, чтобы размять онемевшие ноги. Потопталась на месте и села обратно.

– Ну, слушайте. Когда началась война, я уже год работала швеёй на фабрике в самом Харькове. Спортом занималась – лёгкой атлетикой. Вступила в ОСОВИАХИМ¹. Нормы на «Ворошиловского стрелка»² сдала.

Лена, сестра моя, она на два года меня меньше, ещё училась в том самом ФЗУ³, которое я окончила. Так вот, Лена эвакуировалась

¹ ОСОВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству

 $^{^{2}}$ «Ворошиловский стрелок» — нагрудный значок ОСАВИАХИМа для награждения метких стрелков.

³ ФЗУ – фабрично заводское училище.

вместе с училищем и фабрикой в Ташкент. Я тоже могла эвакуироваться, но мне нужно было вернуться в Дальнюю Игуменку. А что бы мамка без меня делала? – Задала Маргарита вопрос скорее себе, чем слушавшим её подругам. – У неё, кроме нас с Леной, ещё Никита, Лёня, Таня, Женя. Сейчас самый старший, кто с мамкой остался – это Никита. Ему четырнадцать лет уже. Лёня вот потерялся. Отстал, когда мы побирались в соседнем селе. От полицаев спрятался, да и пропал. Ему только двенадцать исполнилось. Хоть бы нашёлся уже. Тане – десять. А Женечка у нас самая младшая. Ей всего шесть. Так это уже больше года прошло, как война началась. Значит, было на год меньше.

- Год и пять месяцев, уточнила Лиза.
- Да, в то время Женечке ещё и пяти не было.
- Риточка, не переживай, найдётся твой брат, обязательно найдётся! сердобольная Лиза погладила подругу по руке. Вернёшься и с братиком встретишься.
- Конечно, Лиз, встретимся. Главное, чтобы они без меня с голоду не умерли. Или чтобы этот Утюг их со света не сжил.
  - Это он на тебя взъелся за то, что пощёчину получил?
- Эх, и воспитанная ты, Лизка! Пощёчину?! Да я ему так въехала кулаком по челюсти, что он до сих пор очухаться не может! Вот только если бы мне мамка с самого начала рассказала, кто он такой...
  - А кто он такой? спросила молчавшая до сих пор Анна.
  - Сначала ты мне расскажи всё, что о нём знаешь.
- А что я знаю? Ну, знаю, что он и его маманя сначала жили в Заряновке. Ты же знаешь, где Заряновка? Не знаешь? Если от церкви идти по правой дороге, как раз там и окажешься. Первый раз я Фёдора возле церкви увидела, когда меня бабушка с собой взяла. Да не в церковь. Мы просто мимо проходили, когда к тёть Мусе шли. Ну, тётя Муся мамина сестра троюродная. Тёть Муся...
  - Ань, не отвлекайся.
- Хорошо. Потом они перебрались в Степановку, в хату напротив нашей. Она пустая стояла после того, как стариков Петренок не стало. Мне тогда было, Анна подсчитала в уме года, мне тогда было пятнадцать лет. Да, точно, пятнадцать. Меня бабушка так ругала, когда увидела, что я возле колодца с Фёдором разговаривала. Сказала, что неизвестно, откуда они с матерью в Заряновке взялись и зачем в наше село переехали. Сказала, что одевается его мать не так, как

простые колхозники. Что у неё юбка из бархата, шуба дорогущая и что-то там ещё.

Что у его мамки есть бархатная юбка да красивая шуба, я тайком обрадовалась. Побоялась только, что Фёдор постарше меня. Мне пятнадцать было, а ему уже больше двадцати. Это он сам мне сказал. И ещё сказал тогда, что как я подрасту, то посватается ко мне. А когда меня бабушка отругала, то я и забоялась. Не стала больше с ним разговаривать, хоть и поджидал он меня возле колодца. Потом Фёдор женился на солдатке¹.

- Так он ещё и женат?
- Нет, уже не женат. Умерла его жена прошлой весной во время родов. И сама, и ребёночка не сберегли. Он хату заколотил и к матери вернулся. Как немцы село заняли, он сразу в полицаи пошёл. Его старостой назначили. Ко мне снова приставал еле убежала! Грозился прийти. А за меня и заступиться некому.
  - Я видела, тебя мать провожала. Отец на фронте?
- Нет, Рит, у меня отца. Умер, когда мне десять лет было. Мы тогда в городе жили. Отец на заводе работал, а мать в школе учительницей. Как он умер, мать вместе со мной в Степановку вернулась, к бабушке. Тоже в школу пошла работать в село Барановское.
- Учительницей? Теперь понятно, почему ты так хорошо на русском говоришь. Да, Лиз?
  - Конечно, я тоже заметила.
- Да и ты, Лиз, молодец, тоже по-городскому разговариваешь. Про ноги-то не забывай! Валенки сними немного да туда-сюда пальцами работай. Тебе же плохо будет, если ноги отморозишь! Ты, Ань, тоже не ленись.

Заботиться о сёстрах и братьях вошло в её обязанности давно. Делала она это легко, никогда и никому не жалуясь. Лизу после гибели её матери тоже взяла под свою опеку. В свою очередь, Лиза полностью доверилась новой подруге Риточке, как стала называть Маргариту, и заботилась о ней, как могла. Например, делилась сухарями или варёной картошкой, зная, что подруга свою порцию съестного частенько отдаёт матери.

«В валенках, конечно, лучше, – подумала Маргарита, расшнуровывая ботинки, доставшиеся от выросшего Никиты, – хорошо шер-

¹ Солдатка – вдова солдата, устаревшее.

стяные носки бабка соседняя дала». Заметив, что Лиза стала дремать, толкнула подругу в бок.

- Лиз, не засыпай, расскажи что-нибудь.
- O себе расскажи, попросила Анна, откуда ты родом и как в нашем селе оказалась.

Лиза потёрла кулаками глаза, встряхнула головой, отгоняя сон. Свою историю она уже рассказывала Маргарите. Сейчас она старательно повторяла всё по просьбе Анны.

– Я раньше с родителями в Харькове жила, в большой квартире. Мама у меня певица... была, а отец – военный... Когда уже война началась и он в часть уезжал, то с нами попрощался и велел ехать к родственникам в Воронеж. Побыть там, пока война не закончится.

Мама вещи собрала, в чемодан сложила. «Н3» положила тоже. Ну, неприкосновенный запас, как у военных. – При этих словах Лиза подумала, что среди вещей в картонной коробке лежат несколько сухарей. – Отец нам с мамой говорил, что всегда должен быть «Н3» продуктов.

Так вот, квартиру на ключ мама закрыла, и мы поехали на вокзал. Народу там было очень много. Если бы не папин знакомый, который на перроне всем руководил, мы не смогли бы сесть на поезд.

В вагоне, конечно, мест на всех не хватало. Сидели и на сиденьях, и на полу. Только уехали мы не очень далеко. Немецкие самолёты стали бомбить наш поезд. Не знаю, как нам удалось из вагона вылезти. Все вокруг кричали, на помощь звали... Дяденьку ранило, он весь в крови лежал. Я никогда раньше столько крови не видела...

Потом мы с мамой забрали свои вещи и пошли искать дорогу. Её мы нашли, только не знали, куда она ведёт. Стояли на обочине, пока возле нас не остановился военный грузовик. Мама объяснила, кто мы. Офицер обещал довезти нас до Белополья. Он уступил нам место в кабине, а сам с нашими вещами пересел в кузов. Нас высадили недалеко от вокзала. Народу, как и в Харькове, было много, и в поезд мы сесть не смогли.

Нашли местечко и стали ждать. Тут к нам подошёл дедушка Ваня. Имени его мы не знали ещё. Дедушка приехал на станцию, чтобы встретить свою внучку. Увидел нас и пожалел, позвал к себе на хутор пожить, пока всё уладится. Мама согласилась.

В тот страшный день мы возвращались из села. Шли через поле, и вдруг началась бомбёжка. Бомба упала так близко..., так близко...

Мамочку ранило. Тяжело ранило, всё лицо было в крови... Она... умерла...

Лиза всхлипнула. Замолчала.

И Маргарите, и Анне, и соседке Марусе, поневоле слушающей их откровения, стало понятно: Лиза снова там, рядом с дымящейся воронкой, и снова видит лицо матери, залитое кровью.

– Значит, ты из Харькова? Мама, говоришь, была певица? А ты? Тоже хорошо поёшь?

Понимая состояние Лизы, переживающей заново страшные мгновения, и стараясь отвлечь её от воспоминаний, спросила Анна.

- Пою. Но не так хорошо, как мама... пела. Я на скрипке училась играть и даже скрипку с собой взяла. У дедушки Вани на хуторе спрятала. Давно, конечно, не играла, но... Жаль, мамы больше нет и она никогда не услышит моей игры, Лиза снова всхлипнула, Спасибо Риточке, помогла нам с дедушкой маму похоронить.
- Как самолёты налетели, я неподалёку залегла. После услышала, как Лизок плачет, и прибежала. Дед Ваня уже рядом был.
- Дедушка Ваня обо мне, как о родной внучке своей, заботился. Когда я собираться стала, он...
- Погоди-ка, остановила её Маргарита. Слушая Лизу, она время от времени мысленно возвращалась к рассказу Анны. И сейчас, чтобы не забыть, спросила: В каком году тебе, Ань, пятнадцать было?
- В каком году, если посчитать, Анна пошевелила губами, то в тридцать восьмом, в конце лета.
- Получается, что появились Утюжниковы в ваших краях как раз тогда...

Договорить Маргарита не успела.

Прозвучал гудок паровоза, и состав начал тормозить. Вагон резко накренился в сторону. Сквозь крики заключённых в тесном пространстве людей и грохот железа подруги услышали нарастающий вой.

Лиза с испугом втянула голову в плечи, прижала ладони к щекам.

- Риточка, неужели нас будут бомбить?
- Не бойся, Лиз, всё обойдётся. Сейчас дальше поедем.

«Господи, спаси нас и сохрани! – У Маргариты внутри всё сжалось от страха. И не зря: послышался взрыв, от которого заложило уши. Вагон сильно качнуло. Состав несколько раз дёрнулся, замед-

лил ход, а потом снова тронулся, набирая скорость. – Спасибо тебе, Господи, пронесло!»»

Все вокруг начали возбужденно переговариваться, высказывая свои предположения.

- Риточка, он же в наш поезд бомбы бросал, да?
- Шут его знает... У тебя, Лиз, случайно не осталось сухарей? Лиза опустила голову.
- Нету больше.
- Жалко...
- У меня мука есть, призналась Анна, если б воды раздобыть, можно болтушку сделать.
  - Я так и знала, что у тебя что-то есть.
  - Откуда ты знала?
- Помнишь, когда я на твой узел садилась, спросила, не раздавлю ли сухари?
  - Ну и что? Не было там сухарей!
- Правильно. Ты так сказала, а сама глянула на соседку. Я и подумала, что ты врёшь, потому что боишься.
- Ну да, она уже приставала ко мне, мешок щупала. А мука мягкая, вот и не нащупала.
- Да, жаль воды мало. Может, на наше счастье дождь пойдёт или снег? Подождём.

Маргарита мысленно вернулась в Металивку, к своей семье. «Если пойдёт снег да заметёт дороги, как мои будут с хутора до села добираться? Хоть бы Лёнька нашёлся... Всё бы мамке полегче было... Может, уже и нашёлся...»

- Риточка, ты обещала про Фёдора рассказать. Расскажешь?
- Потом. Вот воды раздобудем, болтушку сделаем, поедим, сила появится тогда и расскажу.

Всю ночь Маргарита то впадала в тревожный сон, то, просыпаясь, шевелила онемевшими от холода пальцами. Состав набрал скорость, и вагон бросало из стороны в сторону. Скрежетали рессоры, ритмично постукивали колёса. Ближе к утру по вагону загулял ветер. Он ворвался сквозь щели вместе со снегом. И не было никакого спасения от этого пронизывающего до костей холода.

«Вот и снег, – подумалось ей сквозь сон, – можно будет болтушку сделать. Только как не хочется шевелиться. Вот усну сейчас и не

проснусь. Как дед Лунь. Бабушка Глафира ему не раз говорила, чтобы он зимой босиком не ходил. А он ходил и ходил... Потом уснул в сугробе и не проснулся. Только улыбался во сне. Вот и я сейчас улыбнусь и ...»

– Риточка, снег! – потрясла её за плечо Лиза. – Ты же обещала снега набрать, как пойдёт!

«Чего пристала? И умереть спокойно не даст! Умереть? Нет уж, дудки! Мне ещё домой вернуться надо, мамке помочь малых на ноги поставить. И с Утюгом разобраться. Конечно, это просто совпадение, что мы тоже оказались в Степановке. Не мог же он знать, что будет война, что немцы нас из дома выгонят, что останемся мы рядом со Степановкой на этом хуторе жить... Могли мы, конечно, и дальше пойти, если бы у мамки ноги не болели».

- Риточка!
- Лиз, ну что ты пищишь? открыла Маргарита глаза. Я уже не сплю!
- Во-во, послышалось с Марусиной стороны, точно, запищала, что та мышь!
- О, Маруська проснулась! Сейчас нас салом кормить будет! Маруся промолчала. Зато с другой стороны раздражённо отозвался кто-то сиплым простуженным голосом:
- Ну, ты, подруга, угомонись! Хорош о жратве! Договаривались же!
- Ага, бабка старая тебе подруга, насмешив Лизу, негромко ответила Маргарита обладателю сиплого голоса.
  - Почему бабка?
- Сама не знаю, как вырвалось. Лиз, а у тебя точно все сухари закончились? перешла на шёпот Маргарита.
  - Закончились.
- Как есть хочется! Я бы сейчас тошнотиков¹ поела и не сморщилась бы!
- A я бы лучше каши гречневой с молоком, мечтательно произнесла Лиза.
- Слышите, вы?! Договаривались о еде не говорить? Так на кой ляд вы уговор нарушаете? возмущённо подала голос соседка.

«Гречневая каша с молоком? Эх, Лизка, Лизка, гречневой каши с молоком захотела! А я бы не прочь картошки поесть».

¹ Тошнотики – мёрзлая варёная картошка.

Глава четвёртая

Игуменка. История двух семей: Шумовы и Утюжниковы

Маргарита вспомнила, как бабушка доставала из печи чугун с картошкой и ставила на стол. А мать приносила сковороду со скворчащими шкварками. Обязательно на столе стояли миски с квашеной капустой, солёными огурцами и помидорами. Хлеб резали большими кусками. И вкуснее всего на свете было откусить от ломтя хрустящую корочку, натёртую чесноком!

Стол, вокруг которого помещалась вся многочисленная семья, смастерил дедушка Маргариты. Но дедушки не стало, когда она была совсем маленькой. Благодаря рассказам бабушки Глафиры, внучки и внуки знали, каким замечательным столяром был их дедушка. Любила бабушка рассказывать всякие истории и сказки. Особенно зимой. Вечера длинные. На улице метель, да такая, что утром сугробы под самую крышу. Бабушка сядет на тёплую лежанку, а вокруг детвора: мал мала меньше. А какой она была рассказчицей!

Больше всего детям нравилось слушать всякие необычные истории. Рассказывала их бабушка Глафира только после того, как уснут младшие внуки. Укрыв их лоскутным стёганым одеялом, придав голосу таинственность, начинала она новую историю.

Именно это время и любила вспоминать Маргарита, изгоняя из своих воспоминаний тот день, когда случилось несчастье с отцом. Ивана Шумова –председателя колхоза – в январе тридцать восьмого до смерти избили возле избы-читальни. Осталась большая семья без кормильца. Вот тогда-то и пришлось старшим сёстрам ходить из Дальней Игуменки в Белгород за хлебом. Маргарите всего четырнадцать исполнилось, а сестре Елене – ещё и тринадцати не было. Дорога неблизкая: напрямую через лес километров десять. В лесу водились волки, и Маргарита частенько пугала ими своих младших сестёр и братьев.

Однажды зимой сестра заболела, и Маргарите пришлось идти в Белгород одной. Увидев проложенный санный путь, решила сократить обратную дорогу и свернула в лес. Уже половина пути была пройдена, как вдруг навстречу вышел серый матёрый зверь. Первой мыслью было залезть на дерево, но подходящего рядом не оказа-

лось. Замерев на месте, Маргарита стояла, не двигаясь, с мешком хлеба на плечах.

Жёлтые глаза хищника светились внутренним огнём, и невозможно было отвести взгляд в сторону. Не осознавая, что делает, Маргарита вынула из мешка буханку хлеба, отломила кусок, положила на дорогу и отступила назад. Постояв, волк ушёл обратно в чащу.

Дома только бабушке Глафире она рассказала, как от страха решила угостить волка хлебом. Бабушка выслушала, покачала головой и со словами: «Видать, признал свою!» перекрестилась и пообещала всё объяснить потом. Не раз рассказывала Маргарита эту историю остальным, прибавляя новые подробности. Так история о встрече с волком превратилась в историю сражения с огромным серым чудовищем.

Бабушка Глафира усмехнулась, услышав одну из версий сражения, и вечером рассказала новую сказку. Сказка была о маленькой девочке, которая заблудилась в лесу.

«Всем селом искали девочку. Прошла неделя. Искать её перестали – думали, что попала она в волчье логово. – как наяву, услышала Маргарита бабушкин голос. – Только мама девочки надежды не теряла, всё ходила по лесу и искала её. И вдруг на полянку вышла дочка – живая и невредимая. Она рассказала, что кормила её волчица молоком, как своих детёнышей».

– Мама, опять вы за старое! – с раздражением в голосе сказала Варвара и, укрывая Маргариту одеялом, добавила: – Запомни, Рита, это просто сказка. Сказка, только и всего.

Воспоминания о детстве навеяли грусть.

«Рассказать им о волке? Нет, не буду силы тратить. Мне ещё вернуться надо и Утюгу отомстить. – Жажда мести не покидала её с той поры, как Фёдор принёс повестку, и усилилась после рассказа матери. С мыслью о мести она засыпала и просыпалась в последние дни, как и сейчас, когда голодные спазмы до боли скрутили живот, когда слабость одолела так, что невозможно сжать и разжать закоченевшие пальцы на руках и ногах. – Гад, сам спит в тепле, сытый и довольный жизнью. Ох, поплатишься же ты, когда я вернусь!».

Наполненный ненавистью мысленный посыл достиг цели.

Среди ночи Фёдор проснулся, откинул стёганое ватное одеяло и сел на постели. Потряс головой, отгоняя сон, в котором снова видел лица угоняемых в Германию девчат и слышал их плач.

- Что, сынок, не спится?
- Пить захотелось, соврал Фёдор, тушёнки жирной поел.
- Феденька, сынок, забудь её. Не вернётся она оттуда.
- О ком вы, мама?
- Да, всё о ней, сынок, о Маргарите Шумовой.
- Кто донёс?
- Донёс? Сейчас ты не староста, а мой сын. Прости, не сказала тебе сразу: я была в тот день и видела Шумовых. И прошу тебя: не трогай больше эту женщину и её детей. Не виновата она в случившемся. Так же, как все, страдает. Одна с малыми детьми.

...В тот день, глядя вслед покидающей родное село молодёжи, Фёдор не испытал радости. К своему удивлению, внутри себя он ощутил пустоту. Снова слышались ему последние слова Маргариты: «Я вернусь и убью тебя, полицай проклятый!»

Точно так же зимой тридцать восьмого ему хотелось убить её отца Ивана Шумова.

Прасковья Утюжникова знала, что замышляет сын, но не остановила его. После ареста мужа она не доносила ребёнка, родила прежде срока. Сама чуть не умерла во время тяжёлых родов. Едва оправившись, узнала, что младенец жив, да только отвезли его в город и сдали в детский приют как сына врага народа.

Фёдор пытался найти брата, но ему везде было отказано. Решение отомстить за отца и мать созрело окончательно. Холодным январским днём Игуменку облетело известие: возле избы-читальни кулаки до смерти избили председателя колхоза Ивана Шумова. А затеял драку Федька, сын раскулаченного Емельяна Утюжникова.

Прасковья поняла: сына арестуют и останется она одна-одинёшенька в чужом краю. Подгоняемая страхом, собрала самые необходимые вещи в объёмистый баул и стала ждать возвращения Фёдора. Той же ночью они бежали из Дальней Игуменки в Белгород. Бежали короткой дорогой через тот самый лес, где Маргарита встретила волка. Месяц жили в Белгороде, снимая одну из комнат в квартире, принадлежавшей когда-то важному городскому чиновнику. Никуда

не выходили, питаясь тем, что приносила из продуктовой лавки соседская девчушка.

Чтобы не вызвать подозрение, Прасковья притворилась больной, хотя и притворяться особо не стоило. Окончательно не выздоровев после перенесённых родов, была она бледной и худой. И Фёдору, подвернувшему во время побега ногу, тоже притворяться не приходилось.

В маленькой комнате, которую им удалось снять наспех, стояли две кровати и стол с двумя табуретками. Нынешним хозяевам квартиры каким-то образом удавалось достать дрова, и в их комнате белёный бок печки был всегда горячим. Через крошечное окно, выходившее во внутренний дворик, можно было видеть соседний дом и узкую полоску неба над ним.

В эти последние февральские дни вьюга за окном завывала, как казалось Прасковье, особенно сурово. Каждую ночь, таясь от сына, она плакала в подушку, а утром переворачивала мокрой стороной вниз, чтобы не было заметно. Фёдор почти всё время угрюмо молчал, лёжа на своей кровати. После того, как вместе с продуктами Прасковья обнаружила в корзинке вино, она решила, что откладывать разговор больше не стоит. Собравшись с духом, присела на кровать сына, взяла его за руку и начала с того, что попросила прощения.

Из рассказа матери Фёдор узнал, что родилась Прасковья в Заряновке, недалеко от Белополья, в Сумской области, что мать её работала прислугой в богатой усадьбе. Там же садовником работал и Емельян Утюжников. В пятнадцать лет, оставшись круглой сиротой, Прасковья стала прислуживать в доме. Потом помогала няньке Анфисе, недавно родившей сына, приглядывать за хозяйскими детьми. Положил на Прасковью глаз хозяин усадьбы и соблазнил юную красавицу. Вскоре она поняла, что ждёт ребенка. Слухи об этом дошли до его жены, и та приказала гнать «распутную девку» из усадьбы.

Осталась бы Прасковья без крыши над головой, если бы хозяин не выдал её замуж за Емельяна Утюжникова. Не только выдал, но и позаботился о том, чтобы его будущий ребёнок – а он почему-то был уверен, что это будет сын – ни в чём не нуждался. В стороне, далёкой от Заряновки, под Курском, для молодой семьи Утюжниковых были куплены дом и большой участок земли.

Летом тысяча девятьсот семнадцатого года родился Фёдор. Счастливо или нет сложилась бы в дальнейшем жизнь их семьи, но революция и братоубийственная война круто изменили не одну людскую судьбу.

Не случись беды с Емельяном Утюжниковым, Фёдор, может быть, никогда и не узнал бы имя своего настоящего отца. Не узнал бы, как попал Емельян в круговерть событий тех лет.

* * *

Седьмого ноября (25 октября по старому стилю) совершилась Великая Октябрьская Социалистическая Революция. В январе 1918 года началась Гражданская война. Голод и разруха свирепствовали по всей стране. Правительством большевиков, чтобы поправить положение, была введена новая экономическая политика (НЭП). В годы НЭПа в городах и сёлах произошёл целый ряд перемен: оживилась торговля, наладилось мелкотоварное производство, стали набирать силу кулацкие хозяйства¹. В этот период также стали образовываться коммуны, для коллективной обработки земли. В Курской области, начиная с 1928 года, началась коллективизация. Передовые рабочие — двадцатипятитысячники² оказали большую помощь крестьянству в строительстве новой жизни.

Кулаки проводили антиколхозную агитацию среди бедноты и середняков, прибегали к угрозам, запугивали активистов, портили сельхозмашины, поджигали колхозные постройки, убивали председателей колхозов, коммунистов и комсомольцев. Тем не менее, к осени 1932 года коллективизация во всех районах Курской области была завершена.

Одновременно шло раскулачивание и высылка людей на Север, в Сибирь. Нередко в этот маховик попадали люди безвинные или косвенно причастные.

В 1932 году правительством было принято решение забрать у колхозов весь хлеб. Это обрекло крестьян на голод. Те, кто мог, по-кидали сёла и уходили в промышленные города.

Пообещав матери не трогать семью Шумовых, Фёдор встал попить воды. Прихлёбывая из алюминиевой кружки, он снова вспомнил, как кричала Варвара, прощаясь с дочерью. Снова перед его глазами возникло лицо Маргариты, перекошенное ненавистью к нему.

– Я вернусь и убью тебя, полицай проклятый, – повторил Фёдор её слова и почти неслышно добавил, – возвращайся...

После разговора с сыном Прасковья не спала до утра, вспоминая свою жизнь, начиная с малых лет, когда осталась круглой сиротой. Как пришлось двенадцатилетней девочке Проше исполнять многочисленные поручения капризной хозяйки имения и выслушивать бесконечные упрёки.

Позже Проше разрешили приглядывать за хозяйскими детьми – помогать няньке Анфисе, которая обрадовалась шустрой помощнице. Она родила своего сына в один месяц с хозяйкой, и ей приходилось быть и нянькой, и кормилицей одновременно. Когда Проше исполнилось пятнадцать лет, её приметил хозяин имения Александр Григоропольский.

До сих пор жалела Прасковья, что не увидал Александр своего сыночка, как две капли воды похожего на него.

Четверть века прошло с того времени, как вместе с Емельяном они уехали в Дальнюю Игуменку. Свою первую любовь к мужчине Прасковья не считала ошибкой молодости. Ошибкой посчитала она возвращение весной тридцать восьмого года в Заряновку.

Вместе с Фёдором они ходили по селу в поисках жилья. Пустила их к себе на постой вдова Евлампия. Она же и поведала Прасковье о всех изменениях, произошедших в Заряновке за последние годы.

Так Прасковья узнала, что двухэтажное здание бывшего имения полностью занимает школа. Вернее, школа здесь была и раньше, но в одной из комнат первого этажа. Учились в ней дети крестьян и дворовых людей. За партами сидели одновременно ученики первого, второго и третьего классов. Прасковье тоже посчастливилось учиться. На трёх классах её образование закончилось. Чтению и письму научилась, и этого было вполне достаточно для того времени.

На следующий день после приезда Прасковья попросила сына пойти вместе с ней к бывшей усадьбе. С грустью прошла по парку, отметив, что почти все деревья были вырублены. Из растительности

¹ Кулаки – зажиточный слой крестьян, пользующийся наёмным трудом (крестьяне-работодатели).

² Двадцатипятитысячники – двадцать пять тысяч передовых рабочих, добровольно поехавших в колхозы по призыву Коммунистической партии в период коллективизации.(Начало 1930-х годов)

кое-где торчали тонкие ветки кустарника. Миновала заполненный грязью фонтан и с душевным трепетом подошла к широкому крыльцу с выщербленными ступенями. Остановилась, с огорчением разглядывая облупившийся фасад. То, что хранила её память, сильно отличалось от увиденного.

Разбитые стёкла, облупившаяся краска на рамах и дверях, заколоченные окна оранжереи. В воспоминаниях всё было по-другому: вдоль дороги, ведущей ко входу в белоснежное здание, росли деревья, на зелёной лужайке, окружённый статуями и скамейками, фонтан весело пускал вверх прозрачные холодные струи.

Пока Прасковья думала заходить вовнутрь или нет, её окликнул до боли знакомый женский голос. Повернувшись, она увидела пожилую женщину с высокой причёской, в тёмно-синем плаще и в туфлях на низком каблуке. В одной руке женщина держала небольшой кожаный портфель, а в другой стопку книг. Несмотря на прошедшие двадцать лет, Прасковья сразу узнала няньку Анфису.

По её взгляду, брошенному на Фёдора, стало понятно, что Анфиса догадалась, кто его отец. Уж слишком велико было сходство. На вопрос Прасковьи, как поживает Коленька, Анфиса ответила, что сын учится в военном училище. Она сама работает в школе учительницей. Величают её теперь Анфиса Егоровна. Расспросив друг друга о жизни, женщины распрощались.

Через некоторое время Утюжниковы купили хату в Степановке и больше в Заряновку не приезжали.

Прасковья не спала до утра. Помолилась за Фёдора и за младшего сына Митеньку, как она его мысленно называла. Просила, чтобы Бог послал ему добрых людей в помощь. Потом вспомнила о семье Шумовых, о больной Варваре, её детях и о Маргарите. Помолилась и за них.

Глава пятая

Германия, город Ульм. Распределение

Давно был съеден неприкосновенный запас из картонной коробки Лизы. Подъедены остатки муки из мешочка Анны Механиной. Стараясь не думать о еде, Маргарита дремала. Засыпая, видела сны. Как правило, хорошие: себя маленькой, родителей, бабушку Глафи-

ру, сестёр и братьев. Как садились они за большой стол, посреди которого стояло блюдо с горкой блинов. Откусывая блин, Маргарита запивала его молоком.

Проснулась, облизывая сухие губы...

«Как же хочется пить! Сюда бы того пустобрёха, что райскую жизнь обещал. И Утюга – тоже сюда, в этот вагон. Пусть бы помучились вместе с нами».

В самом начале пути, когда поезд остановился первый раз, все надеялись, что можно будет выйти из вагона, вдохнуть свежий воздух. Надеялись, что их покормят хотя бы какой-нибудь немудрёной едой. Но, похоже, кормить рабов не входило в планы немцев. Поезд отправился дальше. Ноябрьский холодный ветер пронизывал вагон насквозь. К страданиям от голода и холода присоединилось страдание от кишащих в соломе и одежде вшей, от которых не было спасения.

Сколько прошло дней – никто не знал, сбились со счёта. Начались голодные обмороки. На крупных станциях стали давать по тарелке непонятного овощного варева и тоненький кусочек хлеба. Но чаще всего поезд останавливался и подолгу стоял на каких-то полустанках да небольших станциях. Во время таких остановок была слышна немецкая речь, но никто ни разу не открыл вагонную дверь. Еды на таких остановках не давали. Постояв, поезд отправлялся дальше.

Скрежетали, сходясь и расходясь, рельсы на стрелках¹. По тому, как переговаривались на украинском или русском языке стрелочники, было ясно: границу ещё не пересекли.

Заключённые в тесное пространство вагона, предназначенного для перевозки скота, голодные, уставшие от физических и моральных страданий люди в основном спали. Спали ещё и оттого, что так легче было переносить тяжёлый запах от давно не мытых тел и выварки² с ручками в углу вагона, приспособленной под туалет.

Спали и ночью, и днём, стараясь беречь последние силы. На остановках просыпались в надежде, что вагон наконец-то откроют. Просыпалась и Маргарита. На этот раз, услышав, что остановился поезд, не захотела даже открывать глаза.

 $^{^{1}}$ «Стрелка» – устройство соединения ж.д. путей, предназначенное для перевода состава с одного пути на другой.

² Выварка – бак для кипячения белья, разговорное.

- Проснись! Лиза дрожащей от слабости рукой потрясла Маргариту за плечо, остановка! Может, наконец, выпустят нас да покормят!
- Опять ты шумишь, как ненормальная, тут же отозвалась соседка Маруся. – Держи карман шире! И выпустят, и покормят.

Зашумели, просыпаясь, остальные. Потом притихли, с надеждой прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи.

- О чём-то говорят, гады, пробормотала вполголоса Маруся, хоть бы, и правда, поесть да попить дали!
  - Kam die neue Partei Ostarbeiter, Herr Kommandant¹.

Послышалось за стенкой вагона.

- Senden in die Quarantäne.² прозвучало в ответ
- Вы не могли бы помолчать? прислушиваясь к немецкой речи, попросила Лиза соседку.
  - Ишь, вежливая какая! огрызнулась та, но замолчала.
  - Сейчас нас выпустят, прошептала Лиза.

Маргарита знала, что её подруга понимает и умеет говорить на немецком и французском языках. Чтобы не было лишних вопросов и, более того, нападок со стороны озлобленных, томящихся в неволе людей, они об этом никому не говорили. Сама она учила в школе немецкий язык, но могла только читать тексты и переводить со словарём.

«Как пригодилось бы сейчас знание немецкого. Ничего, Лизок переведёт, если что. Мне тоже надо выучить, обязательно».

Лиза продолжала прислушиваться к разговору на перроне.

- Риточка, сейчас всех отправят на карантин. Боюсь, что нас могут разлучить.
  - Держись рядом, там видно будет.

Девушки прекрасно понимали, что в любой момент они могут оказаться порознь. Когда дверь наконец-то открыли, Маргарита зажмурилась от ослепляющего солнечного света. Прикрывая глаза руками, с трудом переставляя онемевшие ноги, подчиняясь команде: «Alle gehen zu bauen, schnell³!», все, кто смог выйти из вагона, построились в линию на перроне. О тех, кто остался, старались не думать.

- Лиз, не переводи так громко, шепнула Маргарита, лучше мне тихонько говори, а не то заберут и определят тебя в другое место.
  - Хорошо, Риточка, мы в немецком городе Ульм.
  - Сама читать умею, слушай, куда нас дальше отправят.
  - На санитарную обработку.

Вдоль качавшихся от бессилия людей прошёлся офицер и приказал: «Zuerst füttern» ^{1} .

Сопровождающий его мужчина, несмотря на то, что был в штатском, вытянул руки по швам:

- Jawoll, Herr Offizier².

Всем выдали по миске баланды и по кусочку эрзац-хлеба. Кто смог сесть на свой чемодан или узел, сели, остальные поглощали пищу стоя. Холодный ветер, казалось, пронизывал до костей.

«Эх, горяченького борща бы поесть!»

Лизнув ледяной край пустой миски, Маргарита бросила взгляд на подругу.

– Лиз, не морщись, доедай. Неизвестно, когда ещё раз так повезёт.

Лиза закашлялась, но всё-таки доела холодную похлёбку.

- Риточка, мне стыдно за наш вид. Мы же одеты во что попало и, к тому же, ужасно пахнем. Они всё время морщатся и носы прикрывают, когда ближе подходят.
- Ты радуйся, что мы такие, никто приставать не будет, вспомнила Маргарита Фёдора, а одета ты нормально: шубка, платок, валенки. Не то что я.

Собираясь в дорогу, она надела вязаную кофту, купленную в Харькове на первую зарплату. Штаны и ботинки позаимствовала из гардероба брата. Вязаные носки подарила соседка, а рукавицы Маргарита сшила сама из дырявого платка, найденного среди вещей бывших хозяев дома. Там же нашлось и старое пальто из тёмно-синего драпа, к воротнику которого она пришила мех от старой шапки-ушанки. Пригодился и кожаный потёртый ремень: для удобства и так, мало ли зачем понадобится. Вместо платка, носить который Маргарита не любила, надела шапку-ушанку. Кое-что взяла с собой переодеться.

На Лизе был белый вязаный платок, шубка из заячьего меха, валенки с калошами. Эти вещи отдал ей дедушка Иван, приютивший

¹ Прибыла новая партия восточных рабочих, господин комендант, нем.

² Отправляйте на карантин, нем.

³ Всем выходить на построение, быстро!, нем.

¹ Сначала накормить, нем.

² Слушаюсь, господин офицер, нем.

Трофимовых у себя на хуторе. Были у Лизы и вязаные варежки, и носки, и платье, и даже тёплые панталоны. Одежду и обувь покупала для внучки покойная жена дедушки Ивана. Лиза рассказывала: провожая её, старик сначала заплакал, а потом слёзы вытер и сказал, что доживёт до победы и будет ждать и внучку, и Лизу.

Маргарита перевела взгляд на Анну Механину. «Конечно, Анька получше одета. И сапожки, и полушубок, и платок новенький. Единственная дочка у мамки. Что ж не нарядить? Жалко, пропахло всё вагонным душком».

Остальные девушки были одеты наподобие Маргариты, то есть кто в чём. На одних были пальто, на других – полушубки из овчины. Платки, повязанные по-деревенски, на ногах в основном валенки с калошами. Чемоданы и фанерные ящики, обвязанные верёвками, чтобы можно было нести их через плечо, небольшие узлы.

Колонна медленно двинулась по платформе к выходу на площадь. Маргарита надеялась, что идти придётся недолго, что их посадят в грузовики и отвезут. Но грузовики не подъехали. К пункту, где они должны были пройти санобработку, пошли пешком. Кто был выносливее, поддерживали более слабых товарищей. Наконец подошли к нужному зданию и...

... И поездка в грязных, смрадных вагонах показалась Маргарите не самым ужасным по сравнению с тем, что с ними произошло дальше.

А дальше им предстояло вкусить все прелести высоконаучной немецкой гигиены. У дверей бани стояли два немецких солдата с вёдрами и длинными щётками. Всех заставили раздеться и, совершенно голых, построили по четверо в ряд. Солдаты окунали свои щётки в вёдра, полные какой-то густой жидкости, и мазали ими по голове, под мышками и в паху.

Пряча от стыда глаза, прошли унизительную процедуру.

Сама же баня была настоящей экзекуцией: каждого окатили из шланга сначала чуть ли ни кипятком, а потом ледяной водой. Вещи в это время находились в прожарке. После бани каждый получил узел со своей фамилией, написанной на прикреплённой к нему картонке. Торопливо надели ещё горячую одежду.

– Лиз, посмотри, что там у нас, кроме фамилий, написано. Лиза перевела надпись на трёх картонках.

– Рита, у нас одно и то же написано! Мы будем работать на алюминиевом заводе. И ты, и я, и Аня, вместе!

– Молодец, Лизок, не зря немецкий учила. Надеюсь, никаких обработок, бань и тому подобного больше не будет.

Маргарита ошиблась. После бани всех погнали в фильтрационный центр для прохождения медицинского обследования. Другими словами, на медкомиссию. Было пройдено и это испытание.

Ослабленные голодом, дрожащие от холода, униженные девушки старались не смотреть друг другу в глаза.

Единственное, что могло их приободрить в этой ситуации – надежда на лучшее отношение в дальнейшем.

- Ну что, девчонки, давайте порадуемся: мы вместе! Ань, чего нюни распустила? Косу обрезали? Так тебе же лучше. Я свою ещё в Игуменке чикнула. Лизке тоже рыжие лохмы обкромсала. Так и мыться легче, и от вошек избавляться, если что. Да и немцы приставать меньше будут.
- Да, Риточка, ты всё правильно говоришь, дрожащим голосом поддержала подругу Лиза, хорошо, что мы на завод попали, а не в притон какой-то.

«Бедненькая, она ещё в себя не пришла после медкомиссии. Вот гады. Всю жизнь нам попортили. А насчёт притона Лизка права, хорошо, что туда не попали».

...«Сарафанное радио» работало во все времена. До Степановки ещё летом дошли слухи: среди угнанных в Германию женщин отбирают красивых и отправляют в бордели и притоны Европы. Чтобы избежать такой участи, девушки и молодые женщины стали себя калечить и специально заражаться всякими кожными болезнями. Кто мог спрятаться – прятались. Отсиживались в погребах и на чердаках, убегали в лес, к партизанам.

* * .

3 сентября 1942 года фюрер отдал приказ вывезти в Германию 400-500 тыс. жительниц Украины, чтобы освободить от ведения домашнего хозяйства немецких женщин. А с самого начала войны и захвата восточных территорий военнослужащие без разрешения начальства, отправляли на запад красивых девушек, в качестве рабынь, наложниц, товара. Даже в военные годы в оккупированных странах существовала теневая экономика – украденных девушек ждали бордели и притоны всей Европы. А теперь это можно было

¹ Словесная передача новостей от одного человека к другому.

делать и официально. Естественно, что при отборе, посылке творилось насилие.

* * *

Ещё в Игуменке Маргарита рисовала марганцовкой себе и сёстрам красные пятна на лице и руках. Выстригала волосы, чтобы выглядеть как можно уродливей. Приучила маскироваться и Лизу. И сейчас давала советы Анне.

- Не высовывайся и не пререкайся. А то попадёшься какому-нибудь гаду на глаза.
  - Да, Рита, я всё поняла.

«Поняла она всё! Неизвестно, как примут нас рабочие. Да и своих, наверное, там уже полно».

Город Зинген, в который должны были доставить распределённых на алюминиевый завод, находился на юго-западе Германии, недалеко от границы со Швейцарией.

Снова ехали по железной дороге. На этот раз не в товарных, а в пассажирских вагонах. На остановках разрешали выходить, прогуливаться при условии соблюдения объявленных правил. Теперь их кормили. Правда, еда ничем не отличалась от предложенной в Ульме. Та же похлёбка из брюквы или капусты и кусочек эрзац-хлеба¹.

Девушки старались держаться вместе.

Лиза после перенесённой процедуры дезинфекции начала чихать и кашлять. Пунцовые щёки и воспалённые глаза – Маргарите этого было достаточно, чтобы понять: у Лизы начался жар.

– Риточка, горло болит... сильно болит... плохо мне...

Маргарита решилась.

– Ань, прикрой нас.

Не задавая лишних вопросов, Анна развернула свой платок, загородив подруг от любопытных взглядов. Невесело разглядывая поблёкший после прожарки цветочный узор, она вспомнила, как радовалась, получив желанный подарок в день рождения. Вздохнув, промокнула появившуюся слезу уголком платка.

Маргарита села напротив Лизы, перекрестилась три раза, как это делала бабушка Глафира, приступая к врачеванию, и зашевелила губами, проговаривая нужные слова.

¹ Эрзац-хлеб или Kriegsbrrot – военный хлеб состоял из 55% ржи, 25% пшеницы и 20% картофельного порошка, сахара и жиров.

Поддавшись таинственному воздействию, Лиза уснула, склонив голову на плечо подруги. Маргарита, прикрыв её платком Анны, прислонилась к стене и тоже прикрыла глаза. Сон сморил её в одно мгновенье.

- Ты всё сделала правильно, внученька!
- Бабушка? Зачем ты здесь? Здесь война, здесь страшно, здесь всех убивают, бабушка!
  - Не бойся, Мара, ничего не бойся! Я всегда буду с тобой!
- Какая ты красивая, бабушка, в этом синем платье! Я так скучаю по тебе!

Маргарита протянула руки, обняла бабушку Глафиру, заглянула ей в глаза и... Вместо бабушкиных серых глаз увидела жёлтые, волчьи.

- Я с тобой. Мара, не бойся...
- Бабушка!

Маргарита проснулась. Прикоснулась ладонью ко лбу Лизы.

«Жар, кажется. спал. Дышит ровно и даже улыбается во сне.

Наверное, тоже снится бабушка. Или мама. Надо же, как странно мы устроены: желудок просит еды, тело ещё чего-то, а мозг живёт своей жизнью и как будто издевается над нами, посылая разные сны. Как мне сейчас. Приснится же такое».

Уснуть больше не удалось. Поезд замедлил движение, вагоны, сталкиваясь друг с другом, задребезжали. Захлопали двери, послышался лай собак. На немецком языке прозвучала ставшая такой понятной команда: «Aufstehen!1»

Так Маргарита Шумова, Елизавета Трофимова, Анна Механина и другие люди, доставленные с Украины на работу в Германию, стали остарбайтерами.

Глава шестая

Зинген. Остарбайтеры

Ostarbeiter – восточный рабочий (нем.). Впервые этот термин появился в документах Главного управления имперской службы безопасности (РСХА) 20 февраля 1942 года в общих положениях по вер-

¹ Встать, нем.

бовке и использованию рабочей силы из оккупированных территорий СССР.

Германия, начиная войну против Советского Союза, предполагала, что победа будет достигнута в течение короткого срока. К концу сентября тысяча девятьсот сорок первого года стало ясно, что война не вписывается в понятие молниеносной, а недостаток рабочей силы грозит крупными неприятностями военной экономике.

Адольф Гитлер поручил обеспечить Третий рейх рабочей силой генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы Эрнсту Фридриху Кристофу «Фрицу» Заукелю (он был казнён в октябре 1946 года по приговору Нюрнбергского трибунала). И Заукель делом доказал, что Гитлер не ошибся, назначив его на эту ответственную должность. Он представил «Программу по трудоиспользованию». Согласно программе на оккупированных территориях собирались «вербовать» мужчин и женщин в возрасте 17-35 лет.

В начале тысяча девятьсот сорок второго года на оккупированных территориях началась вербовочная кампания. Вербовочные комиссии взаимодействовали с военными учреждениями. В каждом населённом пункте проводился учёт рабочей силы по полу, возрасту, профессии, стажу работы.

Была развернута широкая пропагандистская акция. В городах, посёлках, деревнях проводились показы кинохроники о жизни в Германии, выступления пропагандистов, устраивались фотовитрины, распространялись газеты, листовки, вывешивались плакаты. Немецкая пропаганда своеобразно объясняла отправку людей в Германию на работы тем, что «великая Германия» предоставляет работу советским гражданам, так как не хочет оставлять их семьи в безработице и нужде. Ведь при отступлении советские войска взрывали заводы и фабрики и этим, по утверждению немецкого командования, лишили граждан их рабочих мест. Чего только не было обещано: и бесплатная квартира, и полное питание, и бесплатное оказание медицинской помощи, и плата за труд.

Первоначально вербовка населения в Германию велась на добровольной основе. Однако в специальных разнарядках по волостям указывалось, сколько человек и в какой срок волость должна поставить. Большие заявки давались на девушек для использования их в работе по дому и сельском хозяйстве.

Потребности Германии в рабочей силе росли. В октябре 1942 года Гитлер потребовал привлечения дополнительно 2 миллиона иностранных рабочих. Выполнить этот приказ можно было только перейдя к принудительной вербовке. Её и начали осуществлять гитлеровцы на оккупированной территории СССР с 1942 года, широко применяя метод массовых облав.

Оцеплялись целые городские районы, кварталы, улицы, кинотеатры, рынки, вокзалы, пристани, предприятия, учреждения, высаживались пассажиры из поездов. Также шли облавы по сёлам, посёлкам и деревням. Начиная с апреля по декабрь 1942 года, в Германию было вывезено более миллиона человек.

Принудительная депортация не обошла и жителей Сумщины. Она продолжалась в течение всего периода оккупации и коснулась почти каждой семьи. За период оккупации из Украины было вывезено почти 2,5 млн., из Сумской области – 78038 человек.

Официальные документы рейха содержат информацию о том, что, на конец лета 1944 года на работы на территорию «Великогерманского рейха» силой были увезены 7 млн. 600 тысяч гражданских лиц и военнопленных.

(Слово «рейх, обозначающее земли, подчинённые одной власти, обычно переводится как «государство», иногда как «империя» или «держава» — в зависимости от контекста. Официальное название немецкого государства с 18 января 1871 по 26 июня 1943 года — Deutsches Reich — Германский рейх. Официальное название с 26 июня 1943 по 23 мая 1945 года — Großdeutsches Reic — Великогерманский рейх. В литературе и историографии Третий рейх часто обозначается также как нацистская Германия или фашистская Германия. Третий рейх неразрывно связан с личностью Адольфа Гитлера, который был бессменным главой государства вплоть до своей смерти 30 апреля 1945 года.)

Таким образом, остарбайтеры составляли приблизительно четверть всей экономической и производительной мощности Германии того времени.

Между работниками из-за границы была искусственно создана классовая система различия на основе принадлежности каждого конкретного человека к определённой народности. Существовала терминология классификации рабочей силы.

Фремдарбайтер (нем. Fremdarbeiter – «иностранный работник») – рабочие из стран Скандинавии и Италии.

Цвангсарбайтер (нем. Zwangsarbeiter – «принуждённый работник»). Категория состояла из двух групп:

- Милитэринтернирте (нем. Militärinternierte «военно-интернированный») в основном, военнопленные из стран Европы;
- Цивильарбайтер (нем. Zivilarbeiter «гражданский работник») в основном, поляки, угнанные на принудительные работы.

Цивильарбайтеры получали уменьшенные паёк и оплату труда, вынуждены были работать дольше, чем немцы. Не могли пользоваться общественными социальными удобствами, присутствовать на общественных собраниях и в общественных местах (начиная от запрета на пользование транспортом до закрытых для них ресторанов и церквей). Им запрещалось занимать определённые должности. Кроме того, они также обязаны были носить нашивку-обозначение.

Остарбайтер (нем. Ostarbeiter – «восточный работник») – были, в большинстве своём, вывезены с территории оккупированной Украины. Носили нагрудный знак «OST» (нем. «Восток»), и были принуждены существовать в условиях гораздо более жестоких, чем даже «гражданские работники». Восточные рабочие жили в специальных лагерях, обнесённых колючей проволокой и находящихся под охраной.

В конце войны 5 млн 500 тысяч остарбайтеров вернулись в СССР.

* * *

1966 год

– Aufstehen – вставать, aufstehen – вставать,

Маргарита проснулась. «Господи, да что же это такое?»

Дочь-пятиклассница старательно вписывала в разграфлённую общую тетрадь слова и повторяла их вслух.

– Мам, прости, я разбудила тебя.

Часы показывали половину седьмого.

- Ты для чего поднялась ни свет ни заря?
- Не успела выучить вчера, а по расписанию немецкий первый урок. Мам, что ты так смотришь? Ты же сама сказала, что нужно учиться на одни пятёрки.

Услышанные спросонья немецкие слова выбили Маргариту из привычной колеи. Она слушала, что говорит дочь, смотрела на неё, а сама видела перед собой Лизу Трофимову, её рыжие кудряшки, нос в веснушках.

«Эх, Лизок, – вздохнула Маргарита, вспомнив подругу, – где же ты теперь есть? Почему не нашла меня?»

– Я не сержусь, доченька, делай уроки и получай пятёрки.

Окончательно проснувшись, Маргарита надела фланелевый халат, сверху фартук и занялась обычными делами.

Обычные дела – это растопка печки, приготовление завтрака.

– Arbeit – работа, – продолжала дочь готовиться к уроку, – arbeiten – работать.

Дрова, набранные в подол фартука, с грохотом посыпались на пол. «Господи, ну почему она выбрала немецкий?»

Из дверей комнаты выглянул встревоженный муж.

- Уронила вот виновато объяснила Маргарита, собирая с пола поленья, прости, не удержала.
  - Ничего, всё равно пора вставать.

Нехитрый завтрак: яичница с салом – для мужа и сына, кусочек вчерашнего пирога с повидлом и чай – для дочери. Сама позавтракать опять не успела: рабочий день служащих на овощесушильном комбинате начинался рано.

Бросив в сумку румяное яблоко, Маргарита заторопилась на работу, хотя нужды в особой спешке не было: их двор от территории комбината отделял лишь дощатый забор. Нужно было только выйти из калитки, повернуть направо и сделать несколько шагов до распахнутой двери проходной.

Рядом с проходной в настежь открытые ворота заезжали грузовики с полными кузовами овощей, выстраиваясь в очередь «на весы». Сначала взвешивались вместе с грузом, а после разгрузки – пустые. Над воротами красовалась вывеска «Овощесушильный комбинат». Пыльная и выцветшая вывеска наталкивала на мысль, что ей столько же лет, сколько самому комбинату. А ему было ни много ни мало, а около тридцати. Комбинат, основанный как небольшое предприятие кустарного типа по переработке картофеля в крахмал, в начале войны был разрушен. В сорок третьем после частичного восстановления начал работать снова.

С тех времён территория комбината расширилась. Расширилось производство и ассортимент выпускаемой продукции. Маринованные огурцы, помидоры, компоты, варенье поставлялись на прилавки магазинов. Кроме этого, отходы производства продавали по

низкой цене рабочим и служащим, которые кормили ими домашний скот.

Пять лет назад в трудовой книжке Маргариты появилась запись о принятии на работу.

«Ar – bei – ten, ar – bei – ten, ar – bei – ten» – в такт шагам отдавалось набатом в голове.

Точно так же, как в сорок четвёртом, в Зингене, когда шли они – сонные, голодные – из бараков в цеха.

... – Ar – bei – ten, ar – bei – ten, ar – bei – ten, – повторяла Маргарита нараспев, выполняя тяжёлую работу в так называемом горячем цеху. Так началась трудовая деятельность на алюминиевом заводе. Сначала, как и все, она выполняла подручную работу. После ей доверили работать на автопогрузчике.

Тяжёлая физическая работа по десять – двенадцать часов в сутки доставалась телу. Кроме этого, тяжкой ношей ложилось на душу осознание того, что они работают на государство, с которым воюет родная страна. Маргарита представляла, как из алюминия изготовят детали и соберут бомбардировщики. Как взлетят они и сбросят бомбы на родные города, деревни, на женщин и малых детей. «Может, даже на Степановку и Металивку, где мамка с малыми живёт».

Для работы всем выдали спецодежду и вместо ботинок – колодки¹, ходить в которых было настоящим мучением. В тёплое время колодки снимали и ходили босиком. Но не по территории завода. После работы возвращались в наскоро выстроенные деревянные бараки, расположенные на территории лагеря для остарбайтеров. В бараках размещалось до двухсот человек. Спали на двухэтажных нарах. Когда мест не хватало, ложились на нары по двое. Тощие, набитые соломой матрасы, такие же подушки и жёсткое суконное одеяло – это была постель.

Скудное трёхразовое питание состояло из капустной или брюквенной похлёбки, эрзац-хлеба. Иногда вместо капусты в воде плавали кусочки картофеля или свёклы.

Шесть рабочих дней и воскресенье – выходной. Выпускали гулять группой до десяти человек под присмотром немецкой охраны.

В Германии остарбайтеры жили в лагерях двух типов:

Первый тип – частные лагеря при заводах и фабриках, построенных и содержавшихся на деньги таких компаний, как «Хенкель» или «Опель». Работа длилась 12 часов в день, 6 дней в неделю.

Второй – специальные лагеря, охранявшиеся частными охранными структурами, известными как «веркшутц» (нем. Werkschutz). Работа также длилась 12 часов в день, 6 дней в неделю.

Работа расценивалась по ставкам втрое меньшим, чем немецким рабочим, оплата была рассчитана таким образом, чтобы её хватало только на скудное питание, одежду и предметы первой необходимости. В основном деньги не доходили до своих законных получателей, а уходили на покрытие выше указанных затрат по питанию, содержанию лагерей и так далее.

Законодательно немецкое правительство установило данной категории работников худшие условия питания по сравнению со всеми остальными группами принуждённых работников рейха. Скудный рацион и примитивные условия содержания являлись стандартными нормами жизни этих людей в нацистской Германии.

Жизнь в лагерях для остарбайтеров не сильно отличалась от условий существования советских военнопленных (разве, что отсутствием крематориев). Жили они в переполненных бараках. Одежда служила им постелью и одеялом. Пища обычно состояла из полуфунта чёрного хлеба (с примесями), малопитательной баланды один-два раза в день (иногда и этого не было). Скученность, отсутствие гигиены, недостаток пищи, быстро приводили к росту заболеваний. В результате те, кто не умер от издевательств, не был расстрелян за неповиновение, умирали мучительной смертью от болезней и голода. Медобслуживания для рабов Рейха предусмотрено не было. Фактически существовала программа умерщвления голодом и непосильным трудом. Людей заставляли работать по 12-14 и более часов в сутки. Через несколько месяцев, максимум полгода рабы Рейха превращались в тени людей. Лишь немногим улыбалась удача: их признавали негодными к работе, отправляли на Родину, и они выживали в аду «обратных эшелонов».

* * *

Для восточных рабочих были разработаны правила поведения, которые должны были неукоснительно соблюдаться.

¹ Колодки – деревянные башмаки, подбитые резиной или железными пластинками снизу.

* * *

Остарбайтеры должны всегда носить на правой стороне груди каждого предмета верхней одежды знак, который должен быть всегда виден и прочно закреплён на каждой части одежды. Знак состоит из вертикального прямоугольника размером 7,7 см, окружённого бело-голубой каймой шириной 1 см, на синем фоне написано слово «ост» буквами высотой 3,7см.

Для этих рабочих следует употреблять исключительно название «остарбайтер». Другие бытующие в народе названия исключить из обращения.

Полицейское предписание главы правительства в Висбадене от 14.07.1943г. об отношении к остарбайтерам и обращении с остарбайтерами, работающими в рейхе.

Остарбайтерам не разрешается покидать место работы без письменного разрешения полицейских властей, за исключением обстоятельств, связанных с работой. Если место работы и место жительства находятся не в одном месте, то этот запрет распространяется на оба места.

Остарбайтерам запрещается выход за пределы места жительства и нахождение за его пределами по окончании светового дня по местному времени, по крайней мере в период с 1 апреля до 30 сентября в промежутке времени с 21 часа до 5 часов, а в период с 1 октября по 31 марта — с 20 часов до 6 часов.

Компетентные местные полицейские власти имеют право делать исключения из этого запрета в случаях, если этого требуют интересы работы. Разрешение в порядке исключения должно быть выдано в письменном виде.

Пользование общественным транспортом за пределами места жительства и работы остарбайтерам запрещается.

Пользование местным общественным транспортом остарбайтерами в принципе допускается. Местные полицейские власти могут всё же запретить остарбайтерам пользование всеми или отдельными видами общественного транспорта.

Если пользование общественным транспортом необходимо в целях работы, местная полиция может в исключительных случаях при наличии особых причин отдать письменное распоряжение о полном или частичном снятии запрета.

Посещение мероприятий культурного, церковного, развлекательного характера и вечеринок, проводимых для немецких и других иностранных рабочих, остарбайтерам запрещается, кроме случаев, когда такие мероприятия проводятся Немецким трудовым фронтом или соответственно имперским комитетом по продовольствию в рамках помощи иностранцам.

Нахождение в ресторанах всех видов остарбайтерам запрещается. Исключением является пребывание в ресторанах, которые всегда или только в определённое время предназначены местной полицией для посещения их остарбайтерами в отведённое для этого полицией время.

Лечение больных: Само собой разумеется, что остарбайтер в больницах должен быть помещён отдельно от немцев и лечение должно проводиться отдельно. Нельзя ни одного немца заставлять находиться в одной палате с остарбайтером.

Школьное обучение детей остарбайтеров:

Детям остарбайтеров запрещается посещать немецкие школы.

Посещение остарбайтерами бассейнов:

Посещение остарбайтерами бассейнов запрещено. О нарушении запрета прошу сообщать.

Употребление немецкого приветствия:

Употребление остарбайтерами немецкого приветствия нежелательно и ни в коем случае не должно поощряться. Но если остарбайтер добровольно употребляет приветствие, то не надо запрещать это.

Вход остарбайтеров в немецкие магазины является нежелательным, но не нужно это резко запрещать, т.к. подобные меры будут восприняты остарбайтерами как дискриминация, которая окажет вредное воздействие на настроение и производительность труда, и поэтому остарбайтерам, работающими в качестве домашней прислуги, не нужно запрещать посещение немецких магазинов. Но дефицитные товары нельзя отпускать остарбайтерам, а другие товары можно продавать только в том случае, если есть гарантия полного удовлетворения спроса немецких покупателей. * * *

Немецкие рабочие относились к остарбайтерам с пониманием и жалостью. Как могли, подкармливали их. Маргарита обрадовалась, когда рабочий Ганс поделился с ней обедом. Пусть это был бутерброд, в котором вместо масла была тонкая прослойка маргарина. Не будь этого бутерброда, Маргарита могла упасть и больше не подняться – так кружилась от голода голова.

Горожане Зингена, получившие точные инструкции как вести себя с подневольными работниками, относились к этим инструкциям по-разному. В основном соблюдали, потому что за несоблюдение таковых следовало наказание. Но были и нарушители. Например, когда в воскресенье остарбайтеры прогуливались по улицам города, сочувствующие жители давали им всякую одежду и продукты.

- Риточка, смотри, как чисто повсюду. Вот умеют же они порядок наводить.
- Наводить и мы умеем, надо его и соблюдать. А насчёт чистоты вспомни Ульм и баню.
  - Они же, эти женщины, не виноваты.
  - Ну да, мы с тобой виноваты. Или Анька наша.

Продолжение разговора на эту тему не сулило ничего хорошего. Лиза промолчала.

- Лиз, как ты думаешь, что сегодня приготовила на обед вон та фрау в клетчатой юбке?– миролюбиво спросила Маргарита.
- Риточка, ты же сама сказал, что мы в эту игру больше не играем. Но по запаху у них сегодня тушёная капуста и что-то мясное.
- Да, Лиз, в еду больше не будем играть! проглотив слюну, ответила Маргарита. Вот скажи, у этой фрау есть дети?
  - Думаю, что есть. Мальчик и девочка, наверное.
- Эй, вы, успокойтесь, что ли! Нет у них ни детей, ни совести. Гады они все.

Фрау в клетчатой юбке, на которую обратила внимание Маргарита, подошла к ним и протянула свёрток.

– Bitte nehmen Sie. Sie werden Ihnen gefallen!¹

В свёртке оказались две ночные рубашки из ситца в цветочек. Маргарита, недолго думая, вручную сшила для себя и Лизы красивые платья, в которых они после выходили на прогулки.

Из продуктов в основном давали овощи, но в лагере съедалось всё без остатка.

Несмотря на постоянное чувство голода и неудобства жизни, молодость брала своё. После работы собирались и пели песни, танцевали. Умельцы, а такие среди них тоже были, играли на гитаре. Зимой, укутавшись колючими одеялами, рассказывали друг другу всякие истории. О старинном замке Хоэнтвиль, находящемся неподалёку на горе, ходило много легенд и историй. Лиза, настроенная романтически, пересказала подругам услышанную легенду о двух влюблённых. Легенду с печальным концом. Такие легенды передают из уст в уста в каждом городе, где есть старинные замки или дома.

Анна, в свою очередь, рассказала историю о привидении старой барыни, прежней хозяйки Заряновского поместья. По её рассказу выходило, что барыня, погребённая в семейном склепе, обиделась, когда сторож взял камень и унёс домой. С той поры выходила она по ночам из склепа и искала этот камень. Когда Анна добавила, что привидение видели совсем недавно, Маргарита зачем-то стала выяснять подробности.

- Недавно это когда? И кто видел привидение?
- Летом, когда уже немцы в селе были. А видела тёть Муся. Можете мне не верить, но тёть Муся врать не станет!
- Ладно, вернёмся проверю. пообещала Маргарита. Ты нам что-нибудь принесла?

Анну Механину определили работать в столовую, на кухню. Маргарита прекрасно знала, что ничего оттуда принести Анна не может, но на всякий случай каждый раз спрашивала.

- Аня, не обижайся, Рита пошутила. как всегда, выступила в роли миротворца Лиза.
- Всё, хватит ваших историй, угомонитесь, шикнули на них соседи, – спите уже.

У Лизы для Маргариты всегда был припасённый кусочек эрзац-хлеба. И Маргарита, в свою очередь, заботилась о ней, как могла. Спали они, конечно, вдвоём. Маргарита укрывала подругу, а когда просыпалась – тощее одеяло было на ней. «Что же ты делаешь, Лизка? Ты же мерзлячка, Лизка! Не делай так больше, а то заболеешь».

¹ Пожалуйста, возьмите. Они вам понравятся!, нем.

Лиза смеялась в ответ: «Ты вылечишь меня, Риточка, я знаю, ты умеешь».

Да, Маргарита умела. Это заметила не только Лиза. Почему бы не помочь попавшему в беду такому же несчастному рабу рейха? Вот и помогала она, как когда-то учила бабушка Глафира. Однажды произошёл случай, после которого на Маргариту обратил внимание Дмитрий, остарбайтер из Харькова.

После окончания смены, наработавшись до изнеможения, Лиза упала, а охранник натравил на неё овчарку, со смехом повторяя: «Beißen¹, beißen!»

Не раздумывая, Маргарита встала между Лизой и злобно хрипящей овчаркой. Уперевшись лапами ей в грудь, псина смолкла. Изумлённый охранник оттащил собаку в сторону.

Переведя взгляд на него, Маргарита властно проговорила: «Ging zu Vaughn²». И охранник ничего не сделал: не натравил собаку, не выстрелил и даже никому не сообщил.

В бараке, придя в себя, Лиза спросила:

– Риточка, как ты смогла заворожить собаку?

Маргарита засмеялась, но ничего не ответила. Она и сама не знала, как у неё это получилось.

Второй случай произошёл во время прогулки по городу, когда подростки стали смеяться над проходившими девушками и обзывать их. Один из них, подскочив к Маргарите, ухватился рукой за воротник её платья, пытаясь его разорвать. Щуплого телосложения подростку нетрудно было дать отпор, но за это могли расстрелять прямо на месте.

Придерживая платье, Маргарита, ничего не произнеся, пристально посмотрела в глаза подростка, мысленно приказывая ему убраться вон. Не просто посмотрела, а наполнила свой взгляд силой.

Собаку в прошлый раз оттащил охранник, а подростка увели в сторону его недоумевающие товарищи.

Неожиданно проявившиеся способности Маргарита связывала с той историей, когда она поделилась с волком куском хлеба. «Жалко, бабушка так и не объяснила, почему волк не тронул меня».

Глафиры не стало в сорок первом, а мать говорить на эту тему отказалась.

Слухи о необычной смелости девушки быстро распространились по лагерю. Дмитрий предложил ей участвовать в побеге.

Маргарита обрадовалась, но оставлять подругу одну посчитала предательством.

– Только вместе с Лизой Трофимовой, – поставила она условие и, видя, что Дмитрий колеблется, добавила, – если что, Лиза знает немецкий и французский.

Глава седьмая

Подготовка к побегу. Побег

…К побегу готовились с весны. Организовали побег мужчины, а немецкие рабочие помогли достать инструмент, чтобы разрезать проволоку. Нами руководил Дмитрий, фамилию не помню. Ползли по одному человеку. Первыми – мужчины, а потом мы с Лизой и остальные. Часовой заметил нас и начал стрелять. Потом перестал. В лесу все сначала разбежались, а потом встретились. Из одиннадцати человек, кроме меня и Лизы, были девушки: Маша Петрова, Люба Федоренко, Рая и Катя. Из мужчин: Илья Никитенко, который потом лежал в больнице в городе Берн, Виктор Яковлев, (сибиряк), Паша (из Ростова), Николай Спиридонович Рябченко (из Челябинской области, после войны мы с ним переписывались). В лесу к нам присоединились двое мужчин – советских военнопленных. Их имён я не помню.

Остарбайтерам, постоянно находившимся под наблюдением, без посторонней помощи организовать и осуществить побег, конечно, было не под силу. К счастью, среди сочувствующих немецких рабочих нашлись помощники.

Бежать собрались группой из одиннадцати человек: шесть девушек и пять парней. Маргарита, Лиза и остальные знали, чем заканчивались неудачные попытки побегов: рассказывали, что беглецов расстреливали и оставляли висеть на колючей проволоке для устрашения других.

Требовалась основательная подготовка. Немецкие рабочие тайком пронесли на завод и передали Дмитрию карту города и его

¹ Кусать, нем.

² Пошёл вон, нем.

окрестностей. До швейцарской границы было меньше двадцати километров. Около трёх недель, выходя в воскресенье на прогулку, изучали дорогу, ведущую к границе. «Прогуливались» по два – три человека, чтобы не вызывать подозрений. Когда окончательный план был разработан, договорились о дне и времени побега.

Поскольку им предстояло разрезать колючую проволоку, оставалось раздобыть режущий инструмент, который им передали те же помощники. Снабдили и небольшим запасом продуктов.

Накануне побега подруги долго разговаривали перед тем, как уснуть.

- Лизок, подумай хорошо, ты готова рискнуть ради свободы? Я не принуждаю тебя. Если не хочешь, можешь оставаться.
- Риточка, я мечтаю об этом с того момента, когда нас отправляли с Белопольского вокзала.

Лиза сказала неправду, и Маргарита об этом догадалась.

Она знала, что подруга сама никогда не решилась бы на такой поступок. Но остаться без близкого человека в лагере было для Лизы равносильно смерти. Получалось, что решившись на побег, Маргарита лишила верную подругу возможности выбора. Также она знала, что в случае провала её замучает совесть. «Или совесть меня замучает, или фашисты Лизу. Войне не видно конца. Лизок не выживет без меня в этом страшном месте».

Посторонних в свои замыслы участники побега не посвящали. Чтобы сборы не привлекли внимания, с собой договорились взять только личные вещи. Из личных вещей у Маргариты был бумажник. В бумажнике – фотография, письмо из дома и семьдесят немецких пфеннигов. Кроме бумажника, решила взять два кусочка мыла из тех даров, что бросали им жители города.

Все должны были быть со своими документами. Такими документами для остарбайтеров являлись пропуска и рабочие карты. На рабочих картах поперёк фотографии стоял номер. Были, конечно же, и отпечатки пальцев.

Восьмого сентября сорок третьего года, в двадцать три нольноль, они покинули бараки.

Кто из мужчин разрезал проволоку, Маргарита не заметила. Ползли по одному человеку. По договорённости сначала – парни. Девушки ждали сигнала. Лиза крепко держалась за руку подруги, как будто набиралась решимости и сил.

- Лиз, прекрати дрожать, а то немцы услышат, как у тебя зубы стучат.
- Не могу, прошептала Лиза, у меня внутри всё трясётся от страха.
- У меня тоже, прошептала в ответ Маргарита, потерпи, скоро будем на свободе.

Маргарита солгала. Не страх, а небывалое возбуждение и желание победить переполняло её в тот момент. Она почувствовала себя волком, почуявшим охотников, и готова была сделать всё возможное, чтобы выжить.

– Лиз, пора. Ползи за мной. Только головы не поднимай.

Сколько времени это длилось, никто потом не мог сказать. Когда все оказались по другую сторону проволоки, раздалась автоматная очередь. Это могло означать только одно: часовой на вышке заметил беглецов. Не сговариваясь, они бросились бежать в сторону леса. Бежали врассыпную. Только подруги держались вблизи друг друга.

- Риточка, хватая ртом воздух, Лиза остановилась, беги, я больше не могу, ноги отнимаются.
- Давай, Лизка, потянула её за руку Маргарита, ещё немного. Не дай Бог пустят собак по следу.

Она и сама бежала из последних сил. Как бывшая спортсменка, понимала: если не остановиться сейчас, то сердце не выдержит.

Углубившись в лес, остановились отдышаться и опустились на мягкую траву.

– Всё, Лизок, отдыхаем.

Пока было неясно, есть за ними погоня или нет.

– Риточка, выстрелов не слышно! Неужели у нас получилось? Мы на свободе?

Для длительного отдыха времени не было. Несмотря на темноту, нужно было найти остальных. Дмитрий сообщил, что одновременно с ними из своего лагеря бежали двое русских военнопленных. Нужно было встретиться с ними и продолжать побег вместе. К счастью, ждать соотечественников пришлось недолго.

Медлить было опасно, но ещё опасней было выбрать не то направление.

Дмитрий достал карту, но при тусклом свете неполной луны рассмотреть её было невозможно. Мужчины стали совещаться.

- Если мы сбились с направления и уже перешли границу, то снова можем оказаться у немцев.
- Как это у немцев? возмутилась Маргарита. Мы же от них всю ночь бежали!
- Граница на этом участке петляет, и мы уже дважды могли её пересечь.
  - И что теперь делать?
  - Искать речку. На другом берегу точно будет Швейцария.
- Неужели вы не чуете, что речка рядом? Водой пахнет! Бежать надо туда, Маша Петрова показала направление, где, по её мнению, была река.
- Попробуем, согласился Дмитрий, убирая карту. Я бегу первым, вы по одному за мной.

Маша не ошиблась: река была совсем рядом.

– Через речку есть мост, но там посты. Нам туда нельзя.

Речку перешли вброд и бежали до самого рассвета. Всем был необходим отдых. Спрятались в лесу.

И всё равно твёрдой уверенности в том, что они уже находятся в Швейцарии, не было. На всякий случай договорились провести в лесу не менее двух дней. Этого времени должно быть достаточно, чтобы их перестали преследовать. Такое решение хозяева завода могли принять, только придя к выводу, что беглецы покинули Германию.

Продукты, запасённые в дорогу, закончились в первый же день. В осеннем лесу можно было найти съедобные растения, но знатоков среди беглецов не нашлось. От голода спасли дикорастущие яблони.

Глядя, как Лиза морщится, прожевывая кислое яблоко, Маргарита шутила:

– Что, Лизок, так кисло, что Степановку видать?

Так и пошла гулять эта шутка, только вместо Степановки каждый подставлял название своего города или деревни.

Прошло двое суток. По-прежнему не было слышно ни выстрелов, ни лая собак. Предположили, что они всё-таки смогли перейти границу.

– Оставаться в лесу и ждать неизвестно чего – нет смысла. Надо искать проезжую дорогу, – предложил Дмитрий, – по машинам можно будет определить, у немцев мы до сих пор или нет.

Ноги Маргариты были растёрты грубой обувью до крови. За время отдыха раны затянулись, но стали кровоточить снова, как только она надела ботинки. Приходилось терпеть боль и идти дальше. Наконец, миновав заросли кустарника, они вышли на поляну, через которую проходила тропинка.

– Пять минут отдыхаем и идём дальше, – скомандовал Дмитрий, – мы должны выйти к дороге.

Не успел он это сказать, как из-за деревьев на тропинке показалась женщина с корзиной в руке.

Все замерли на месте, ожидая, что будет дальше.

– Ребята, тише! Не спугните гражданочку!

Маргарита догадалась подтолкнуть подругу вперёд.

- Давай, Лизок, выясни, в какой мы стране.
- Guten Morgen, sehr geehrte Frau! Bitte, wo sind wir jetzt?¹

Женщина, увидев оборванных, грязных людей, сначала испугалась. Потом, услышав нежный Лизин голос, вгляделась в её лицо и воскликнула:

– Das Mädchen! Dies ist das gleiche Mädchen! ^{2} – достав из корзины булочку, протянула Лизе. – Nimm, Schatz. Sie sind in der Schweiz. ^{3}

Лиза заплакала: она давно не слышала такой тёплой интонации в голосах людей, обращавшихся к ней. Последние годы – только окрики, брань, упрёки.

Размазывая по грязной щеке слёзы, объяснила, кто они такие и что хотят. Дмитрий вмешался. Попросил сообщить в полицейский участок.

– Bleiben Sie dran. Natürlich werde ich Sie der Polizei melden.⁴

* * *

После капитуляции Франции вермахт разработал свой план вторжения в Швейцарию. По ряду причин сроки начала этой операции несколько раз переносились, и в конце концов вторжение так и не состоялось.

¹ Доброе утро, уважаемая госпожа! Скажите, пожалуйста, где мы сейчас находимся? – нем.

² Девочка! Это же девочка!, нем.

³ Возьми, дорогая. Вы в Швейцарии. нем.

⁴ Оставайтесь на месте. Конечно, я сообщу о вас полиции, нем.

В «день Икс», немецкая 12-я армия должна перейти швейцарскую границу на широком фронте, разгромить противостоящие немецким войскам швейцарские силы, возможно, быстрее овладеть столицей Берном и его индустриальным районом, центром военной промышленности в районе Золотурна, Люцерном и индустриальным Цюрихским районом, а затем захватить остальные районы сферы германских интересов.

Начало войны. Вооружённый нейтралитет

В этих условиях командующим швейцарской армией генералом Анри Гизаном была предложена концепция организации обороны, получившая название «Национальный Редут», или просто Редут.

Согласно этой концепции, задачей вооружённых сил Швейцарии была не оборона границ страны, а создание ситуации, в которой оккупация Швейцарии представлялась бы противнику слишком дорогостоящим и даже не имеющим смысла предприятием.

С этой целью линия обороны заранее переносилась с равнин в горы, где спешно строились многочисленные фортификационные сооружения, способные противостоять пехоте и танкам противника. Горные дороги и тоннели минировались и подготавливались к взрывам. Командованию и личному составу всех частей и подразделений доводилось, что с момента начала боевых действий они должны оборонять свои участки, больше невзирая ни на какие приказы о прекращении сопротивления.

Таким образом, любой противник, вторгшийся в страну, в результате столкнулся бы с задачей установления контроля над обширными горными районами с полностью разрушенной инфраструктурой, где держали бы оборону многочисленные полупартизанские формирования.

С другой стороны, в то же время швейцарское правительство демонстрировало готовность прийти к разумному компромиссу: соглашению, дающему некоторые преимущества окружившим со всех сторон Швейцарию странам Оси, и в то же время не умаляющему суверенитет и нейтралитет Швейцарии.

Компромисс

В августе 1940г. между Швейцарией и Германией, было заключено Соглашение, по которому Швейцария предоставляла режим наи-большего благоприятствия для транзита немецких грузов (в том числе и военных) через свою территорию, обязалась продавать Гер-

мании золото и другие драгоценные металлы за рейхсмарки, и, кроме того, предоставляла Германии долгосрочный кредит в размере 150 000 000 швейцарских франков

Под давлением союзников Швейцария в 1944 году запретила транзит немецких и итальянских грузов через свою территорию.

* *

Что их ждало в этой стране, никто не знал. Единственное, что было известно от немецких товарищей – власти Швейцарии не высылают обратно беглецов из граничащих с ними государств, предоставляют им временное убежище, медицинскую помощь.

- Риточка, мне страшно.
- Лиз, ты посмотри на нас! Это местные должны пугаться от вида тряпья, в которое мы одеты.
- Ты всё шутишь, Риточка, а мне страшно. И страшно, и за наш вид стыдно.
- За наш вид стыдно? Напомнить? Никто приставать не будет! Надеюсь, хоть это тебя успокоит.

Глава восьмая

Швейцария. Интернированные

...В Швейцарии мы оказались в городе Шаффхаузен. Здесь о нас позаботились. Сначала накормили, предварительно спросив, что бы мы хотели поесть. Помню, мы с Лизой попросили молочный суп с макаронами. Нам сварили суп с макаронами. Суп был сладкий, и в нём плавал жёлтый кружок настоящего сливочного масла. Такого вкусного супа я ещё никогда не ела. Переодели, оказали медицинскую помощь. Разместили девушек и мужчин отдельно. В Шаффхаузене мы пробыли три дня. Нас опросили, выдали удостоверения. Потом всех перевели в город Лозанна, где мы находились 21 день на карантине. Проходили медосмотр, отдыхали. По нашему согласию предложили работу. В Лозанне я познакомилась с другими девушками с Украины. Мы подружились. После войны переписывались и встречались.

Из Лозанны нас с Лизой и нескольких девушек перевезли в Бриссаго. Там мы недолго находились в лагере для интернированных. Работали на кухне. Потом Лиза уехала работать в город Базель. Через некоторое время я уехала тоже. Со 2 января по 18 октября 1944 года я работала прислугой в семье, проживающей по улице Риэнштрассе. Относились ко мне очень хорошо. Часть зарплаты выдавали наличными, а часть хозяин переводил в банк. Этими деньгами я не воспользовалась. А моя подруга через английского консула брала часть денег со счёта и покупала себе вещи, например, часы и плащ. Мужчины, с которыми мы бежали, работали в городе Инцлинген. Они часто писали нам письма.

Всё время хотелось домой, к родным. При первой же возможности мы с Лизой сбежали. Сначала в Женеву, где нам помогли сесть на поезд до Марселя. Это было в октябре 1944 года. В Марселе мы с подругой в толпе чуть было не потеряли друг друга. Потом попали на американский корабль и приплыли в Италию, в порт Таранто. Там вынуждены были жить почти полгода, пока шли бои за какие-то острова. Из Таранто нас забрал английский корабль и доставил в город Одесса.

В пограничном городе Шаффхаузене о них позаботились. Первым делом всем оказали медицинскую помощь, накормили, предоставили возможность помыться. Выдали одежду. Девушек разместили отдельно от мужчин. По очереди вызывали на допрос. Сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Как и все товарищи, Маргарита сдала «Personalausweis¹», «Arbeitskarte²» и всё остальное. В протоколе, в графе «личные вещи» так и было записано: два куска мыла, бумажник с фотографией и письмами.

К тому времени Маргарита хорошо понимала немецкий язык и легко ответила на все вопросы. Написала свою биографию на русском языке и, как смогла, перевела на немецкий. Прочитав машинописный текст, подписала.

Пока оформляли документы, они находились в Шаффхаузене. Кормили хорошо, но в город не выпускали.

Переговариваясь между собой, девушки выдвигали самые разные версии.

- Самое главное, нас не отправят обратно в Германию, поправляя повязку на ноге, успокоила всех Маргарита. Сказали, что до нас уже были перебежчики.
- Рит, да после лагеря мы здесь как на курорте. И еда, и одежда новая. Отозвалась Маша Петрова, правильно определившая направление, в котором нужно было двигаться к реке, если честно, я бы отсюда не торопилась уезжать.
  - От нас уже ничего не зависит.

Через три дня из Шаффхаузена беглецов перевезли в Лозанну, в специально оборудованный лагерь.

Обязательный медицинский осмотр и двадцать один день карантина – таков был порядок. Находясь длительное время в Лозанне, участники побега подружились. Иначе и быть не могло: начиная с весны, они обменивались информацией, планировали побег и полностью доверяли друг другу. Каждый из них понимал: если побег сорвётся и они окажутся во вражеских руках, пощады не будет. В лучшем случае расстреляют на месте. О худшем старались не думать.

Маргарита немного жалела, что не предложила Анне Механиной присоединиться к группе. Но, помня её истерику в телячьем вагоне, решила, что разумнее будет не посвящать бывшую односельчанку в свои планы. Анна Механина осталась работать в лагере. Поскольку работала она на кухне в столовой, Маргарита за неё особо не волновалась.

Девушки, участницы группы, совершившей побег, старались держаться вместе. Лиза же всегда находилась рядом с Маргаритой.

О том, что после карантина всех разместят в лагерях для интернированных, они уже знали. Такие лагеря были организованы в Швейцарии ещё в сороковом году. Первая крупная группа советских беглецов оказалась в Швейцарии летом сорок четвёртого.

Существовали определённые правила содержания интернированных.

* * *

Интернирование (internus «внутренний; местный», лат) – принудительное задержание, переселение или иное ограничение свободы передвижения. Интернированию могут быть подвергнуты:

¹ Персональный пропуск, нем.

² Рабочая карта, нем.

... Гражданские лица, оказавшиеся во время войны на территории воюющего государства-противника или на оккупированной этим государством территории.

... Военнослужащие любого воюющего государства, находящиеся на территории нейтрального государства во время войны.

... Интернирование военнослужащих на территории нейтральной страны имеет целью сохранение режима нейтралитета данной страны (так как разрешение на нахождение военнослужащих, оружия или военной техники одной из сторон на территории государства может рассматриваться другой стороной как участие в войне на стороне противника, то есть нарушение нейтралитета).

... Интернируемые помещаются в специально отведённую для них местность, которую им запрещается покидать. При задержании интернируемому должна быть предоставлена возможность взять с собой необходимый запас одежды, обуви, пищи, воды, медикаментов, иных предметов первой необходимости.

... Государство, интернирующее иностранных граждан, обязано за свой счёт обеспечить для них соответствующие условия проживания. Не допускается размещение интернированных в нездоровой местности, климат которой вреден для интернированных.

... Интернированным должно быть обеспечено пригодное для проживания жильё, оборудованное в соответствии с санитарными нормами, одежда, питание, медицинское обслуживание.

... С целью защиты интернированных от опасностей, вызываемых военными (боевыми) действиями, места их расположения на территориях воюющих государств или на оккупированной территории могут быть согласованы воюющими сторонами.

... Государство обязано содействовать нейтральным международным организациям, занимающимся розыском пропавших лиц, в определении местонахождения интернированных.

... Решения о принудительном поселении в определенном месте или интернировании лиц из населения оккупированной территории должны приниматься согласно нормальной процедуре, которая должна быть определена оккупирующей державой.

Права интернированных:

... Интернируемые имеют право на гуманное обращение, уважение их личности, чести, семейных прав, религиозных и национальных

традиций, обрядов, привычек и обычаев. Они должны быть защищены от насилия, запугивания, оскорблений, любопытства толпы.

... Интернированным должна быть обеспечена возможность сообщения семье о месте своего пребывания, обращения в международные гуманитарные организации, возможность получения корреспонденции и посылок с одеждой, едой, медицинскими препаратами, предметами религиозного назначения.

... Запрещается применение к интернированным любых форм насилия или его угрозы, в том числе с целью получения от них сведений о них самих или третьих лицах. Запрещается посягательство на имущество интернированных. Интернированные не могут подвергаться медицинским или иным научным экспериментам, если это не вызывается необходимостью оказания им медицинской помощи.

... Интернированный не может быть наказан за действия, совершённые другим лицом. Применение к интернированным любых форм коллективного наказания категорически запрещается. Интернированных запрещается использовать в качестве заложников или «живого щита» (помещать их в определённое место для защиты этого места от военного нападения противника).

... Интернированные не могут принуждаться к труду, за следующими исключениями:

интернированные врачи и иной медицинский персонал могут быть принудительно привлечены к оказанию медицинской помощи другим интернированным;

возможно принудительное привлечение интернированных к работам по управлению, поддержанию порядка, кухонным и иным хозяйственным работам в местах интернирования, а также к защите других интернированных от воздушных налётов или других опасностей войны.

... В любом случае запрещается: принуждение интернированных к службе в вооружённых силах (как в боевых, так и во вспомогательных частях); любые формы давления, пропаганды службы в вооружённых силах; использование интернированных на любых работах, непосредственно связанных с ведением военных (боевых) действий; использование на работах лиц до 18-летнего возраста; любая работа, носящая оскорбительный или унизительный характер; использование интернированного на работе, для которой он не годен по медицинским показателям.

...Привлекая к работе интернированных, государство обязано обеспечивать условия, не хуже чем собственным гражданам, выполняющим ту же самую работу в этом же районе, в том числе: продолжительность рабочего дня, заработную плату, компенсации за несчастные случаи и профессиональные заболевания. Добровольно поступив на работу, интернированный имеет право отказаться от неё, проработав не менее шести недель и предупредив об этом за восемь дней.

Законодательные акты:

Режим интернирования был оговорён Гаагскими конвенциями 1907 года о правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны, затем закреплён Женевской конвенцией 1929 года. (В настоящее время определяющим его актом является Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения во время войны»).

* * *

Подруги переживали, что окажутся в разных лагерях. Этого не произошло. Четвёртого декабря одиннадцать девушек, в том числе Маргариту и Лизу, перевели в лагерь, находящийся в Бриссаго.

Перевозка в лагерь осуществлялась под полицейским контролем.

В лагере для них были приготовлены места и... работа.

По правилам нельзя было привлекать к работе интернированных граждан, если не было в том необходимости.

- Видать, Лиз, без русской рабсилы никому не обойтись. Боюсь, что застряли мы здесь надолго.
- Риточка, мы же не на фашистов будем работать. Это совсем другое. Ты знаешь, Бриссаго очень красивый город. Курортный, у подножия Альп, не умолкала Лиза, стараясь успокоить скорее себя, чем загрустившую подругу, может, и в город когда-нибудь отпустят.
- Лиз, красота это хорошо, но мне больше нравится, что работать придётся на кухне, а не в горячем цехе. Посудомойками, конечно, но голодными не останемся, если чего.

В столовой работали все девушки по очереди. Маргарита узнала, что в лагерь приходят запросы на прислугу. Решила при первой же возможности уехать в любой город. Через две недели пришли первые запросы. В списке значилось несколько городов. Вот только по два человека вместе ни в один город прислуга не требовалась.

– Лиз, ты слабосильная, ещё успеешь надорваться. Устраивайся, а я догоню. Если повезёт. Не получится в этот город, так Швейцария – страна маленькая. Всё равно встретимся.

В город Базель первой уехала Лиза.

С одной стороны, Маргарита скучала без неё. С другой стороны, стало легче. Дело в том, что Лиза не могла постоять за себя. Бывали случаи, когда другие работницы перекладывали на неё свою работу. Хоть Маргарита и была начеку, но не всегда оказывалась рядом, чтобы заступиться за подругу. Пару недель то и дело приходилось восстанавливать справедливость. Потом больше никому в голову не приходило затрагивать подруг.

Неожиданно для Маргариты лично на неё поступил запрос из города Базеля. Некий господин Йозеф Келлер приглашал интернированную Шумову на работу в качестве прислуги в свою семью. Кроме этого, она должна была обучать его дочь Луизу русскому языку.

Маргарите от радости хотелось пуститься в пляс. «В город Базель? Вот это Лизка! Смогла мне помочь!»

Лиза, конечно же, Лиза смогла помочь любимой подруге. Быстро освоившись на новом месте, она узнала, что в семью родственников её новых хозяев требуется прислуга с хорошим знанием русского языка.

Глава девятая

Базель. В прислугах

Второго января сорок четвёртого года Маргарите исполнилось двадцать лет.

Пятого января в полиции города Базеля она подписала документ о том, как себя вести, и приступила к работе в семье Келлеров.

Глава семьи являлся владельцем небольшой фирмы по изготовлению оптики. В двухэтажном доме на Риэнштрассе первый этаж занимала мастерская и магазинчик. Второй этаж был жилым.

Фрау Анна Келлер отнеслась к русской девушке с пониманием. Её дочери Луизе, которая хотела изучить русский язык, недавно исполнилось девятнадцать. Некоторые вещи из гардероба Луизы перекочевали в шкафчик Маргариты. С тех пор, как началась война, эти платья и блузки были первыми приличными вещами в её гардеробе. Умело орудуя иглой, она аккуратно подшила места, требовавшие ремонта. Старания русской прислуги пришлись по душе фрау Келлер. Похвалив девушку, она собрала одежду и попросила привести её в порядок. Маргарита с радостью занялась работой.

В связи с началом военных действий с тридцать девятого года в Швейцарии была введена карточная система¹. Сначала на макаронные изделия, различные крупы, жиры, потом на кофе, чай, какао, сыр, молоко, мясо. По карточкам можно было купить мёд, варенье, а с лета сорок третьего – шоколад. Пусть в небольшом количестве, но продукты можно было купить.

Кухарку в доме не держали. Фрау Анна готовила сама. Теперь у неё появилась помощница и на кухне. Присматриваясь, как готовит и накрывает стол хозяйка, Маргарита перенимала полезный для себя опыт. Научилась готовить блюда, о которых раньше не слышала. Научилась украшать стол к празднику и правильно расставлять посуду. Фрау Анна всегда была аккуратно одета, волосы убраны в причёску; при выходе на улицу она обязательно надевала перчатки. Маргарита старалась подражать своей хозяйке, и фрау Анне это нравилось.

– Fräulein Margarita ist kein Diener, sondern meine Assistentin².

Многому научилась Маргарита за время проживания и работы в семье Келлеров: правильно стирать, убирать, готовить, сервировать стол, крахмалить бельё.

Когда однажды в мастерской заболел работник, Йозеф Келлер попросил русскую фройляйн ему помочь. Нужно было обточить стёкла, чтобы вставить их в оправу очков. На первый взгляд, работа была несложной, но требовала большой точности. Маргарита справилась и с этим заданием. В дальнейшем господин Келлер иногда прибегал к помощи девушки, поручая ей выдавать заказы клиентам.

Сильных морозов в Швейцарии, конечно, не было, но зима есть зима. Маргарите понадобилась тёплая одежда. Фрау Анна сама отправилась в магазин, чтобы купить Маргарите пальто и

ботинки. В дальнейшем для Маргариты покупали летнюю обувь, отрезы на платья, одежду. Предварительно хозяйка писала заявление в отдел полиции, в котором сообщала, какая сумма требуется на покупку одежды. Заявление, подписанное шефом полиции, передавалось в Берн – в швейцарский «Volksbank». В этот банк перечислялась большая часть заработной платы Маргариты. Меньшую часть – Маргарита получала наличными и покупала для себя всякие мелочи. Снять деньги со счёта можно было только с особого разрешения.

Хозяева Лизы платили ей точно так же. Когда Лиза весной хотела купить себе плащ и наручные часы, она написала письмо английскому консулу в город Берн. Вместо ответа – прислали вещи. Было немного обидно, но девушки понимали: для интернированных другие порядки.

Маргарита радовалась, что у подруги тоже всё сложилось хорошо. Своё умение играть на скрипке Лиза не могла продемонстрировать за неимением инструмента. Всё, что она делала – это старательно убирала в доме и помогала на кухне.

«Скромная, работящая девушка» – так отзывалась о своей русской прислуге хозяйка.

Маргарита, кроме исполнения обязанностей по кухне и дому, занималась с Луизой – учила девушку разговаривать и писать по-русски. Нельзя сказать, что они стали подругами, но Луиза охотно проводила время в обществе русской сверстницы. Со своей стороны, учила её делать причёски, красиво повязывать косынку или платок, укладывая их оригинальным способом. Луиза разрешала Маргарите смотреть журналы мод в глянцевых обложках. Разглядывая девушек в модных нарядах, она думала, что такая одежда не для девушек из Степановки. «То ли платье, то ли военная форма: карманы, как на гимнастёрках, пояса с пряжками. На голове шарфы намотаны. Если бы до войны прийти на танцы в таком платье, так все попадали бы со смеху». Однажды, с разрешения родителей, Луиза повела Маргариту в фотоателье, предварительно сделав ей модную причёску.

Семье Келлеров нравилась новая прислуга. Трудолюбивая, старательная, весёлая. С улыбкой на лице Маргарита выполняла любую работу по дому.

¹ Зависимость от импорта продовольствия и снижение его объёмов в ходе войны вынудили швейцарское правительство ввести нормированное потребление основных видов продовольствия и товаров народного потребления.

² Фройляйн Маргарита не прислуга, а моя помощница. нем.

Днём работала, пела, улыбалась, а ночью... А ночью накатывала тоска. Представляя, как страдают от голода мать, сёстры, брат – плакала. Казалось, будь она рядом с ними, всё могло пойти по-другому, каким-то образом измениться в лучшую сторону.

В июне сорок третьего Йозеф Келлер, читая после обеда газету, подозвал Маргариту.

- Fräulein Margarita, der Krieg wird bald enden. Das ist gut für dich.¹ Маргарита застыла на месте, услышав такое неожиданное заявление.
- Du kannst nach Hause kommen.²– продолжал он, Freust du dich, Fräulein Margarita?³
  - Warum sagen Sie das, Mr. Keller?4
  - In der Normandie landete eine Anglo-amerikanische Landung⁵. Джозеф Келлер протянул её газету.
  - In der Zeitung steht über die Eröffnung der zweiten Front.⁶

Оставив газету на столе, он ушёл из комнаты.

«Второй фронт! Ура! – внутри Маргариты ликовала каждая клеточка. – Скоро войне конец!»

До побега они, собираясь вечером в бараке, обсуждали новости, услышанные от немецких товарищей. Всех волновал вопрос: когда союзники выполнят обещание, данное ещё в сорок втором, и помогут Советскому союзу.

* * *

Сразу же после нападения Германии на СССР правительства Великобритании (22 июня) и США (24 июня) выступили с поддержкой Советского Союза в его борьбе с фашизмом.

В 1942 году между СССР, Великобританией и США была достигнута договорённость об открытии второго фронта в Западной Европе.

В июне 1944 года эта договорённость была осуществлена: на северо-западе Франции, в Нормандии, высадился англо-американский

десант – второй фронт был открыт. Это позволило оттянуть около 560 тыс. немецких войск с восточного фронта и способствовало ускорению окончательного разгрома фашистской Германии, которая вынуждена была теперь вести борьбу на два фронта.

* *

«Наконец-то! Теперь нашим будет легче!» Прижав к груди газету, Маргарита закружилась вокруг стола в вальсе и чуть не сбила с ног вошедшую в комнату Луизу. Опомнившись, остановилась.

- Hat Dad dir von der zweiten Front erzählt?¹
- Да, фройляйн Луиза, сказал.

Ответила она на родном языке.

- Natürlich bist du froh, aber ich... ich werde mich sehnen².

Луиза не стала упражняться в русском. Развернувшись, ушла.

В следующий раз Маргарите захотелось плясать в сентябре сорок третьего, когда стало известно об освобождении Харькова.

* * *

13 августа 1943 года линия немецкой обороны была прорвана непосредственно возле Харькова. Через три дня бои шли уже на городских окраинах, но советские части продвигались вперёд не так быстро, как хотелось бы: — немецкие укрепления были очень сильны. Официальный День освобождения Харькова — 23 августа, когда советская армия взяла контроль над основной частью города. Однако подавление сопротивления отдельных групп противника и очистка от него пригородов продолжалась до 30 числа. Полное освобождение Харькова от немецко-фашистских захватчиков произошло именно в этот день.

* * :

Этой новостью ей захотелось поделиться с Лизой.

Занятая с утра до вечера работой, Маргарита по воскресеньям отпрашивалась на прогулку. Зная, что она встречается со своей русской подругой, фрау Келлер давала своё разрешение.

В это воскресенье Маргарита сообщила Лизе радостную весть.

¹ Марго, скоро закончится война. Это хорошо для тебя. нем.

² Ты сможешь вернуться домой. нем.

³ Ты рада, Марго? нем.

⁴ Почему вы так говорите, господин Келлер? нем.

⁵ В Нормандии высадился англо-американский десант. нем.

⁶ В газете написано об открытии второго фронта. нем

¹ Папа сказал тебе о втором фронте? нем.

² Конечно, ты рада, но я... я буду тосковать. нем.

- Лиз, Харьков наш! Представляешь, совсем немного осталось! Скоро мы вернёмся домой!
- Домой? без энтузиазма переспросила Лиза. Я боюсь, что от нашего дома остались одни развалины. Скорее всего, так и есть. Куда мне возвращаться?
- Лиз, запомни: мы вместе. Мы всё время будем вместе. Вернёмся сначала в Степановку, а там, может, в Харьков уедем. Что нам, молодым, на хуторе делать? Найдём ваш дом, да и мамку надо врачам показать.
  - Хорошо, Риточка, так и сделаем.

Продолжая прогуливаться, девушки радовались хорошей погоде, обменивались впечатлениями.

Наблюдая, как качается на волнах Рейна лодка, Маргарита вспомнила, как она училась в Харькове и как не могла запомнить названия рек.

– Лиз, вот ты родилась и выросла в Харькове. А названия всех рек в Харькове знаешь?

Лиза с готовностью перечислила:

- Лопань, Уды, Харьков, Немышля. Только многие путаются, где какая.
- Видишь, как ты хорошо знаешь Харьков. А ещё хочешь остаться в Базеле.
- Я такое не говорила. Мне обязательно нужно вернуться в Харьков. Если я останусь в Швейцарии, папа никогда не найдёт меня.
- «Она думает, что её отец жив. Эх, подруга, да разве можно выжить в такой мясорубке? вспомнив вой снарядов, грохот орудий, крики раненых, вздохнула Маргарита. Пропал без вести, читай погиб».
- Конечно, Лиз, нужно возвращаться. Здесь мы просто слуги, интернированные. Нам без разрешения нельзя нигде появляться. Хозяева относятся к нам хорошо, но мы-то знаем, как живётся на свободе, в своём доме, в своей стране. Не представляю, как мамка без меня. Малые, наверное, подросли. Да и Утюг меня ждёт, хмуро пошутила Маргарита, вернее, не меня, а своей погибели.

Она не знала тогда, что в конце августа сорок третьего года по Степановке пронёсся слух: староста Фёдор Утюжников – убит. После артиллерийского обстрела его тело нашли возле одного из сгоревших грузовиков. Когда о гибели старосты узнали односельчане и

сообщили об этом его матери, удивились: Прасковья не уронила ни одной слезинки.

Соседи и раньше осуждали Прасковью Утюжникову, считая её сына дезертиром. А тут ещё старостой согласился быть, когда после оккупации Степановки и близлежащих хуторов немцы искали себе помощников. Хоть и не числилось за Фёдором никаких зверств, они считали, что не должен был советский человек соглашаться на такое предложение. Да что взять с дезертира. Хоть он и дезертир, и староста вдобавок, странно было, что не плакала Прасковья, прощаясь с сыном. Бросила три горсти земли, как по обычаю положено, подождала, пока зароют могилу, и ушла. Если раньше с ней просто не здоровались, то теперь старались обходить стороной. Обойдя, поворачивались и крутили пальцем у виска: ненормальная.

Такое клеймо вполне устраивало Прасковью. Она прощала людей, потому что они не знали правды. Если бы спросили, рассказала бы. А идти, оправдываться? Всё равно не поверят. Ведь не поверили её мужу Емельяну, что зерно не прятал и что Фёдор не дезертир – тоже не поверят.

Когда началась война, Фёдору исполнилось двадцать пять лет. Как только объявили всеобщую мобилизацию, он должен был явиться на призывной пункт в Белополье.

* * *

С 22 июня Президиум Верховного Совета СССР объявил всеобщую мобилизацию.

Всего за июнь — июль 1941 года была проведена всеобщая и полная мобилизация мужчин и частичная — женщин. К этому времени классовые ограничения были сняты — защищать Родину мог каждый. И это не простая формальность. Дело в том, что в 1925 году в СССР приняли закон об обязательной военной службе. В армию запрещалось призывать «лиц эксплуататорских классов», а именно: детей бывших дворян, купцов, офицеров старой армии, священников, фабрикантов, а также казаков и кулаков.

В 1935 году для казаков сделали исключение. Закон 1939 года отменил ограничения на призыв в армию по классовому признаку, однако в военные училища по-прежнему принимают только детей рабочих и крестьян. Война изменила и это правило. Фактически

каждый, кто хотел попасть на фронт или в военное училище, мог это сделать.

С начала Великой Отечественной войны в действующую армию с Белопольского района было мобилизовано 17458 человек, в народное ополчение и на строительство оборонительных укреплений было направлено 7256 человек. Боевые действия на территории района проходили с 20 сентября по 8 октября 1941 года и с 1 по 5 сентября 1943 года.

* * *

Прасковья, глотая слёзы, укладывала вещмешок. Обнимая, зарыдала в голос. Как любая мать, провожающая сына на войну, понимала – это могут быть последние объятия.

Фёдора, окончившего девять классов, направили в танковое училище. К месту назначения предстояло ехать по железной дороге. До отправления поезда оставалось несколько минут. Для мобилизованных был выделен вагон, потому что в остальные, переполненные желающими уехать, попасть было невозможно. Люди поспешно покидали родные дома, пытаясь уехать к родственникам – в восточном направлении.

Прозвучал короткий паровозный гудок, и состав пришёл в движение. Фёдор мысленно прощался со ставшими за три года родными местами. Сидел молча, прислушивался к разговорам вокруг. Каждый старался что-то рассказать о себе. В основном, хорошее. Когда первые желающие высказались, обратили внимание на молчаливого соседа.

- Видать, силы берегёт, чтоб немцев бить!
- И бровья отрастил, чтоб легче целиться!

Каждый старался задеть «молчуна». Неизвестно, чем бы всё закончилось, но состав начал резко тормозить. С верхней полки попадали вещмешки.

На мгновение установилась тишина, затем послышался мат в адрес машиниста.

– Тише, мужики! Кажись, юнкерсы!¹

Состав то начинал движение, то резко останавливался. Было похоже, что машинист старается вывести поезд из-под бомбёжки. Рёв моторов, грохот взрывов, комья земли, летящие в стёкла ваго-

на. Страх сковал Фёдора. Мелькнула мысль, что мать рыдала не зря. Обезумевшие от страха, все рванулись к выходу. Последнее, что услышал Фёдор, был душераздирающий крик: «Помогите!»

Острая боль пронзила его с ног до головы.

Прасковья молилась, преклонив колени перед иконой Пресвятой Богородицы. Лампада чадила, тускло освещая красный угол¹ дома. Неожиданный негромкий стук в окно заставил её вздрогнуть. Так мог стучать только один человек.

- Феденька!

На ватных ногах Прасковья подошла к двери, отворила и осела, увидев сына.

Утром по селу прошёл слух: объявился дезертир – Фёдор Утюжников.

Обрадовалась бы Маргарита или нет, узнав о гибели личного врага, неизвестно. Вот его матери, по доброте душевной, конечно же, посочувствовала бы.

Но, находясь тогда в чужой враждебной стране, она не знала, что происходит за тысячи километров от неё. Ненависть к Фёдору отошла куда-то на задний план. Самое главное – это выжить. Сначала – выжить, потом – вернуться домой. И только третьим пунктом – отомстить. Если первое время при воспоминаниях о нём тут же возникал план мести, то сейчас она старалась не тратить драгоценную энергию на бесполезное в данный момент занятие. Сейчас, скинув рабское ярмо, вполне можно было бы радоваться жизни.

Ой, забыла сказать, – встрепенулась Лиза, – Митя письмо прислал!

– Неужели замуж зовёт?

Маргарита ещё в Лозанне заметила, как Дмитрий смотрит на её подругу и как Лиза краснеет при его приближении. Это было поводом для беззлобных шуток.

Когда подруги из Бриссаго переехали в Базель, Лизе стали приходить письма от Дмитрия, нашедшего себе работу в городе Инцлинген. Маргарита, к удивлению, тоже получила от него письмо.

¹ «Юнкерс» – немецкий тяжёлый пикирующий бомбардировщик.

¹ Красный угол – наиболее почётное место в избе, в котором находились иконы и стоял стол, обычно был обращён на юго-восток.

Дмитрий предлагал встретиться и... обсудить подарок Лизе на день рождения. Это была условная фраза. Маргарита ломала голову, что произошло, раз Дмитрий назначил ей «свидание».

«Как можно встретиться, если они подписали «Обязательство» и не должны покидать место работы и проживания, если это не связано с выполнением служебных обязанностей?

Как договориться?»

Весь день она мысленно то и дело возвращалась к письму: «Интересно, что всё-таки случилось?»

Отгадка не заставила долго ждать.

Йозеф Келлер в последнее время взял за правило читать Маргарите новости о событиях на фронтах. Сегодня он прочитал о взятии союзными войсками Парижа.

– Ещё немного, и во Франции будет порядок.

Что подразумевал её хозяин под словом «порядок», Маргарита уточнять не стала.

«Ура! Наша взяла! Осталось совсем немного и ... И мы с Лизкой будем дома!»

Встреча с Дмитрием состоялась. Он пришёл на набережную вместо Лизы. Как у него получилось уехать из Инцлингена, рассказывать не стал.

– У нас есть десять минут, не больше. Слушай внимательно.

Дмитрий сообщил, что вышел на участников Сопротивления, которые согласились организовать им проезд во Францию.

- Понимаешь, это единственный способ быстро попасть домой. Неожиданное предложение поначалу сбило с толку.
- Ничего себе, подарок для Лизки. И что мы будем делать во Франции?
- Даже если война закончится в этом году, мы отсюда нескоро выберемся. А ты, я знаю, очень домой хотела. Помнишь, о мамке и сёстрах рассказывала? Так вот, после окончания войны домой нас сразу не отпустят. Понятно? И неизвестно ещё, как нас встретят. Скажут: «На немцев работали, значит, враги народа». Забыла, как расправляются с врагами? Так что если мы своим путём домой не вернёмся, то...
- Да разве мы сами сюда… Да нас же угнали, как скот рабочий, да…

– Вот заладила: да мы, да нас. Перед каждым оправдываться будешь?

А так – повоюем вместе с товарищами.

- Повоюем?
- Да, ты не ослышалась. У меня имеются сведения, что во Франции много партизанских отрядов из наших военнопленных, которые смогли сбежать из концлагерей. Не без помощи французов, конечно. Кстати, один из отрядов называется «Донбасс». Наверное, наши с Украины организовали. Ну что? Присоединяешься или будешь ждать, пока швейцарцы со своей страны вытурят?

Маргарите стал понятен расчёт Дмитрия. Присоединившись к партизанам, они могли не бояться возвращения в свою страну.

Глава десятая

Снова побег. Франция

Немецкий удар обрушился на Францию 10 мая 1940 года. В течение недели судьба страны была предрешена.

Французское движение Сопротивления – это общее название нескольких национально-освободительных движений, которые действовали на территории оккупированной страны в период с 1940 по 1944 год. Общей целью участников Сопротивления была борьба за освобождение республики от немцев.

До 1943 года существовало несколько руководящих центров, которые потом были объединены в рамках одного Французского комитета национального освобождения.

Точная численность людей, принимавших участие в борьбе за освобождение Франции, историкам неизвестна. Архивные документы и воспоминания участников Движения Сопротивления позволяет учёным называть данные в 350 – 500 тысяч человек. Это очень приблизительные цифры, поскольку против фашистского режима боролось огромное количество организаций, абсолютно не связанных между собой.

Выходцы из разных стран мира попадали в Сопротивление после того, как удавалось сбежать из немецких концлагерей. Некоторые же представители национальных меньшинств, например, армяне

и евреи, проживая в стране, в ответ на преследование немцами создавали собственные боевые отряды.

Ключевыми игроками в Движении Сопротивления были партизанские отряды «Маки» и основанная французскими политическими и военными силами в 1940 году организация, которая вошла в историю под названием «Свободная Франция». Возглавил патриотическое течение генерал французской армии Шарль де Голль, который руководил отрядами из Лондона, где располагалась штаб-квартира организации. Заданием «Свободной Франции» стало освобождение страны от фашистов и коллаборационистского правительства Виши. (Виши – небольшой французский городок на юго-востоке от Парижа. В Виши дислоцировалась резиденция коллаборационистского правительства свободной южной Франции. Отсюда появилось название — «режим Виши».)

В отличие от партизан «Маки», участники «Свободной Франции» были хорошо вооружены, обучены, имели боевой опыт. Шарль де Голль и его подчиненные официально признавались странами-членами антигитлеровской коалиции, что позволило генералу установить дипломатические отношения с Советским Союзом, Англией и США. В мае 1944 года было сформировано временное правительство де Голля. Большинство членов Движения влились потом в ряды регулярных частей армий союзников, чтобы продолжить борьбу против фашистского режима Гитлера.

Принц Луи Наполеон, потомок Наполеона Бонапарта, живший в Швейцарии, бесплатно отдал свою землю под строительство оборонительных сооружений и стал одним из участников Французского Сопротивления.

3 октября 1943 года начал свою деятельность «Союз русских патриотов», а 15 октября 1943 года начал действовать и «Центральный комитет советских военнопленных во Франции», объединявший деятельность партизанских и подпольных групп советских граждан. К весне 1944 года на оккупированной территории Франции действовало 35 партизанских отрядов: «Чапаев», «Котовский», «Родина», «Донбасс», «Севастополь», «Свобода», «Деде», «Катрин» и другие, состоявшие в основном из бывших советских военнопленных.

которым удалось бежать из концлагерей, чаще всего с помощью французов. Выпускалась газета «Русский патриот», а позднее был сформирован Первый советский партизанский полк.

Всего в рядах французского Сопротивления сражались почти 40 тысяч партизан семнадцати национальностей, среди них – около трёх тысяч эмигрантов и советских граждан, бежавших из немецких конилагерей и лагерей для военнопленных.

* *

«Митя, конечно, прав. Уехать отсюда мы сможем только по окончании войны. Прав, что разбираться начнут, откуда мы взялись. Скажут, сами захотели на немцев работать. Что делать? Соглашаться? А Лиза?. Я хоть стрелять умею, а она только на скрипке играть. Как же не хочется начинать всё сначала: побег, война, грязная одежда. Как хорошо, что есть крыша над головой, еда. Никто не целится из автомата и не травит на тебя овчарок... Овчарка! Может, поэтому и зовёт меня Митя? Чтобы я собакам и пограничникам «глаза отводила»? Нет, скорее всего, он хочет Лизу позвать. Она же и немецкий, и французский знает. Только без меня Лизок с места не стронется».

Маргарита, убирая после ужина посуду, мысленно взвешивала все «за» и «против». Оглянувшись, не видит ли фрау Келлер, достала из нижнего ящичка посудного шкафа припрятанные картофельные очистки. Переложила в карман фартука, прикрыв носовым платком. Чисто вымытые, они годились для утоления постоянно ощущаемого чувства голода. Маргариту не держали на голодном пайке, но изобилия в еде не было. Почему бы не похрустеть сырой картошкой, когда не видит фрау.

Укладываясь спать, Маргарита прочитала молитву. Конечно, она успела вступить в комсомол и, как все комсомольцы, была атеисткой. Позже поняла: атеистом быть легко, если вопрос стоит не о жизни и смерти. Ну а если смотришь смерти в лицо, нужна помощь, а надеяться не на кого? И ты не перестаёшь надеяться, начинаешь молиться.

Прочитав молитву, загадала сон: «Бабушка, приснись. Мне нужен совет. Что делать: бежать или остаться здесь?»

Утром Маргарита пыталась вспомнить сон, но подробности ускользали. «Тёмный лес... Луна освещает тропу, по которой идёт женщина в синем платье... Кто это? Бабушка? Я пытаюсь её догнать,

¹ Коллаборациони́зм (фр. collaboration – «сотрудничество») – осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству.

но... Лес заканчивается и начинается широкая дорога... По дороге идут люди... Много людей...»

Был ли в увиденном сне ответ на вопрос или просто приснился лес, по которому они бежали, перейдя границу – Маргарита не поняла.

Дмитрий ещё не получил ответ, но зерно было посеяно и начинало давать всходы.

Перебирая свой небогатый гардероб, Маргарита отложила в сторону вещи, которые хотелось бы взять с собой. «Жалко, пальто придётся оставить. Хорошее пальто. Но с большим чемоданом из дома не выйти. И по Базелю с ним далеко не уйти, – вздохнув, она повесила пальто обратно в шкаф. Перебрав ещё раз отложенные вещи, с сожалением разделила пополам, – надену платье в клетку и кофту, а синее сложу в сумку. И нижнее бельё – тоже в сумку. Ботинки жалко оставлять. Что бы придумать?»

Придумывать ничего не пришлось. Вечером погода испортилась, и утром Маргарита вышла из дома на Риэнштрассе, одетая в пальто, с которым так не хотелось расставаться. Уместно выглядели и ботинки.

Встретились в условленном месте на набережной. Теперь втроём.

– Лиз, что он такого тебе пообещал, что ты согласилась? – не удержалась от шутки Маргарита. – Никак, замуж взять?

Лиза, прижав ладони к покрасневшим щекам, промолчала.

– Девушки, шутить будем потом, когда выберемся из Швейцарии. А сейчас нам нужно доехать до Женевы. Садимся порознь. Делаем вид, что не знакомы.

С сожалением покидала Маргарита страну, давшую временное пристанище. Заметив слёзы на глазах подруги, отвернулась, чтобы не заплакать самой.

- Риточка, сейчас моя фрау позвонит в колокольчик, а меня нет.
- Лиз, не трави душу. Моя вряд ли заплачет, но в полицию сообщит, что я пропала.

Маргарита не ошиблась. Вечером восемнадцатого октября у фрау Келлер не было помощницы на кухне. Утром следующего дня от господина Келлера в полицию поступило заявление. В нём говорилось, что интернированная Маргарита Шумова вышла из дома

утром и в положенное время не явилась на место работы, то есть к месту проживания.

На вокзале, чтобы не привлекать внимание, тоже держались отдельно. Проверка документов прошла благополучно. Фальшивые паспорта не вызвали подозрения, как и сами девушки.

- Лиз, в новом плаще да при часах ты прямо-таки мадемуазель. Жалко, я ничего такого не успела купить.
- Ты, Риточка, как настоящая фройляйн, улыбнувшись, тихо ответила Лиза, и причёска модная, и шарфик бантом завязан. И ещё Митя сказал, чтобы мы говорили как можно меньше. Иначе догадаются, кто мы такие.
  - Ты, Лиз, главное, не красней. И всё будет в порядке

Из-за проверки документов время, проведённое в пути, увеличилось, но уже вечером того же дня они были в Марселе¹. На перроне к ним присоединились ещё пятеро человек, ехавших в том же поезде. Маргарита вопросительно взглянула на подругу.

– Митя ничего не говорил о них, – шепнула Лиза, пожав плечами, – наверное, чтобы мы меньше беспокоились.

Паспорта, которыми они воспользовались, чтобы уехать из Швейцарии, больше не понадобились. На этот раз Дмитрий достал приготовленный заранее документ и предъявил военному патрулю. Всем восьмерым предложили пройти в комендатуру. Теперь они находились на территории Франции. Все разговоры велись на французском языке.

- Лиз, переведи хоть мне, что они говорят.
- Кого-то хотят вызвать. Выяснить, куда нас определить. Но до утра нам придётся пробыть здесь, в этой комнате.
  - В этой комнате?

Маргарита повернулась всем корпусом в сторону Дмитрия.

- Где твои партизаны?
- Не кипятись. Будут партизаны. Подумаешь, одна ночь. Кстати, я не верил, что Лиза знает французский.
- Я почти все слова позабыла. Так, понимаю немного, о чём говорят.

¹ Марсель – крупный портовый город, расположенный на юге Франции, на берегу Средиземного моря. Расстояние до Женевы – 328 км по прямой.

- Митя, не нужно переводить разговор на другую тему. Скажи лучше, как ты представляешь себе ночь в этой каморке, да ещё с решёткой на окне? Где нам спать? На деревянных скамейках? возмущённо спросила Маргарита, улыбнувшись при этом заглянувшему в комнату мужчине в военной форме, а в уборную, а поесть?
- Хочешь отделиться, попросись в другое место. Только учти, я Лизу никуда не отпущу.
- Пожалуйста, не ссорьтесь. Всего одна ночь. Это всё равно лучше, чем в бараке на нарах.
- Согласна, не стоит ссориться. Пока время есть, проведи нам политинформацию, расскажи о Франции.
- Да, Митя, ты же сам говорил, что вы в Инцлингене всё время читали газеты, обрадовалась Лиза перемирию.
- Ну, мы, конечно, не только газеты читали. Нас и другой информацией снабжали. Например, что ещё год назад, в сорок третьем, во Франции русские объединились. Сбежавшие из лагерей военнопленные, и такие, как мы, организовали партизанские отряды. Об одном из таких отрядов я уже рассказывал тебе, Дмитрий обратился к Маргарите, и ты согласилась вступить в отряд. Что молчишь?
  - Говори, не отвлекайся.

«Ничего я не обещала. Посмотрим, что будет завтра».

Ворочаясь ночью на жёсткой деревянной скамье, Маргарита не могла уснуть. Из головы не выходили мысли о партизанском отряде.

«Если меня убьют, никто моим не поможет. Они и не узнают никогда, как и где закончилась моя жизнь. Митьке что? Он не женат, детей нет. Мать умерла, когда он ещё маленьким был. О тётке, что его воспитывала, один раз обмолвился. Неужели Лизку сманит? На любовь, правда, не похоже. По крайней мере, с его стороны. Скорее, Лизка ему как переводчик нужна. Надо с ней поговорить, расспросить, что он такого наобещал... Светает уже, а сна ни в одном глазу».

Утром за ними приехал представитель из лагеря для репатриантов ^{1} . На ломаном русском объяснил, что их переводят в лагерь.

– D'autres actions seront menées conformément à l'accord.²

- Он говорит о каком-то договоре, вернее, договорённости, как смогла, перевела Лиза.
- Mademoiselle connaît notre langue! Très bien Merci de traduire vos camarades pour qu'ils ne s'inquiètent pas. Bientôt, tout le monde sera renvoyé chez lui.¹

Так они снова оказались в лагере. Если Маргариту, Лизу, Дмитрия и его товарищей привезли на грузовике, то основная часть находящихся здесь людей добиралась сюда пешим ходом.

Глава одиннадцатая

Репатрианты

Франция. О репатриантах очевидцы. В докладной записке сотрудников торгпредства А. Синяка и М. Пашинина от 19 сентября 1944 года на имя торгпреда СССР в Великобритании П.И. Соловьева говорилось: «Будучи в командировке во Франции с 13 по 17 сентября 1944 года мы стали свидетелями большого передвижения по дорогам Франции у Вердена русских людей, угнанных немцами в разное время из СССР. Эта процессия движущихся полузамученных людей в одиночку и группами, мужчин, женщин, детей и стариков представляет исключительно жалкую картину. Полуодетые, в лохмотьях, босые, в случайных головных уборах, до цилиндров включительно, без знания французского языка и Франции – движутся вереницы недавних немецких рабов, а сейчас фактически нищих людей, по направлению к Верденскому лагерю для русских... Из разговоров с отдельными группами людей установлено, что все они направляются американскими властями в город Верден, где для их приёма организован специальный лагерь...»

* * *

- Риточка, неужели мы выглядели так же, как они, когда из лагеря убегали?
- Молчи, Лиз, а то расплачусь от жалости. ответила Маргарита, глядя на прибывающих стариков, женщин, детей. Но вспомнила

¹ Репатрианты, Репатриация (от лат. repatriate) – возвращение на родину. Термин обычно употребляется в отношении военнопленных, перемещённых лиц, беженцев, эмигрантов.

 $^{^2}$ Дальнейшие действия будут производиться согласно договоренности. франц.

¹ Мадмуазель знает наш язык! Очень хорошо. Переведите, пожалуйста, вашим товарищам, чтобы они не волновались. Скоро всех отправят домой. франц.

она не побег из Германии, а свою семью. – Это мы с мамкой, Танечкой, Женькой, Никиткой и... Лёней так шли. Оборванные, голодные... Мамка говорила: идём куда глаза глядят.

– Прости, нечаянно напомнила тебе о родных. Ничего, скоро нас обещают отправить домой. И хорошо, что ты отговорила меня уехать вместе с Митей в отряд.

«Отговорила? Как малое дитя! Я с ним просто серьёзно поговорила, – она вспомнила, как Дмитрий, встретившись с ней взглядом, отвёл глаза. – Испугался, что «волка включу».

Дмитрий с товарищами, как ими было задумано, вступили в партизанский отряд и уехали. Маргарита с Лизой за две недели, проведённые в лагере, перезнакомились с земляками, тоже бывшими остарбайтерами. Кого-то из них освободили участники Сопротивления, кого-то партизаны или Союзники, а кто-то смог убежать с места работы, как они. Все с нетерпением ждали, когда их отправят на Родину.

* * *

Репатриация. Советские государственные и военные органы сразу же столкнулись с большой организационной, политической и социальной проблемой: надо было собрать, учесть, накормить и разместить сотни тысяч людей, организовать их проверку и фильтрацию, наконец, отправить в СССР.

Первое официальное решение по этому вопросу было принято только в конце лета 1944 года. Им стало Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР за № 6457сс от 24 августа 1944 года «Об организации приёма возвращающихся на Родину советских граждан, насильно увезённых немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей».

... Также советское руководство было серьёзно обеспокоено сообщениями англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных враждебно настроены к Советскому правительству и не желают возвращаться в СССР.

... Тревожные нотки, свидетельствовавшие о явном нежелании союзников освободить советских граждан, прозвучали и в телеграмме, отправленной 14 сентября 1944 года в Народный комиссариат иностранных дел СССР Временным Поверенным в делах СССР

при Французском комитете национального освобождения С. Козыревым: «...есть сведения, что англичане и американцы, ссылаясь на якобы имеющийся отказ Советского правительства от пленных, большими группами увозят их в Англию и Америку, проводя в этом плане большую пропагандистскую работу с пленными и гражданскими. Все факты проверяем, однако можно сказать, что они похожи на правду».

... Подобная ситуация складывалась вокруг советских перемещённых лиц и в других странах. Случаи задержки советских людей в местах сбора перемещённых лиц, плохого содержания и обращения с гражданами СССР не были единичными и случайными. Затягивая процесс репатриации советских военнопленных и гражданских лиц, нарушая их статус как граждан союзной державы, союзники преследовали при этом определённую цель — сделать советских людей заложниками в большой политике.

... Принимая всё указанное во внимание, Советское правительство осуществляло экстренные меры по защите чести и достоинства советских граждан, их скорейшему возвращению домой. Располагая беспрецедентными фактами, имевшими место в лагерях для военнопленных и перемещённых лиц на французской территории, 23 октября 1944 года Народный комиссариат иностранных дел СССР вручил официальную ноту протеста министру иностранных дел Временного правительства Французской республики. Одновременно ноты протеста были вручены правительствам США и Англии, так как нарушения условий жизни советских граждан фиксировались и в местах сбора, находившихся под юрисдикцией англо-американских союзников.

Согласно установкам Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР, все освобождённые советские граждане должны были рассматриваться союзниками не как военнопленные или интернированные лица, а как свободные граждане союзной державы. Им обязаны были создать нормальные социально-бытовые условия, питание, предоставить жилище, медицинскую помощь. Союзники должны были прекратить враждебную Советскому Союзу пропаганду и вербовку подданных Советского государства в иностранные воинские легионы.

На состоявшейся 16 октября 1944 г. встрече в Кремле А. Идена (А. Иден – министр иностранных дел в военном правительстве Черчилля — 1940—1945годы), с В. Молотовым (В.М. Молотов — министр иностранных дел СССР — 1939—1949 годы) — продолжалось обсуждение вопросов о скорейшем возвращении граждан СССР.

А. Иден сообщил о решении английского правительства отправить в СССР со специальным конвоем в ближайшее время 11 тысяч советских подданных. Одновременно он заявил о готовности английской стороны возвратить в СССР ещё 5 тысяч советских подданных, как только для их перевозки высвободится необходимый морской транспорт.

Разъясняя позицию руководства СССР, занятую в вопросе о репатриации граждан Советского государства, В.М. Молотов заметил, что некоторые советские люди могут не захотеть вернуться, потому что они помогали немцам, однако, по словам советского комиссара иностранных дел, «желание или нежелание отдельных граждан не может изменить принципа, что все советские граждане без исключения должны быть возвращены на Родину».

Перед органами репатриации ставились следующие задачи:

Руководство делом репатриации граждан СССР (бывших военнопленных, интернированных и насильственно увезённых гражданских лиц), находившихся на территории Германии и оккупированных ею стран, освобождённых и освобождаемых советскими и союзными войсками;

Выявление, регистрация и учёт граждан СССР, находившихся на территории, освобождённой от противника советскими и союзными войсками;

Устройство освобождённых граждан СССР в соответствующих пунктах сбора или лагерях для отправки в СССР, организация в указанных пунктах воинских подразделений из бывших военнопленных, а также объединённых групп из насильственно увезённых граждан;

Размещение, питание, медико-санитарное и бытовое обслуживание граждан СССР как на территории, освобождённой от противника, так и в пути следования в СССР;

Проверка совместно с органами НКВД (НКВД – Народный комиссариат внутренних дел) прибывших на Родину граждан СССР;

Направление прибывших на Родину советских граждан по назначению:

Оказание материальной и денежной помощи возвратившимся на Родину гражданам СССР до их передачи по назначению;

Выявление, регистрация, учёт и репатриация на родину граждан иностранных государств.

Предусматривалось, что все гражданские лица, возвращавшиеся на Родину, должны были проходить упрощённую проверку через проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) НКВД или при необходимости вновь созданные пункты. Относительно же военнопленных 4 ноября 1944 года было принято особое Постановление ГКО № 6884с «О порядке направления бывших военнопленных — военнослужащих Красной Армии, поступивших после их освобождения советскими и союзными войсками».

Но едва ли не самым важным в указанный период стала подготовка и публикация правительственного обращения к советским гражданам и военнопленным. Оно было преподнесено народу в форме интервью Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-полковника Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС 11 ноября 1944 года. Это интервью, по существу, излагало официальную позицию советского руководства по вопросу репатриации граждан СССР. В нём сообщалось, что «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину...»

* * *

Любая новость, хорошая или плохая, быстро распространялась по лагерю.

В конце октября советских военнопленных, освобождённых из концентрационных лагерей, на американском корабле отправили в город Мурманск. Через некоторое время прошёл слух, как их встретили на Родине.

Кто первым узнал, неизвестно, но Маргарита услышала об этом раньше Лизы. Сначала хотела не расстраивать подругу. «Не сегодня, так завтра кто-либо всё равно расскажет. Шила, как говорится, в мешке не утаишь».

Лиза заплакала, узнав, что никого из них не отпустили домой. Всех снова направили в лагеря. Вот такая была пугающая новость.

Успокаивала себя тем, что они всё-таки не военнообязанные и в Германию их угнали насильно. Об этом сказала Лизе.

– Но, Митя же... Ему нельзя было возвращаться домой вместе с нами.

Бросив быстрый взгляд на подругу, Лиза замолчала.

- Не поняла, причём здесь Митя?
- Прости, но это не моя тайна, заливаясь краской, ответила Лиза, я пообещала никому не говорить, даже тебе, Риточка.

Сделав равнодушное лицо, Маргарита ответила:

– Тайна – она и есть тайна, чтоб её хранить. Храни, Лиз, а мне нужно ботинки в починку отнести. Дед Марк обещал набойки поставить.

«А ты, подружка, сама мне всё расскажешь. Во-первых, совесть замучает, а во-вторых, обида, что меня ваши с Митькой тайны не интересуют. Вот так-то».

Оставив Лизу в палатке, Маргарита направилась к пожилому белорусу-сапожнику Марку Ильичу, который за небольшую плату занимался мелким ремонтом обуви. Маргарита платить не собиралась: она иногда помогала делать дратву¹, натирая нитки восковой свечой.

Расчёт оказался правильным. Задетая равнодушием подруги к её тайне, Лиза смогла вытерпеть ровно столько времени, сколько отсутствовала Маргарита.

- Риточка, прости. Митя неправду сказал, что его в армию не взяли. Его отряд в окружение попал под Сумами. Чтобы не попасть в плен, они разделились на группы. Митя с товарищем добрались до окраины города и попросились в дом. Добрые люди переодели их в гражданскую одежду. Они хотели к партизанам уйти, но попали в облаву. Его товарищ смог скрыться, а Митю увезли, как и нас.
- Понятно. Теперь он считается пропавшим без вести. Если вернётся с нами, могут расстрелять как дезертира.
- Да, Риточка, ему обязательно нужно повоевать. Ты же никому не скажешь?
  - Главное, Лиз, чтобы сама больше никому не сказала.

Время шло. Никто не отправлял их на родину. По лагерю ходили разные слухи. Одни говорили, что американцы увезут всех в Америку. Другие – что всё-таки в Мурманск, а там распределят по сибир-

ским лагерям лес валить. Или вообще по тюрьмам. Неизвестность была страшнее всего. И вот появилась надежда, что всё это только слухи, что родина встретит их по-доброму.

Из рук в руки люди передавали листовку, сброшенную самолётом над лагерем репатриантов. Читали вслух обращение советского правительства и наизусть заучивали слова: «...Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины».

– Всё, Лиз, не волнуйся, скоро отправят нас домой. Надеюсь, не в Мурманск. Главное, не поддаваться на агитацию. А то некоторые уже собираются в Америку.

* * *

До мая 1945 года союзники передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, привозя их на кораблях в советские морские порты – Мурманск, Одесса и другие.

После капитуляции Германии встал вопрос о передаче репатриантов через линию соприкосновения советских и союзных войск в Германии и Австрии. Так, 23 мая 1945 года была переправлена первая партия репатриантов.

Из воспоминаний «остовки» из Белоруссии

«...В лагере началась райская жизнь, которой мы не видели ни прежде, ни после. Мы были хорошо обеспечены всем необходимым. Кормили очень хорошо. Можно было в любое время пойти на кухню и попросить чего хочется – масла, сахара, молока, сметаны, печенья. Там никогда ни в чём не отказывали. Добавки можно было просить и в зале. Кормили вдоволь хорошей и разнообразной пищей. Там только птичьего молока не было. Мы ничего не делали. В лагере постоянно играла музыка. По вечерам организовывали танцы. Часто показывали кинофильмы. Хорошо было поставлено медицинское обслуживание. Нас приглашали поехать в другие страны и часто говорили: куда хотите, туда и езжайте. Так мы прожили в лагере до июля 1945 года, пока нас передали военным властям Советского Союза. Прежде, когда можно было выехать в другие страны, на это осмелились немногие. Буквально единицы. В основном те, которые вышли замуж за иностранцев или выходцев из СССР из числа пособников немецко-фашистских оккупантов. Подавляющее большин-

¹ Дратва – прочная просмоленная или навощённая нитка для шитья обуви.

ство стремилось скорее вернуться в родные деревни и города – к родным и близким.

Из американского лагеря передали нас русским, они перевезли всех выходцев из СССР в отдельный лагерь в советской зоне оккупации Германии. Не знаю, в каком городе был лагерь, но помню, что там были тысячи людей. Их начали распределять и расселять по областям, из которых они были угнаны в Германию».

Глава двенадцатая

Домой через Средиземное

- Риточка, ты как в воду глядела! Завтра нас заберёт американский корабль! Он поплывёт в Одессу, но...
  - Какое ещё «но»?
  - ...Корабль заберёт не всех желающих, а только часть.
- «Только часть! Мы с Лизкой должны обязательно попасть на корабль!»

Маргарита и Лиза с большим чемоданом, вмещающим все их вещи, прибежали в порт ещё вечером. Они были далеко не первыми из желающих попасть на корабль. Огромная толпа у причала ждала, когда подадут трап и начнётся посадка. Репатриантов, жаждущих вернуться домой, оказалось больше, чем предполагалось. Теперь уже здесь образовался лагерь, который всё пополнялся и пополнялся вновь прибывающими людьми. Боясь упустить момент посадки, никто не уходил с занятых мест. Устроившись на чемоданах или узлах, перекусывали на ходу. Те, у кого съестные припасы отсутствовали, смотрели голодными глазами на жующих счастливчиков.

Припасённые Лизой продукты быстро были съедены. У Маргариты звенело в кармане несколько франков. Можно было купить хлеба, но уходить с набережной она боялась. Наконец, решилась. Посадила Лизу на чемодан, приказала ни под каким предлогом никуда не уходить.

– Жди на этом месте. Пока народ притих, попробую раздобыть хлеба и воды.

Вернувшись через полчаса с хлебом и фляжкой, наполненной водой, Маргарита опешила: чемодан стоял на месте, а Лиза исчезла. Спрашивать что-нибудь у людей, находившихся рядом, было бесполезно. Половину дня Маргарита потратила на поиски затерявшейся в толпе подруги. Чемодан, конечно, носила с собой, изредка присаживаясь на него отдохнуть. Ноги гудели от усталости. Хотелось и есть, и пить. Отломив кусочек хлеба, запила водой.

«Где же ты делась, Лизка? Как же я без тебя уплыву? Что я твоему папе скажу, если спросит? Дурочка, – ругнула он себя, – какому папе? Иди, ищи подругу! – Спрятав остатки хлеба, Маргарита встала на чемодан и, приложив руку ко лбу козырьком, посмотрела по сторонам. И вдруг увидела... женщину в синем платье! – Синее платье? Совсем как в моём сне! Но это не Лизка: у неё нет такого платья». Движимая непонятной силой, Маргарита, взяв чемодан, стала пробираться в направлении женщины. Поднявшись на цыпочки, увидела синий цвет совсем рядом, но пройти туда было невозможно: люди стояли стеной.

- Да пустите же меня! Взмолилась она во весь голос, люди вы или кто?
  - Мы люди, а ты, Ритуля, что воешь, как волчица? Послышался знакомый голос.
  - Дядя Марк! Лизка моя потерялась! Помогите!
- Ну, лезь, если получится, Марк Ильич с трудом посторонился и протолкнул её вперед. Кажись, вон твоя подружка!
  - Лиза!
  - Риточка! Я жду здесь, как ты сказала.

В это момент подали трап. Толпа ринулась, сметая всё и всех на своём пути. Маргарита с Лизой, поддавшись всеобщей панике, влекомые потоком людей, вступили на трап. «Главное – не упасть. Упадём – затопчут сразу. Безумцы... Все – безумцы... И я, и Лизка – мы тоже безумцы...»

Они попали на корабль. Если бы Лиза не пошла за женщиной в синем платье, они остались бы в чужой стране.

Вот только на вопрос, кто была женщина, позвавшая Лизу с собой, ответа не было. Вернее, был, но очень странный. Маргарита не стала озвучивать его.

Дальше всё было как в хорошем фильме. Улыбающиеся лица капитана и остальных членов команды. Чистая постель, сытная еда.

Правда говорили на незнакомом языке, но это было не главное. Главное – они плыли на Родину.

Из Марселя через Средиземное море, через Мраморное море и Босфор американский корабль должен был доставить репатриантов в Одессу.

Но в пути получилась неожиданная задержка. В акватории Адриатического моря продолжались бои. Капитан высадил пассажиров в порту $Tapahto^1$.

Началось долгое тревожное ожидание. В огромном палаточном лагере, где разместились сошедшие с корабля репатрианты, находились люди разных национальностей. Поначалу трудно было понять, на каком языке разговаривают вокруг. Постепенно Маргарита и Лиза стали разбираться, кто откуда и по какой причине здесь оказался.

– Лиз, представляешь, вон те ребята никакие не англичане. Это им английскую форму выдали здесь. Они вообще с Кавказа. Воевали в Италии, толком не могу понять, за кого или против кого, а потом оказались в плену. Союзники теперь их тоже домой отправляют. Говорят, раньше их в СССР через Египет перевозили. А теперь – через Дарданеллы и Чёрное море прямиком в Одессу. Тоже ждут, пока немцы какие-то там острова освободят.

Пока шли бои в море, в лагере развлекались, как могли. Даже устроили самодеятельный театр. Танцевали, пели, веселились. Англичане снабжали лагерь едой, одеждой, палатками.

Хотя было и сытно, и весело, все с надеждой слушали военные сводки.

* * *

В Адриатическом море в ноябре 1944 года немцы оставили острова у южного побережья Далмации², отошли на острова залива Кварнеро³, где оборонялись до апреля 1945 года.

Последние бои на Средиземноморском театре военных действий имели место у берегов Северной Италии. В них участвовали последние из уцелевших легких кораблей германского флота. Весной

1945 года боевые действия на Средиземном море после долгой агонии окончательно прекратились.

* * *

Наконец пришла долгожданная весть: их заберёт английский корабль. На радостях устроили праздник.

Русские репатрианты корабль с названием «Арава» встретили криками «Ура!»

Кто-то пошутил: «Арава» вместит всю нашу ораву.

– Лиз, не знаю, как насчёт всей оравы, но нам с тобой на корабль нужно обязательно попасть. Смотри, не теряйся, как в Марселе. А то я здесь никого в синем платье не видела.

Двадцать второго марта большинство обитателей лагеря поднялись на борт английского судна «Арава». За репатриантами и остальными наблюдали капитан судна и человек, одетый в форму советского офицера.

- Риточка, он смотрит на нас, и мне уже страшно!
- Лиз, прекрати. Этого офицера, наверное, прислали специально, чтобы нас в другую страну не доставили.

Позже они узнали, что человек в военной форме – майор из советской репатриационной комиссии. Майор в разговоры ни с кем не вступал. Зато капитан судна прекрасно говорил по-русски и отвечал на интересующие каждого вопросы. Он понимал волнение людей, возвращающихся на Родину. Как мог, старался всех успокоить.

Маргарита, послушав, о чём спрашивают капитана, сделала неожиданный для себя вывод: если человек заранее знает, что ответ будет в его пользу, то задаёт вопрос. Своими соображениями поделилась с подругой.

– Вот так-то, Лизка: если виноват – плыви и жди наказания.

И Маргарита, и Лиза, и остальные возвращающиеся на Родину люди опасались за своё будущее.

Плавание на этот раз продолжалось недолго.

2 апреля 1945 года

Английское судно «Арава» прибыло в Одесский порт. Канонерская лодка¹ проводила «Араву» в гавань. Радостное волнение охва-

¹ Таранто – город-порт на юге Италии, расположен на берегу Ионического моря.

² Далмация – историческая область на побережье Адриатического моря.

³ Кварнеро – залив в северной части Адриатического моря.

¹ Канонерская лодка – боевой маневренный корабль с мощным вооружением.

тило скопившихся на палубе людей. В едином порыве стали кричать: «Здравствуй, Родина!»

- Мы вернулись, Риточка, мы вернулись! Кончились наши мучения! пританцовывала Лиза. И хорошо, что мы не первого апреля вернулись, а второго!
  - А если первого, так что?
  - Да никто не поверил бы, что мы от немцев сбежали!
  - «Что-то здесь не так. Русский корабль возвращается обратно, а мы?»
- Лиз, похоже, и нам, и всем остальным никому никто не поверит. Так что ещё рано танцевать.

Два дня никто не интересовался ни судном, ни находящимися на нём людьми. Радость сменилась тревогой. Теперь уже не только бывшие пленные, но и остальные, поражённые такой встречей, встревожились. Смех и шутки смолкли. Ждали самого плохого.

Только на третий день началась высадка. У сходящих на родной берег людей, так долго ждавших этого момента, не было улыбок на лицах. Те, кто чувствовал свою вину, шли понуро. Маргарита не спускала с Лизы глаз, переживая, как бы их не разлучили в последний момент. Всё тот же майор сверял по списку имя каждого. Своё имя Маргарита назвала негромко, но чётко. Замедлила шаг, оглянулась на капитана и помахала ему рукой.

«Зачем я это сделала? Да просто так. Почему бы не попрощаться с хорошим человеком».

Её жест не остался без внимания майора. Против фамилии дерзкой девушки появился вопросительный знак.

На набережной всех построили, ещё раз пересчитали и увели.

В тот же день всех прибывших из Таранто в Одессу поместили в лагерь за городом. Там, выстроив перед бараками, зачитали распоряжение советского правительства.

* * ·

Всем репатриантам пришлось пройти через сито советских проверочно-фильтрационных лагерей, где они допрашивались сотрудниками НКВД и СМЕРШ (СМЕРШ – «Смерть шпионам» – Главное управление контрразведки).

На каждого остарбайтера, попавшего в лагерь НКВД, в 1945 году заводилось фильтрационное дело. Многие старались в показаниях

НКВД, представить свою работу в Германии как незначительную. Тогда от этого зависела дальнейшая судьба и даже жизнь остарбайтера. Но даже после развала СССР большинство бывших остарбайтеров отказывались говорить о своем пребывании в Германии.

* *

«Всё ясно, как божий день, сказала бы бабушка Глафира. Этого и нужно было ожидать. Теперь нас будут проверять, а если заподозрят, то сошлют или расстреляют. – Маргарита вспомнила слова обращения, написанные в листовке: «Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на родину...» – Как сыны Родины! Да разве с такими лицами встречают сыновей? Все, от майора до охранника, смотрят на нас, как на прокажённых. Зачем тогда звали домой? Чтобы наказать? Нас и так судьба наказала».

Маргарита с тоской смотрела в синее небо с медленно плывущими белыми облаками и думала, что хорошо было бы уплыть обратно на «Араве». Пусть не в Таранто, не в Марсель, но подальше от страны, где тебя заведомо считают предателем и изменником. «Нужно просто взять и сбежать отсюда!»

В лагере их распределили по баракам.

- Как будто в Зинген вернулись, да, Лиз? Что молчишь? Что-то ты вялая какая-то. И лицо бледное. Что-то болит?
- Нет, подташнивает немного. Наверное, укачало меня, пока по морям плавали, поёживаясь, ответила Лиза, не беспокойся, со мной всё хорошо.

Она быстро отвела взгляд в сторону, что не осталось без внимания Маргариты.

– Лиза! Неужели ты? – с подозрением посмотрев на подругу, она воскликнула, – Лизка, ты сошла с ума! Пять месяцев! Постой, или больше?

Лиза, виновато опустив голову, прошептала:

– Пять. Риточка, ты не волнуйся. Мы с Митей любим друг друга. Он обязательно найдёт меня.

«Ну Лизка! Тихоня! Митя её найдёт, видите ли. Да пока Митя найдёт, ребёнку лет десять будет. Если только он искать собирается. – Стараясь унять гнев, бушующий внутри, Маргарита уложила Лизу в постель, укрыла одеялом. – И одеяло здесь ничуть не лучше, чем в Зингене: такое же тонкое и колючее. Да причём здесь одеяло? Что теперь будет?»

В этот день общих построений больше не было. Был зачитан список дежурных по лагерю. Маргарите выпало дежурить в столовой, и она вернулась в барак поздно.

Лиза спала, укрывшись с головой. «Бедненькая, замёрзла, – укрыв Лизу ещё и своим одеялом, потрогала лоб, – Горячий! Простудилась Лизка. Ничего, простуду можно вылечить, а вот остальное!». Упав на свою постель, Маргарита забылась тяжёлым сном. Проснулась рано утром, но Лизы в бараке уже не было. Сначала она подумала, что Лизе понадобилось в уборную. Подождала, потом спросила у соседки, не видела ли она её подругу.

- В больницу увезли. Сказали, похоже на тиф.
- Какой тиф? Как увезли? Ей нельзя болеть!
- Какой тиф я не знаю, но подругу твою увезли.

«Если тиф, пропала Лиза. И мы пропали. Объявят карантин и никого не выпустят».

Карантин в лагере не объявили, но часовой запретил Маргарите выходить за ворота. В этот же день всех стали вызывать на допросы. Дошла очередь и до Маргариты.

Глава тринадцатая

Одесса. Неожиданная встреча

...Меня допросили в НКВД, выдали справку, которую я не сохранила, и отпустили. Доехала до Белополья, а потом пешком дошла до хутора, где проживала моя семья. Все: мама, обе сестры и брат – выжили. Только Алёша так и не нашёлся. В феврале 1946 года мать умерла от голода. Брат Никита уехал работать на Донбасс шахтёром. Определив младшую сестру в детский дом, мы вместе со средней сестрой подались на заработки. Денег на билеты не было, ехали на крыше вагона. По-

пали в Брянскую область. Там я проживала до 1993 года. После смерти сына и мужа живу в Ростовской области у дочери.

Как и предполагала Маргарита, им никто не верил.

Когда её вызвали второй раз, она специально надела любимое платье в клеточку. То самое, сшитое в Швейцарии по картинке из модного журнала. Волосы уложила в причёску, скрепив перламутровым гребешком. Остатками розовой помады немного подкрасила губы.

Независимый вид девушки, побывавшей в Германии, работавшей на врага, пусть даже и насильно угнанной, привёл в ярость капитана НКВД.

– Значит, вы устроили побег? И как вам удалось бежать, если, по твоим рассказам, вокруг была колючая проволока, часовые на вышках и везде овчарки?

Маргарита уже подписала протокол допроса и ничего нового добавить не могла. «Кривляка в форме», – так она мысленно назвала офицера, ведущего допрос. Стараясь не глядеть ему в глаза, пожала плечами.

– A может, ты согласилась работать на немцев и тебя отпустили шпионить?

Допрос, как и в прошлый раз, принимал издевательский характер.

«За кем шпионить? За такими, как ты?»

– Твои подруги уже признались во всём. И мы отпустили их на свободу.

«Кто ты такой, чтобы после таких мытарств нашей свободой распоряжаться! – Хотелось крикнуть Маргарите. – Разве для этого мы на Родину вернулись?»

Хотелось крикнуть, но она понимала, что от решения «кривляки в форме» зависит её дальнейшая судьба.

В кабинете было накурено и душно. От голода у Маргариты кружилась голова. От голода, потому что вчера вечером она опоздала на скудный ужин. Хотела отпроситься, чтобы найти больницу, в которую увезли Лизу. «Лизка, наверное, тоже голодная. Кто её в больнице кормить будет? И вообще, лечат там таких, как мы?»

- Что молчишь?

- Душно, товарищ... командир.
- Товарищ?

Красные толстые щёки офицера ещё больше побагровели, губы затряслись, пока он подыскивал слова оскорбления.

– Здесь тебе нет товарищей, запомни! Душно? А может, ты – того? – обежав стол, он ткнул пальцем в живот Маргарите, – немца родить собираешься?

Оскорбление её не тронуло, а взгляд машинально отметил каёмку грязи под давно не стриженным ногтем капитана. Брезгливая гримаса могла стоить Маргарите нескольких лет заключения, а то и жизни, если бы в это время в кабинет не вошёл коренастый мужчина в военной форме. Приблизился к столу, наклонился над протоколом допроса. Потом медленно поднял голову и ...

И улыбнулся уголками тонких губ. Его левый глаз при этом дёрнулся несколько раз¹.

Внутри Маргариты всё оборвалось: мужчина был не просто ей знаком, это был... Фёдор Утюжников.

«Утюг! Как он попал сюда? Полицай! Староста! – Маргарита закусила губу от ярости. Сжала кулаки. – Его нужно арестовать и судить! – Благоразумие быстро взяло верх над эмоциями. – Я же сама на допросе! Кто мне поверит? Ладно, помолчу пока».

Время, проведённое в неволе, сказалось на её характере. Она помнила тот день, когда поклялась убить Утюжникова, и не собиралась отступать, но сейчас нельзя было упускать такой шанс. «Вот кто поможет узнать о Лизе!»

Маргарита разжала кулаки и улыбнулась в ответ.

Фёдор тоже не поверил своим глазам: перед ним стояла Маргарита Шумова!

За время, прошедшее со дня её отъезда из Степановки, она повзрослела и изменилась: аккуратно собранные в модную причёску волосы, платье, облегающее фигуру, на губах немного помады. Не изменились только глаза. Серые глаза с искорками остались прежними.

Сотрудник, ведущий допрос, вернулся к столу.

– Что-то не так, Николай Петрович?

Хоть и спросил он тихо, Маргарита всё же услышала заданный вопрос.

«Николай Петрович? Фёдор превратился в Николая! Теперь, если он будет приставать, можно пригрозить. – Недоумение быстро сменилось сомнением. – А может, прямо сейчас сказать, кто он такой?»

В кабинете повисла тишина. По-своему расценив молчание Маргариты, первым нарушил её Фёдор.

- Нет, товарищ капитан, показалось. Девушка похожа на медсестру из госпиталя.
- Невозможно. Эту, так сказать, девушку и ей подобных доставили в Одессу союзники. Она утверждает, что из Германии бежала в Швейцарию, оттуда во Францию, а уж потом прибыла к нам в Одессу.

По тону, с каким сотрудник НКВД говорил о ней и остальных, Маргарита поняла, что так просто её домой не отпустят.

Фёдор вернулся к столу, что-то написал на листке бумаги и показал капитану.

Двусмысленная улыбка, кивок головы, и...

.... И Маргарита идёт следом за своим врагом по коридору.

О том, что её ждет в другом кабинете, она старается не думать.

По подсчётам Фёдора, он не видел Маргариту Шумову два года и четыре месяца. Грязные мысли закрадывались в голову каждый раз, когда он думал о Маргарите. Понимая, что желающие обидеть девушку, да ещё такую привлекательную, найдутся всегда, он стонал от злости и не мог простить себя за опрометчивый поступок. Не пригрози Фёдор расправой над её семьей, Маргарита смогла бы спрятаться тогда, в сорок втором.

Известно всем: сделанного не вернуть. Последствия совершённых неблаговидных поступков могут преследовать человека всю жизнь, заставляя испытывать муки раскаяния.

По мнению Маргариты, это утверждение не могло относиться к Фёдору, потому что она не приписывала бывшему старосте ни одного положительного человеческого качества.

В её глазах он был изменником и убийцей.

Именно такой приговор прочитал Фёдор в глазах Маргариты.

– Ну что, вернулась? Давай, убивай меня, полицая проклятого.

Маргарита сдержалась. Нет, не оружие в кобуре Фёдора остановило её. Она могла воспользоваться своим, «тайным».

¹ Нервный тик глаза – непроизвольное сокращение (подергивание) мелких мимических мышц вокруг глаза.

«Если он превратился в Николая, значит, у него есть документы. Ни за месяц, ни за два невозможно стать просто так офицером НКВД. А если он всё время был советским разведчиком и работал в тылу, передавая важные сведения?»

- Может, объяснишь, как ты сюда попал?
- Обойдёшься, резко ответил Фёдор, давая понять, что шутить не намерен, ты в Степановку собираешься возвращаться?

«Глаз задергался. Нервничает? Неужели он думает, что я останусь с ним? – Вызывающе вздёрнув подбородок, Маргарита хотела сказать, что ни под каким видом не останется в Одессе, но слова не успели сорваться с её губ. – Не спеши, Марго, так сказала бы бабушка Глафира. Кажется, ему нужно что-то другое».

- Нет, пока не собираюсь. Поживу в Одессе, поработаю. Не могу же я с пустыми руками к своим вернуться.
- Придётся тебе уехать немедленно. Получишь документы и продукты. Я помогу сесть на поезд.

«Он меня отпускает? Так просто? – Маргарита ждала чего угодно, но такое предложение предвидеть не могла. Удивление, смешанное с радостью, отразилось на её лице, – что-то здесь не так, ему что-то нужно взамен?»

– Жду продолжения.

Продолжение оказалось не менее странным.

- Поедешь к моей матери и передашь ей письмо.
- «Соглашайся, что ты медлишь? А как же Лиза? А вот теперь Фёдор вообще ничего не должен знать о Лизе. Потому что он не Фёдор, а Николай Петрович, и боится разоблачения. Меня отпускает я нужна как почтальон, а Лизу уничтожит сразу, чтоб не выдала».
- Да, забыл спросить, кто-нибудь из Степановки, Заряновки или Барановского был вместе с тобой на судне?
- Никто, стараясь не выдать охватившее её волнение, ответила Маргарита, их ещё в Ульме распределили в другие города. Что с ними не знаю.

Начало лета сорок пятого порадовало Варвару. Не прошло и месяца после победы над фашистской Германией, как домой вернулась старшая дочь – её надежда и опора.

Бедственное положение семьи привело Маргариту в ужас: больная мать, голодная, исхудавшая, в обветшалой одежде младшая сестра Женька.

– Теперь я могу умереть спокойно, ты позаботишься о брате, о сёстрах, – заплакала Варвара, обнимая Маргариту, – Никита наконец сможет уехать работать на Донбасс. Он сейчас на заработках. Должен вернуться вечером. А Татьяна детишек нянчит в Степановке. Добрые люди кормят за это. Кое–когда и нам хлебца приносит.

Ничего не расспрашивая, Маргарита открыла крышку большого коричневого чемодана. Мать, увидев консервы, соль, сахар, сухари, ойкнула и тут же прикрыла рот ладонью.

– Мам, не бойся, я ничего не украла. Продукты нам выдали, – соврала она, не моргнув глазом, – но часть нужно будет передать другой семье.

Не семье, а Прасковье Утюжниковой предназначалась часть продуктов из чемодана. Такая была договорённость между Маргаритой и Фёдором.

- Как же так, мамочка? Степановку освободили ещё в сорок третьем, а жить лучше не стали?
- Почему не стали? Вот, почта заработала. Правда приходят одни похоронки. Никиту на работу взяли. Дети в школу ходят. Наши нет, не ходят. Далеко и одеть нечего.

«Нашим и одеть нечего, и есть нечего. Что же делать?»

Вечером вернулись Никита и Татьяна. Радость от встречи с возвратившейся сестрой усилилась при виде продуктов. Маргарита хотела наварить супа с консервами.

- Что ты, доченька. Сейчас запах ветром разнесёт по хутору и неизвестно, кто к нам в гости явится. Такое уже было, когда зимой сорок третьего Никита конину мороженую принёс. Расскажи, сынок.
- Да рассказывать особо нечего. Недалеко от Металивки взрывом лошадь убило. Видать, ночью бомба упала. Я утром пошёл топлива для печки раздобыть, глядь, а она лежит. Тронул уже мёрзлая. За топором сбегал и мяса нарубил. Так несколько раз бегал и рубил. Немного в хату занёс, чтобы сварить, а остальное спрятал в сугроб.
  - И хорошо, сынок, что спрятал.
- Да, Рит, как стали мы мясо варить, так по хутору духан пошёл. Короче, отнял у нас какой-то мужик всё, что в хате было. Мы потом

остальное из сугроба понемногу доставали и солили, чтобы не пропало. Надолго хватило.

- Боимся мы, доченька, недобрых людей. Никакой защиты нет. Как же ты жила в неметчине?
- Мам, потом расскажу. Давайте сейчас хоть воду вскипятим да тушёнку кипятком зальём и сухарей добавим.

Так и сделали. Получилось что-то вроде мясного супа с сухарями.

- Царская еда, Никита, съев свою порцию, вылизал миску, всю жизнь бы так ел. Хорошо, что ты вернулась, Ритка, теперь я смогу уехать на Донбасс и устроиться работать на шахте. Из села уже многие туда уехали.
- Подожди, брат, я хоть работу какую-либо найду. Может, в ближнем селе, а может, в дальнем. Ты ж знаешь, шить умею, а все обносились за войну. И ещё на соседний хутор надо сбегать. Узнать, жив ли дед Иван.

Но сначала мне нужно найти Прасковью Утюжникову. У меня к ней дело.

– Если ты, Ритка, мстить собралась, то не трогай её, – предупредил Никита.

Такого заступничества Маргарита не ожидала.

- Вот как! И почему же её трогать нельзя?
- Рит, ты не представляешь, как она помогала нам, когда мамка зимой слегла! поддержала брата Татьяна.
- Да, доченька, слегла я этой зимой. Думала, не встану уже. Просто ужас. Хутор снегом занесло, печь не топлена, Женечка голодная. Танюша в Степановке детей чужих нянчит за кусок хлеба. Бегает туда по морозу в дырявых валенках. Никита в мастерских колхозных от зари до зари работает. Откуда Прасковья прознала про нашу беду не сказала. Только пришла она в самый мороз. Принесла муки, картошки, сала. Сломала один топчан, печку растопила. А на следующий день Никита вернулся, буханку хлеба принёс и дрова. С горем пополам до весны дотянули.
  - А давно вы Прасковью видели?

Маргарита заметила, как переглянулась мать с Никитой. «Что-то они скрывают! Ничего, проговорится кто-нибудь».

– Наведывается часто и каждый раз еду какую-либо приносит. Да вот, на той неделе муки и сушёных ягод нам дала.

С того времени, как не стало мужа, Прасковья жила вдвоём с Фёдором, а теперь осталась совсем одна. Жизнь, наполненная заботой о сыне, опустела, как и дом без него. Ни подруг, ни родни у Прасковьи не было. Она уже подумывала, не навестить ли в Заряновке Анфису Мельникову. Но, вспомнив, каким взглядом одарила её прежняя нянька при случайной встрече возле церкви, передумала.

Когда Степановку освободили от немцев и восстановилась советская власть, к таким, как Прасковья, односельчане стали относиться с презрением. Ни с ней, ни с родственниками бывших полицаев никто не хотел знаться. Умудрённая жизненным опытом, она не осуждала соседей, решив, что на всё воля Божья. В душе радовалась, что её сын в зверствах и казнях замешан не был.

Оккупированные территории оставили немцы, но не голод. Весной сорок пятого кто-то смог посеять или посадить что-нибудь на своих огородах, но большая часть не смогла: не было семян, не было картошки на посадку. Всё, что можно было съесть, давно съели. Большинство огородов заросли бурьяном. По сёлам и хуторам ходили, побираясь, женщины, старики, дети.

Прасковья, встретив на улице девочку-нищенку, возраст которой невозможно было определить из-за сильной худобы, сжалилась и позвала к себе в дом, чтобы покормить. Голодному ребёнку всё равно, кто даст кусок хлеба – мать героя или мать изменника Родины. Жадно и торопливо глотала девочка суп вприкуску с чёрным хлебом. Прасковье захотелось оставить её у себя, но, когда узнала, как девочку зовут и где она живёт, горестно покачала головой. Завернув в тряпицу немного сала и хлеба, уложила свёрток в котомку и попросила передать матери, что скоро придёт их навестить.

Маргарита ничего не понимала. «Как враги могли подружиться? Кто объяснит? Или мать чего-то недоговаривает, или Прасковья получила указание от Фёдора. Какое? Помогать или следить?»

Ещё в Одессе во время разговора с Фёдором ей стало понятно: Прасковья знает, что сын живёт под чужим именем.

- Не собираюсь я мстить. Она не виновата. Я должна продукты Прасковье передать.
- Для неё? Откуда для неё продукты? Тоже выдали? подозрительно глядя на сестру, спросил Никита, её вроде никуда не угоняли.

– Лучше не спрашивайте. Всё равно не скажу. Да не обижайся, брат. Не могу – значит, не могу. А тебе спасибо, что дожили вы до моего возвращения. И прости, что меня не было рядом.

«И за то, что не могу рассказать тебе правду, братишка, тоже прости».

Обидно, но не могла рассказать Маргарита ни матери, ни брату о своей договорённости с Фёдором. А договорённость эта заключалась в следующем: Маргарита передаёт его матери письмо и продукты. Адрес на всякий случай нужно было выучить, мало ли, что может случиться с письмом. Со своей стороны, Фёдор даёт справку, по которой Маргарита должна получить в районном центре паспорт. Кроме того, он обещает уничтожить протокол и все сведения о том, что Маргарита работала на вражеском предприятии, принося таким образом вред Советскому государству.

На следующий день встали рано. Никита, намереваясь уехать на Донбасс, хотел провести день дома, чтобы собраться в дорогу. Маргарита попросила его починить петли на входной двери.

– Да смотри, Никит, чтоб Женька не объелась, а то заворот кишок случится.

На опыте Маргарита знала, как опасно давать голодающему сразу много еды.

- Часть отнесу Прасковье, как обещала, пересчитав банки, отложила несколько в сторону. Добавила к ним сахар, соль, спички и сухари. Сложила в латаную-перелатанную котомку¹. Пожалуй, хватит для неё по одной банке каждой консервы. «Тем более, что скоро уедет в Одессу, к сыночку».
- Остальное надо сховать², забеспокоилась Варвара, мало ли, кто в хату зайдёт, пока вас нет. Унесут и всё тут.

Спустили чемодан в подпол и придвинули на крышку топчан.

- Всё, Никит, пойду я.
- Рит, ты того..., засмущался Никита, отводя глаза в сторону, раз котомку берёшь, надень чего попроще, а то смешно как-то. Да и здесь никто таких платьев не носит.

Маргарита прекрасно поняла, чего опасается брат. Как ни хотелось ей пройтись по селу в нарядном шёлковом платье, она прислушалась к словам брата. Порывшись в узле со старыми вещами, нашла юбку и вязаную, местами дырявую кружевную шаль. Надев юбку прямо на платье и прикрыв плечи шалью, она покрутилась перед братом.

- Ну? Так можно?
- Можно, только дырки зашей.

Маргарита попросила сестру проводить её до Степановки и показать дом Утюжниковых.

– Я же Прасковью никогда не видела. А то зайду не в ту хату и все консервы чужим людям отдам.

Хоть и скрыла Маргарита под заштопанной шалью и старой юбкой красивое платье, настроение у неё не испортилось.

Она была молодой и свободной, а впереди её непременно ждало прекрасное будущее. Насчёт прекрасного будущего она решила для себя ещё тогда, проползая под колючей проволокой, отделявшей её от свободы.

Вот она, свобода, гуляй – не хочу. Значит, и всё прекрасное не за горами.

Фёдор остался в Одессе. Договор он побоится нарушить, потому что Маргарита тоже может на него написать донос. И свидетелей найдёт. Может, но не станет. Боится за мать, сестёр, брата.

Взвалив котомку на плечо и ещё раз наказав Никите не давать Женьке сухарей до её возвращения, взяла сестру Татьяну за руку.

– Пойдём напрямую, через поле. Заодно, может, щавеля насобираем и ещё чего найдём.

От хутора Металивки до села Степановки напрямую было не больше трёх километров. Поле местами было вспахано и пришлось идти по заросшей травой меже.

- Погляди-ка, сколько щавеля, я же говорила! Рви, потом разделим на всех. Женьке как раз витамины нужны.
- Расскажи, сестрёнка, что тут у вас ещё происходило, пока меня не было? Спросила Маргарита, выглядывая в траве про-

¹ Котомка – заплечный мешок на лямках из грубой холщовой ткани, известный атрибут нищих.

² Сховать – спрятать, – разговорное.

долговатые листья щавеля, стараясь не пропустить ни один, – быстро немцы драпали, когда наши в село пришли? Полицаев всех выловили?

- Вокруг так грохотало! Мы в погребе спрятались и не высовывались. Про полицаев не знаю ничего. Может, выловили. А тётя Проша ещё раньше попросила мамку спрятать у нас раненого солдатика. Ой, я забыла... Татьяна замолчала, прикрыв ладошкой рот, мне ж про то говорить нельзя.
  - «Говорить нельзя, что раненого солдата прятали?»
- Это когда в селе немцы были? уточнила Маргарита, удивляясь, что о таком героическом поступке ей не рассказали ни мать, ни брат, Наверное, немцам нельзя было говорить?
  - Ага, и немцам, и вообще никому.
  - «Нужно Никитку поспрашивать, кого они прятали».
  - И куда солдатик делся?
  - Когда наши в село пришли, Никитка командиру и сообщил.
- Сообщил, ну и ладно. Скажи лучше, ты ничего не слышала про деда Ивана? Ну, у которого Лизка жила на хуторе?
- Так дедов хутор разнесло в щепки! А его самого тётка Проня в своей хате приютила.
  - Вот так новости! Как же он жив остался?
- Так деда Ивана полицаи в сараюшке заперли, потому что он их зверюгами назвал, когда у него на хуторе рыскали, искали еду всякую. Они его в самый раз перед стрельбой арестовали.
  - Значит, повезло деду Ивану.
- «Жаль Лизкину скрипку. Огорчится Лизка. Ничего, разживётся ^{1} новой. Была б сама цела».
  - Кажись, пришли. Теперь до конца села топать.

Маргарита, когда добиралась из Одессы в Белополье, видела много разрушенных городов и сёл. Сейчас послевоенная Степанов-ка представляла собой такое же удручающее зрелище.

Вдоль дороги местами виднелись уцелевшие полуразваленные хаты, а между ними торчали заплетённые побегами вьюнков остовы печей. Их чернеющие печурки и устья напоминали глаза и рты. Ни заборов, ни плетней вокруг домов не было. За время войны сожгли всё, что можно было сжечь.

Поравнялись с почти уцелевшим домом. Калитка, сплетённая из ивовых прутьев и висевшая когда-то на ремённых петлях, лежала разрубленная возле тропинки. Рядом – дырявая крынка. Маргарита поздоровалась со стариком, сидящем на завалинке.

Старик, запахнув плотнее телогрейку с торчащей из многочисленных дыр грязной ватой, кивнул в ответ и проводил их безразличным взглядом.

Поздоровалась она и с женщиной, наклонившейся к грядке в огороде. Оторвавшись от работы, та выпрямилась, держась за поясницу, и ответила на приветствие.

– Ой, здорові будете! – поправив платок, сползший с головы и закрывающей ей пол-лица, спросила: – Шукаете кого? А, це ти, Тетянка! Знову до Сидоровим за малими наглядати? Це шо, сестра твоя повернулася? – Доброжелательные ноты куда-то подевались, и появились ехидные: – А шо в такому рванні? Мабуть, німцям погано догодила?

Маргарита не говорила на украинском, но смысл сказанного поняла. Сжав кулаки, промолчала. «Жалко, послушалась Никитку и напялила старую юбку. Ничего, в следующий раз оденусь получше».

– Рит, не обращай внимания, а? Она ж злюка ещё та!

Женщина проводила их взглядом. Проследив, возле чьей хаты они остановились, запричитала на всю улицу:

– Гляньте, люди добрі! Гляньте, з ким дружбу німецька шпигунка водить! З такою ж німецькою породою, як сама!⁴

Маргарита, не поворачиваясь, вытянула назад свободную руку и показала кукиш.

– Айда быстрей, Танюха!

Потянув сестру за руку, она побежала мимо окон в сторону крыльца. Отметила мимоходом, что деревянных ступеней нет, а вместо них насыпана и утрамбована земля.

Услышав крики на улице, Прасковья выглянула в окно. Татьяну она узнала сразу и подумала, что она привела девушку в длинной цветастой юбке на постой.

- ¹ Ой, здоровы будете!, укр.
- ² А, это ты, Татьянка! Снова к Сидоровым за малыми приглядывать? Это что, сестра твоя вернулась? укр.
  - ³ А что в таком рванье? Видать, немцам плохо угодила?, укр.
- ⁴ Гляньте, люди добрые! Гляньте, с кем дружбу немецкая шпионка водит! С таким же немецким отродьем, как сама!, укр.

¹ Разживётся – раздобудет, прим. автора

– Вот, тётя Проша, старшая сестра моя вернулась!

Приход Маргариты застал Прасковью врасплох. Неожиданную гостью она встретила настороженно: помнила, какую роль сыграл Фёдор в её судьбе в ноябре сорок второго.

– Рада видеть тебя, Маргарита, живой и... здоровой. Проходи, коль пришла.

Маргарита, бросив быстрый взгляд на мать своего врага, отвернулась. «Мне-то какая радость? Моё дело – передать продукты и письмо».

У неё не зародилось тёплое чувство к Прасковье даже после рассказов домашних о её помощи. Маргарита пришла выполнить свою часть сделки, только и всего.

- Что за крик?
- Правда, Рит. Слышь, как орёт? Татьяна приоткрыла дверь, выглянула, не уходит, а тебе ещё возвращаться. Эта тётка может и камнями забросать.
  - Чем же вы насолили¹ соседке, что она так раскричалась?
- Лично я ничем. Это она мне о прошлом напомнила, с вызовом ответила Маргарита.
- Не бойтесь, провожу огородами, пообещала Прасковья, опускаясь на лавку, застеленную домотканой дорожкой. Вздохнув, показала на свободное место рядом, садись, в ногах правды нет.

Маргарита поставила котомку у ног Прасковьи, раскрыла, чтобы были видны банки.

– Это вам передали. И письмо – тоже вам.

Не обращая внимания на видневшиеся консервные банки, Прасковья выхватила письмо из рук Маргариты.

– Танюха, иди поглянь, что возле хаты делается, – Маргарите хотелось остаться с матерью Фёдора наедине и кое-что выяснить. – Если всё спокойно, беги на работу, а то из-за меня останешься без куска хлеба.

Прасковья, сжимая двумя руками тетрадный листок, беззвучно шевелила губами. По тому, как водила она глазами только из стороны в сторону, не опуская их вниз, Маргарита поняла, что письма как такового нет. «Наверное, там только адрес. Интересно, спросит она о Фёдоре или нет?»

Прасковья не спросила. Уронив письмо и закрыв лицо ладонями, она заплакала навзрыд.

Маргарита не стала её успокаивать. Сказала только, что с Фёдором всё в порядке.

- Он хорошо устроился и ждёт вас, Прасковья...
- Алексеевна.

Заглянула Татьяна. Кивком головы Маргарита показала, чтобы та пока не заходила.

Рыдания понемногу стихли.

– Прасковья Алексеевна, а вы знаете, что у вашего сына другое имя?

Прасковья утерла слёзы передником и тихо ответила:

- Знаю, только мой сын этого парня не убивал. Если он тебе не рассказал, как всё случилось, то я тоже не стану.
- Дело ваше, Прасковья Алексеевна. Только у настоящего Николая Петровича, наверное, тоже есть мать. Может быть, у него есть жена и дети?

Прасковья пожала плечами.

– Ничего не могу сказать, – не оправдываясь, повторила она, – Федя сказал, сам разберётся.

В дверь постучала и сразу заглянула Татьяна.

- Заходи, Тань, мы поговорили.
- Тётка возле своей хаты стоит, а рядом с ней ещё два деда. Боязно мне!
  - Пойдёмте, выведу вас огородами, как обещала.

Маргарита могла за себя постоять и выходить не боялась. Пожалела сестру.

– Ладно, не хочется скандала, пойдём огородами.

Прасковья вывела их через дверь, выходившую во внутренний двор. Вокруг её двора и огорода тоже не было никакого ограждения, но глиняные стены соседских сараев послужили надёжным прикрытием.

Татьяна, выбежав на улицу, помчалась к Сидоровым в няньки. Маргарита не спешила уходить.

– Мне за паспортом надо ехать в Белополье. Если хотите, помогу вам сесть на поезд. А то время, сами знаете, какое. Никакой документ не спасёт, если ограбить захотят. Когда вы хотите ехать?

¹ Насолить – сделать неприятность, досадить, разговорное.

– Завтра, – решительно ответила Прасковья. – А ты приходи вечером. Лучше с братом. Заберёшь что-либо из вещей. Вам они пригодятся.

На это и рассчитывала Маргарита, предлагая помощь. «Повезёт, так и продуктами разживусь!»

Прасковья, собираясь в дорогу, взяла только необходимые вещи. Всё остальное предложила Маргарите забрать для своей семьи. Так у Шумовых появились новые подушки, тёплое одеяло, пара почти новых валенок. Прасковья отдала разную одежду и даже швейную машинку. Кое-что из одежды можно было носить сразу, а что-то надо было перешить. Имея швейную машинку, Маргарита могла теперь зарабатывать шитьём.

Из продуктов Прасковья оставила, по её словам, всё, что было: немного солёного сала, муку, соль и даже сахар.

Маргарита не задавала лишних вопросов. «И дураку понятно, откуда в голодное время у матери бывшего старосты взялись такие запасы».

Как и обещала, она проводила Прасковью Утюжникову на вокзал. Заодно узнала, до какой станции был куплен билет.

Глава четырнадцатая

Голод

Февраль 1946 год

Утопая в снегу, Маргарита несла через двор охапку собранных сухих стеблей подсолнечника. Неожиданно наступившая оттепель не радовала. Это в детстве хотелось лепить снежных баб и строить крепости, забрасывая «белых» снежками. Тогда не огорчали ни мокрые ноги, ни озябшие пальцы. Дома можно было согреться: поесть только что сваренного бабушкой борща, а потом забраться на горячую лежанку. Сейчас оголодавшей семье и мёрзлая картошка была бы в радость, да не было и картошки.

Все заказы по переделке одежды были выполнены. Если кому-то и требовалась портниха, то всё равно не звали: нечем было платить за работу.

Продукты закончились у всех. Надежда, что Никита устроится работать на шахте и будет помогать семье, рухнула: его не отпустили из колхоза. Нужно было готовить технику к весенним работам, и он с утра до позднего вечера работал в мастерских.

Сложив стебли «домиком», Маргарита подула на угли. «Видела бы меня сейчас фрау Келлер или фройляйн Луиза. Удивились бы и спросили: «Магдоt, wie kann ich in einem solchen Haus Leben?»¹ Сейчас, наверное, Келлеры уже позавтракали. Интересно, что ели? Макароны с маслом и сыром? Или гренки жарили? Нет, об этом лучше не думать. Ничего, придёт время, всякой еды будет вдосталь. Будем и макароны с сыром есть, и гренки, и булочки. Вот бы фрау удивилась, узнав, что картофельные очистки – это пир. Удивилась бы, узнав про нашу затируху². А про то, что гнилую картошку в поле по осени собирали и ели печёную, вообще ей лучше не знать. Про салаты из щавеля и одуванчиков – можно. – Маргарита, вздохнув, подбросила в огонь последний стебель. – Быстрей бы уж весна. Суслики из норок вылезут, крапива и зелень всякая появится. А там, глядишь, всё наладится. Не век же нам голодными жить».

Печка, сохранившаяся за годы войны, давала тепло. К тому же можно было вскипятить воду. Нет, не для того, чтобы сварить суп или борщ и не для того, чтобы заварить чай. В кипятке можно было размочить сухие корки и покормить больную мать. Женька и Танюшка могли их грызть, как и сама Маргарита. Варвара, на глазах детей терявшая от голода последние силы, размоченные сухари глотала с трудом. Ноги и тело распухли от голода. В последнее дни она уже не вставала.

В хате, хоть и не топленой, было теплее, чем на ледяном ветру, гуляющем между остатками строений. Добывать топливо становилось всё труднее. Маргарита нет-нет да и вспоминала о разрушенном хуторе деда Ивана. «Там точно должен быть всякий хлам. Вот только засветло идти надо. Может, и едой разживусь в погребке. Лизкин дед – запасливый старик».

Наказав младшей сестрёнке приглядывать за матерью и никому не открывать дверь, Маргарита взяла завёрнутый в мешковину топор и ушла.

¹ Белые – белогвардейцы.

¹ Марго, как можно жить в таком доме?, нем.

² Затируха – кисель из муки.

Хотела сократить дорогу и пойти напрямую, но занесённое снегом поле испугало. «Если начнётся метель, поминай как звали, – боялась она не за себя, а за мать и сестёр. – Пропаду, мои одни не выживут. Ладно, пойду через Степановку».

Проходя мимо дома, где раньше жили Механины, вспомнила Анну.

Анна вернулась домой недавно. Вместе с другими освобождёнными подневольными работниками их отправили на родину по железной дороге. Она призналась, что везли их в переполненных вагонах и допрашивали в НКВД. Выдали справку, с которой Анна вернулась в Степановку, к матери и бабушке.

Маргарита, узнав о приезде подруги, сразу пошла её навещать. Застала в слезах. Причина была всё та же: оскорбления односельчан. На вопрос Анны: «Разве таким мы представляли возвращение домой?» – ничего не ответила.

Через месяц Маргарита узнала, что семья Механиных уехала к родственникам на Урал. В их дом переселились соседи. Для «подруги Риты» Анна оставила записку с адресом. Обещала написать сама. В конце была приписка: «Если что, приезжай к нам».

«Если что? Нет уж. Если что – уеду на край света, – грустно подумала Маргарита, взглянув на окна дома, в котором жила другая семья. – Вот и уехала Анюта. Будет теперь вспоминать, как хорошо ей жилось до войны. До войны, наверное, всем хорошо жилось и летом, и зимой. На Рождество любому гостю были рады: и чарку наливали, и угощали. Весной сады цвели вокруг хат. А сейчас ни садов, ни хат почти не осталось, только печки в сугробах. – Маргарита оглянулась на хутор, чтобы убедиться, что у них топится печь. Из трубы шёл дымок. – Молодец Женька, научилась огонь поддерживать. Это хорошо, а то мороз всё крепчает».

Пробираясь по бездорожью к хутору, где жил старик, приютивший когда-то Лизу с матерью, Маргарита испытала волнение. Увидев развалины дома, занесённые снегом, остановилась как вкопанная. «Ну и как ты, Риточка, собираешься топливо добывать?» – как будто услышала она голос Лизы. Услышала её смех, звенящий, как колокольчик. Так радостно смеялась подруга, когда они, измученные морским путешествием, увидели берег родины.

– Лизка, ты же меня знаешь: когда захочу, всё смогу!

Первым делом Маргарита пробралась к сараю. Отдирая примёрзшую к косяку дверь, она поскользнулась и упала навзничь, когда та неожиданно распахнулась. «Не хватало только ногу или руку сломать, – отряхнув полушубок от снега, перешагнула через порог и остановилась. В нос ударил запах нечистот, – фу, как в телячьем вагоне! Интересно, если здесь никто не живёт, откуда такая... Ого! Дров целая поленница! И никто не позарился? Странно».

- Нету... Ничего здеся нету, как будто из-под земли послышался старческий голос.
- Дед Ваня, живой? Ты где прячешься? Не бойся, это я Лизина подруга! крикнула в темноту Маргарита и тут увидела открытый лаз в подпол.

«Ничего себе, дедок! Землянку вырыл! Как бы не стрельнул из ружья!»

– Дед Ваня! Это я! Не стреляй!

Вспомнив, что старику нравилось её пение, запела частушку. Замолчала, прислушалась.

– Ходи сюды, девонька, не боись.

Маргарита спустилась вниз. Её глаза уже успели привыкнуть к темноте, и она сразу увидела старика, лежащего на топчане. Тусклое пламя свечи, заколебавшееся от движения воздуха, освещало пространство землянки. «А что, жить можно: стол, табуретка, буржуйка¹»

- Дедуля, ты почему не топишь свою печку? Дрова у тебя есть, сама видела. Не выходишь, что ли?
- Дак ходить невмоготу старый я. Вот лежу, милая. Сам не знаю зачем: али силы берегу, али помирать готовлюсь.
  - Понятно, дед, сейчас помогу.

Первым делом Маргарита вынесла помойное ведро, стоявшее у кровати старика.

- Дай-ка я тебя, дед, укрою зипуном ^{2} да хату твою проветрю. А то задохнуться можно.

Откинув настежь дощатую дверь, Маргарита направилась к дровам «Надо же, никто не стырил³! С чего бы это такая честность? «Achtung–Minen!». Откуда здесь эта табличка? Это ещё что за новости?

¹ Буржу́йка – металлическая печь для обогрева помещений.

² Зипун – старинная крестьянская одежда. Здесь Маргарита называет зипуном старое пальто.

³ Тырить – красть, жаргонное слово,

Испугалась, но охапку дров прихватила и бегом обратно.

- Дед, у тебя что, дрова заминированы?
- Та ни, слабенько хихикнул старик, нацепил, чтоб не зарился никто

«Сообразительный дед, надо взять на вооружение. Глядишь, и пригодится когда-либо».

Маргарита разожгла огонь. Нашла в фанерном ящике под топчаном несколько картофелин и быстро поставила чугунок с водой на огонь.

- Дед Ваня, я смотрю, ты от голода не пухнешь. Видать, запасы твои не закончились ещё? Лиза говорила, что ты запасливый.
  - Есть кой-чего ищо, залезь под топчан¹ да доску подыми².
- Подниму, обрадовалась Маргарита, а ты чего здесь, а не у тётки Прони в Степановке?
- Так Проня померла намедни, а меня её внуки турнули оттедова. Иди говорят, дед, помирать тебе пора. Дак мне и правда уже под девяносто. Вот лежу, смертного часу жду.
- Дед Ваня, а как же Лизина скрипка? Она вернётся, кто ей скрипку отдаст?

Услышав о Лизе, старик тяжко протяжно вздохнул.

- Простит меня внучка, что не дождался. Вот ты пришла и радость великая. Видать, закроешь мне очи да похоронишь по-людски, а не как собаку. И помянуть помянешь: консерва ищо есть в подполе. Там мы с Лизком струмент и сховали.
- Дед Ваня, ты не горюй. До завтра доживи. Мы с братом прибежим да тебя заберём в нашу хату. А там, глядишь, и Лизка вернётся. Кстати, она всё время о тебе вспоминала. И одежонку, что ты подарил, долго носила. А платок так с собой обратно и привезла. За консервы, конечно, спасибо огромадное. Можно я ещё дров немного возьму?

Старик закивал головой.

– Бери, милая. Прощай...

Успокаивая старика, Маргарита понимала, что жить ему осталось немного. «Сам он до нашего хутора не дойдёт. Перевезти? Точно, можно перевезти на санках!»

Теперь Маргарита точно знала: Лиза к деду Ивану не приезжала. «Но должна приехать обязательно, скрипка же здесь осталась!»

Маргарита с самого начала не верила, что подруга умерла от тифа или другой болезни. Однажды летом ей приснился сон: Лиза стоит на берегу моря, а на ней... ярко-синее платье. Лиза радуется, кружится на цыпочках в танце, а рядом стоит женщина. Меняется картинка: на женщине – синее платье, а на Лизе – военная форма. Первое, о чём подумала проснувшись – подруга жива.

Было ещё темно, когда на следующее утро Маргарита и Никита пришли за дедом Ваней. Они не застали старика в живых.

– Вот, дедушка, как ты хотел, – провела Маргарита ладонью по ещё тёплому лицу старика, – закрою твои глаза. Помянем тоже, как ты хотел – «консервой».

Кроме нескольких банок тушёнки, в подполе у деда Вани нашлась квашеная перекисшая капуста. В деревянном коробе, засыпанные солью, лежали куски пожелтевшего сала. Отдельно хранились сухари и сахар. Самой ценной находкой они посчитали мешок сушёной рыбы.

– Рит, поглянь! Можно варить суп! – обрадовался Никита, – ничо, што мелкая, зато много!

Запасов деда Ивана хватило ненадолго. Маргарита видела, как голодает младшая сестра, как угасает от болезни и голода мать, и это разрывало душу на части. «Хоть Татьянку Сидоровы покормят, и то хорошо, – раскрошив в горячей воде сухую корку хлеба, подумала Маргарита, – лишь бы с ней ничего не случилось».

Как будто нарочно, Татьяна заболела. Простудилась, возвращаясь из Степановки в непогоду. Её уговаривали остаться, но девочка торопилась отнести домой краюшку хлеба. Лекарств не было, и Маргарита лечила сестру своим тайным методом.

Варвара, наблюдая за старшей дочерью, прошептала:

– Ругала я бабушку твою, а теперь вижу – зря. Прости меня, доченька.

Укутав сестру чем только можно было, Маргарита села рядом с матерью.

– За что я должна простить тебя, мамочка?

¹ Топчан – деревянная койка.

² Подними

Голод

– Бабушка силу тебе передала. Та сказка, что она про девочку сказывала – вовсе не сказка. Прости, что запретила ей правду говорить.

Маргарита и сама уже догадалась, кто была та девочка, которую волчица кормила своим молоком. И про силу тоже догадалась. «Только какая польза от этой силы, если матери родной помочь не могу?»

Варвары не стало пятнадцатого февраля, на Сретенье¹.

В тот день Маргарита прибежала домой радостная: за работу ей дали банку сгущённого молока. Хотела развести водой, порадовать мать, но не успела.

Похоронить Варвару помог сосед – за ним сбегал Никита. Нашли на кладбище воронку от снаряда, расчистили от снега. По очереди работали ломом, придавая воронке нужную форму.

Мёрзлые комья земли падали на завёрнутое в старое покрывало тело матери. Сестры, дрожа от холода, стояли, прижавшись друг к другу. Маргарита делала нужную работу, не осознавая в тот момент, что нет больше на свете её любимой мамочки. Что никто и никогда не сможет любить её так, как мама. По щекам Маргариты текли слёзы и сразу превращались в льдинки. Подкативший к горлу ком мешал дышать.

– Рит, не плачь, малые смотрят, – Никита забрал из её рук лопату, – веди их домой. Я дальше сам управлюсь.

«Малые! Что делать дальше, как жить? Никто ничего не даёт – нечего. До весны нам не дотянуть».

* *

В послевоенное время в сельском хозяйстве сложилось крайне неблагоприятное положение: за годы войны сократились посевные площади, уменьшилось поголовье скота, не хватало техники и рабочих рук.

Весной-летом 1946 года 16 областей Украины поразила засуха. Зимние и яровые посевы погибли. Засуха обострила и проблему кормов для скота. Начался падеж скота. Было разрешено сдавать скот на убой более плановых норм. Это привело к тому, что в некоторых

областях план сдачи мяса было перевыполнен вдвое. В результате животноводство республики понесло огромные потери, компенсировать которые пришлось долго.

Руководители некоторых областей начали настойчиво обращаться к правительству с просьбой уменьшить плановые задания хлебозаготовки, которые в июле 1946 г. были увеличены с 340 до 360 млн. пудов.

Ответом на обращение о помощи стали репрессивные меры. В сельские районы выехали представители высших органов республики, областей, суда, прокуратуры. К судебной ответственности было привлечено только за первый квартал 1947 1,5 тыс. председателей колхозов. На 6 тыс. коммунистов были наложены дисциплинарные взыскания за невыполнение указаний партии.

Было восстановлено действие закона «о пяти колосках». (в 1932 году был принят чудовищный закон — в народе его прозвали "законом о пяти колосках", согласно которому виновные в сборе колосков в полях наказывались расстрелом с конфискацией всего имущества за хищение урожая, общественных запасов, скота и т. д. При смягчающих обстоятельствах «преступник» карался десятью годами лишения свободы (минимум) с конфискацией всего имущества. По этому закону осудили 55 тысяч человек. Из них к высшей мере наказания приговорили 2100 человек)

Крестьяне начали убегать от голодной смерти в более благополучные районы. В Украине начался голод, жертвами которого стали почти 1 млн человек.

Из письма-жалобы колхозников села Попелюхы Песчановского района Винницкой области Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву на невыносимые условия труда и голод (5 июня 1946г.)

Никита Сергеевич, батюшка наш, заместитель, трудно нам, оборванные мы все, голые и босы, грязные и голодные, на людей не похожи, хуже скотов живём, никогда нам так не было трудно, как в эту минуту, люди наши с голоду мрут. Дети от недоедания и болезней становятся калеками. Питаемся мы лебедой, корой...

* * *

На следующее утро Маргарита проснулась ещё затемно. Ей снился хороший сон, но с пробуждением развеялся, и вернулось ощущение незаменимой потери. Хотелось во весь голос взвыть от

¹ Сретенье – Сретение Господне – один из главных праздников церковного года. Это непереходящий праздник, в Русской Православной Церкви он отмечается 15 февраля.

горя. Глотая слёзы, она сейчас винила себя во всём: что в Германию попала из-за своей гордости, что в Одессе задержалась из-за неё же, проклятой. Винила себя даже в том, что не успела напоить мать разведённым в тёплой воде сгущённым молоком.

Молоко развели и выпили все вместе после похорон матери. Это и был поминальный «обед». Полбуханки чёрного хлеба, принесённого соседом, оставили на утро.

Голод напомнил о себе урчанием в животе. Хату за ночь выстудило, и нужно было где-то раздобыть дров. Стараясь не разбудить сестёр, потихоньку вылезла из-под ватного одеяла. Спали одетыми, поэтому время потратила только чтобы натянуть валенки. Растолкала похрапывающего во сне брата.

– Никит, просыпайся. Идём дрова искать. А не то вымерзнем, как блохи.

Над хутором стояла тишина. Не лаяли собаки, не кричали петухи, хотя было самое время будить округу своим «ку-ка-ре-ку».

– Рит, а с чего ты взяла, – Никита зачерпнул пригоршню снега и растёр до красноты лицо, – с чего, говорю, ты взяла, что блохи вымерзли? – спросил он, отплевываясь от снега, попавшего в рот, – вечно ты что-то выдумываешь: то блох замороженных, то волка с жёлтыми глазами, то...

«Если бы не тот волк, то... – вполуха слушая брата, Маргарита мысленно вернулась в Одессу, в тот другой кабинет, куда привел её Фёдор, – то не вернуться бы мне никогда в Степановку на хутор. Когда-нибудь обязательно расскажу об этом Лизке».

- ...Рит, ты меня слухаешь? Никита заглянул ей в лицо, куда за дровами пойдём?
- Знаешь, идём-ка на хутор. Может, не все обломки растащили. Глядишь, в развалинах ещё чего-либо найдём.
- Рит, Никита ещё вчера хотел сказать сестре, что он с другом решил не выходить на работу в мастерские и уехать на Донбасс. Но не нашёл подходящего момента. Тянуть дальше не имело смысла, и он задал вопрос напрямую, мы с Миколой Сидоровым решили на шахту махнуть. Ты в дорогу меня соберёшь?

Маргарита не обиделась на брата, понимая, что уезжать отсюда нужно не только Никите, но и ей с сёстрами. «Из голодной Степановки люди семьями бегут. А у нас здесь нет ни родни, ни друзей. В Белополье или Харьков ехать нельзя. Туда многие уехали из местных. Кто-нибудь выдаст. – Маргарите нужно было уехать в такое место, о существовании которого не знал бы Фёдор. – Татьянке почти четырнадцать. Уже работать может. Вот Женьке всего девять. С собой её брать нельзя. Надо бы в детский дом определить».

Задавшись целью получить для младшей сестры направление в детский дом, Маргарита поехала вместе с Никитой в Белополье. Прощаясь на вокзале с братом, заплакала.

- Рит, ну ты чего...
- Не обижайся на меня, Никитка. Пиши Сидоровым. Как сама устроюсь, напишу им свой адрес. В общем, спишемся.

«А будем живы – встретимся».

Глава пятнадцатая

Тайное становится явным

Разузнав в отделении милиции, куда можно обратиться, чтобы определить сироту в детский дом, Маргарита отправилась по указанному адресу. «Теперь главное, чтобы начальник оказался правильным. Ну, не окажется, тогда «включу волка».

Заняв очередь, приготовила паспорт. Недавно выданный документ ещё источал запах типографской краски. Открыла его, и снова мелькнула мысль, пришедшая в голову при получении паспорта: нет номера на фотографии. Печать есть, а номера нет!

«Что ты, Риточка, – сказала бы Лизка, – это же не Arbeits Karte!»

- Эх, Лизка, где же ты, Лизочек? Получила ты свой паспорт? А что ж ты за скрипкой не едешь? Смотри, выменяю на твою скрипку буханку хлеба, и не будет у тебя «струмента», не замечая, что говорит вслух, произнесла Маргарита.
  - Девочка, ты крайняя будешь к начальнику?

Очередь спрашивала пожилая женщина в длинной юбке, овчинном полушубке и тёмном платке, повязанном до бровей.

Что-то знакомое показалось Маргарите в её внешности.

- Да, тётенька. Я и есть крайняя.
- «Тётенька, кажется, из Заряновки. Ещё в сорок втором, когда с мамкой побирались, она нам немного муки и кусочек сала вынесла».
  - Тёть, вы из Заряновки будете?
- Оттуда, девочка. Вот письмо принесла начальнику. Сынок мой пропал в сорок третьем. Сообщили без вести. А как без вести, ежели про него в газете написали. Вот, читай сама, девочка.

Маргарита быстро сообразила, что добираться обратно ей придётся не одной. «Может, и салом разживусь, – подумала и тут же устыдилась своей мысли, – у неё сын пропал, а я только о еде думаю». Устыдиться – устыдилась, а воображаемая скворчащая сковородка со шкварками вызвала приток слюны.

Сглотнув, Маргарита взяла свёрнутую вчетверть газету и сразу забыла о голоде.

- Николай Петрович Мельников, офицер НКВД, награждён медалью ...,
  - Что замолчала? Читай дальше!
  - Николай Петрович Мельников ваш сын?
  - Да, единственный. Я Анфиса Егоровна Мельникова.

Внутри Маргариты зародилось чувство жалости, смешанное с гневом. Жалость к женщине, сына которой, скорее всего, уже нет в живых и гнев на Фёдора. И первой мыслью было: Фёдор, присвоивший себе другое имя, скорее всего, виновен в смерти настоящего владельца этого имени. «Утюг, гад, убил Николая Мельникова, чтобы выдать себя за офицера. Как наши не распознали в нём врага?»

- Что такое, девочка? Ты знакома с моим сыном?
- Что вы, Анфиса Егоровна! Не знакома, но... Но, кажется, это имя я уже слышала раньше.
- Вспомни, милая, в волнении стаскивая с головы платок, попросила Анфиса, – вспомни: где, когда?

Не могла Маргарита рассказать правду женщине, разыскивающей сына, пропавшего без вести. И половину правды не могла рассказать. «Как там говорят? Коготок увяз – пропала птичка. Если рассказывать о Фёдоре, то придётся и о себе рассказать. А зачем мне это сейчас надо?»

Подошла очередь Маргариты, отсрочив момент сложного выбора.

Переступив порог кабинета и увидев начальника – женщину, от решения которой сейчас зависела судьба её и сестер, Маргарита поняла: «волка включать» не придётся. «Здесь надо включить «сироту бездомную».

– Как вы похожи на нашу маму, – прошептала она, переступая с ноги на ногу, – простите, пожалуйста... Можно водички попить? Направление в детский дом было получено.

Анфиса Мельникова не стала заходить в кабинет. Для неё было важно получить ответ от Маргариты. Выйдя следом за ней на улицу, с надеждой в голосе спросила:

- Вспомнила, где видела... моего сынка?
- Тёть, может, я кого другого видела? Ты бы фотографию показала, что ли?
- Фотографию? Дома есть, в альбоме. Коленька присылал, когда в военном училище учился. А ты давно его видела?
  - Сначала фотография. А то скажу, да ошибусь.

Ошибки быть не могло. С фотографии на Маргариту глядел... Фёдор Утюжников!

- Водички можно?

Размотав шарф, она жадно припала к алюминиевой кружке, не обращая внимания на обжигающий губы ледяной край.

- Что скажешь, где видела?
- Скажу, Анфиса Егоровна. Это было в Одессе, когда нас с корабля привезли сначала в лагерь, а потом в НКВД. Офицер, похожий на вашего сына, шёл по коридору. Его позвали по имени отчеству. Вот и всё, что я знаю.
  - Когда, говоришь, ты была в Одессе?
- «Ишь, хитрая какая! Я не сказала, когда была. Да тайны в этом нет».
- В апреле. И держали меня там до конца мая. Что теперь делать будете? Запрос посылать?
- Сама поеду, решительно ответила Анфиса, убедиться хочу, что сын живой. А если не даёт о себе знать, то нельзя, значит. Если бы можно было, то написал письмо. Я же его одна воспитывала.
  - С мужем что случилось? Умер?

– Не знаю, сейчас, может, и умер уже. А в семнадцатом году, как Советская власть наступила, за границу сбежал. Не знаю, зачем я об этом тебе рассказываю, но отец моего Коленьки сам Григоропольский. Да, не смотри на меня так, девочка. Я тоже была молодой и красивой. Сынка вот родила от хозяина. Только отчество у него другое. Хозяина Александром величали, а у моего Коленьки отчество Петрович. Специально на дворника сказала, чтобы барыня не гневалась и не прогнала меня, как Прошу. Царствие Небесное сыну её Фёдору. Да и при нашенской власти разве позволили бы ему офицером стать?

«Она сказала Проша! Прасковья? Значит, их сыновья – братья? Понятно, почему они так похожи. Понятно, почему Утюжниковы вернулись именно в Заряновку. Кто теперь скажет, как Утюг на месте брата оказался? Только сам Утюг и скажет. Мне это нужно?»

Маргарита ушла от Анфисы Мельниковой с чувством вины. Не перед Фёдором, нет – перед Анфисой.

Дома застала плачущих сестёр. Перепугалась: вдруг кто-то обидел, пока её не было дома.

- Страшно стало, вдруг не вернёшься, продолжала всхлипывать, Татьяна, что тогда делать? С холоду и голоду помирать, как мамка?
- Всё, реветь вредно. Вам добрая тётенька передала хлеб и сахар. Завтра обещала ещё дать.

Анфиса не обманула: пришла к полудню и принесла узел с вещами.

- Внутри немного картошки, сала, сахара. Вещи вам тоже пригодятся. И ещё хочу передать тебе шкатулочку. Мне её когда-то барин подарил. Берегла, да вот чует моё сердце, не вернусь обратно.
  - Тёть Анфиса, вы что? Вернётесь обязательно.

Анфиса пристально посмотрела на Маргариту.

– Хоть и не отводишь глаз, вижу – не веришь ты в моё возвращение.

«Верю!» – хотелось крикнуть Маргарите, чтобы разубедить несчастную женщину, но она не верила. Промолчала.

– В шкатулочке – письмо. Его из-за границы сам барин передал. Написал, где драгоценности схоронил.

- Драгоценности! усмехнулась Маргарита, знаю я эти сказки, сама умею сочинять!
- Зря смеёшься. Думаешь, откуда у меня продукты? На базаре выменяла. За золотое колечко много чего дают. Я бы себе всё забрала, да барин Александр велел между сыновьями разделить.

Когда в тридцать восьмом Проша с сыном вернулись, я злая была на них. Вернее, на Прошу злая, что барин её полюбил. Не сказала ничего. Теперь вот Фёдора в живых нет, да и Проша куда-то подалась. В общем, если не вернусь, а сын мой вернётся, передай ему шкатулочку и всё расскажи. Сама понимаешь, написать не могу, вдруг письмо попадёт в недобрые руки.

Маргарита слушала и не верила ушам. «Что ж она такая доверчивая? А вдруг я полезу за кладом, как только она уедет?»

- Не достанешь ничего, пока снег не растает, как будто прочитав её мысли, грустно улыбнулась Анфиса, по сугробам не пройдёшь, в мерзлую землю лопату не воткнёшь, да и замки ржавые не откроешь.
- Можете не беспокоиться, Анфиса Егоровна, за свои драгоценности. Решили мы уехать отсюда. Нам здесь долго не протянуть с голоду помрём. Женьке место в детском доме дали. Вот соберу её и поедем. «Куда глаза глядят», продолжила мысленно Маргарита, хотя вчера на вокзале, провожая Никиту, краем уха услышала название города, где можно найти работу.
  - Страна большая. Попытаем с Татьяной счастья в другом месте
- Ты шкатулочку сбереги. Вдруг пригодится. А мне она уже ни к чему. Чувствую.

В апреле сорок шестого года Маргарита вместе с сёстрами Татьяной и Евгенией уехали с хутора Металивки. Сначала в город Глинск Сумской области, где находился детский дом.

Жене выдали синее байковое пальто, ботинки, и она стала похожа на остальных детей. Понимая, что вот-вот останется одна среди чужих людей, Женька заплакала в голос. Маргарита обняла её, пытаясь успокоить.

– Женечка, хорошая моя, потерпи. Мы с Татьянкой устроимся и сразу заберём тебя! Посмотри, сколько здесь девочек. Здесь тебя будут кормить и учить. Тебе ж почти десять, а ты ещё и в школу не ходила. Ну, Жень? Мы будем писать тебе письма, а ты нам отвечать.

Воспитательница увела плачущую Женьку.

Определив младшую сестру, не задерживаясь, уехали на попутной машине в Сумы. Нашли вокзал, но на билет денег не было. Ухитрились, как многие другие безбилетники, залезть на крышу вагона. Ехать там было холодно и страшно, особенно когда поезд, набирая скорость, раскачивался из стороны в сторону или начинал резко тормозить. Прижимаясь друг к другу, чтобы хоть как-то согреться, терпели, сколько могли, потом спускались вниз, в тамбур. На станциях появлялась железнодорожная милиция – приходилось снова забираться на крышу и даже перепрыгивать с одного вагона на другой.

От усталости и голода хотелось спать, но ни днём, ни ночью нельзя было терять бдительность. Так ехали они почти сутки. Под утро, когда поезд долго стоял на станции, ожидая нужного сигнала семафора¹, Маргарита уснула. Проснувшись от резкой трели свистка, поняла, что выход из тамбура перекрыт милиционером. Пробежав через вагон, выскочили и спрятались за товарным составом, стоявшим на соседних путях.

– Потерпи, Танюха, сейчас отдышимся, приведём себя в порядок и узнаем, где мы оказались.

Когда всё утихло, обошли состав и чинно вышли на перрон. Сразу попались на глаза милиционеру. Не растерявшись, Маргарита спросила, как пройти к кассе.

Две девушки, вполне прилично одетые, направлявшиеся к кассе, подозрения у служителя порядка не вызвали.

- Рит, зачем нам касса? У нас же денег на билеты нет.
- Танюха, тише. Об этом никто, кроме нас с тобой, не знает.

Через несколько минут выяснилось, что именно на этой станции им и нужно было сойти.

- Тань, представляешь, нам всего-навсего тридцать километров осталось. Только поезда долго ждать, да денег нет. Может, попутка попадётся?
- Рит, вон там на лавочке старичок сидит и что-то ест. Давай у него еды попросим, a?

Маргарита оглянулась посмотреть, о ком говорит сестра, и не поверила своим глазам. «Это же Марк – сапожник! Ай да Танюшка, молодец!»

– Тань, это же мой старый знакомый! Идём скорее, поздороваемся.

Марк Ильич, узнав Маргариту, даже прослезился.

- Внучка, я уж думал, не увижу тебя. А где подружка твоя рыженькая?
- Пропала Лизка, дядя Марк, сама не знаю, где она. А ты здесь как оказался?
- Так, поезда жду в Гомель. Это же рядом совсем. А я так, у сына гостевал. Он у меня железнодорожник. Его здесь неподалёку ранило в бою. В госпитале подлечили да признали негодным к службе. Он женился на медсестричке да жить у неё остался.
  - К службе не годным признали, а к женитьбе годным оказался? Марк Ильич шутку понял, засмеялся.
- Вот то ж и я сынку сказал. Теперя у меня есть внук Василий. Что я о себе, да о себе. Это сестра твоя? Видать, голодная. Бери, девонька, сальцо с хлебушком. Пожелтело сальцо, правда, да всё одно вкусное.

«Как всё удачно получилось: с поезда нас согнали на нужной станции, дядь Марка встретили, его сын помог в поезд сесть. Теперь бы нам с Танюхой на работу устроиться да жильё найти».

Глава шестнадцатая

Новая жизнь

Город, в который так стремились попасть Маргарита и Татьяна Шумовы, встретил их радушно: и Маргариту, и Татьяну не только приняли на работу, но и дали места в общежитии.

Татьяна приписала такое везение необыкновенному умению сестры влиять на людей.

Маргарита не спорила. С паспортом на руках, в городе, где никто не знал о её прошлом, первое время она чувствовала себя легко и спокойно. Однажды летом ей показалось, что впереди неё по тротуару идёт Фёдор. Темноволосый коренастый мужчина в голубой рубашке неожиданно остановился, как будто почувствовав чей-то взгляд.

¹ Семафор – устройство для регулирования железнодорожного движения.

Растерявшись, остановилась и Маргарита. Мужчина оглянулся – это был не Фёдор.

Дневной страх обратился ночным кошмаром: Фёдор тянул к ней огромных размеров руки и просил вернуть шкатулку.

Этот часто повторяющийся сон не давал Маргарите забыть встречу в Одессе и подписанный ею документ.

О Фёдоре Утюжникове в этом городе не знал никто. Даже Зинаида – одногодка и напарница, ставшая её подругой. После того, как пропала Лиза Трофимова, Маргарита не заводила новых подруг. С Зинаидой подружилась случайно: услышав, как Маргарита напевает на немецком языке «Тум балалайку», Зинаида шепнула, что она тоже была в Германии и работала на ферме.

Напомнила, что город был оккупирован немецкими войсками с середины августа сорок первого по сентябрь сорок третьего.

Напомнила о зверствах фашистов и о том, что почти в каждой семье случилось горе. Добавила, что таких, как они, осуждают и сторонятся.

Посоветовала быть осторожнее.

* * >

... После победы мытарства остарбайтеров не прекратились – ведь на родине их считали врагами народа. Сотни, тысячи человек вынуждены были уничтожать документы, подтверждающие их пребывание в годы ВОВ на принудительных работах.

... Особенно тяжело для бывших советских подневольных работников – скрывать унизительное прошлое от своих близких: супругов, детей, внуков.

* * *

Маргарита, из боязни выдать себя, на немецком языке больше не пела. Пела на русском, и ни один концерт художественной самодеятельности не обходился без её участия.

Отработав положенное время, занимались спортом, отдыхали, веселились. Танцевали в парке на танцплощадке. За Маргаритой ухаживали многие, но никто не смог завоевать её сердце. В сорок седьмом году после демобилизации вернулся с Дальнего Востока в родной город молодой сержант. В морском кителе, с медалями на

груди, он, назло всем местным красавицам, стал ухаживать за Маргаритой и сделал ей предложение.

Принимать ухаживание – это одно, а вот согласиться выйти замуж...

«Как быть, рассказать о себе всю правду? Рассказать с самого начала, как побирались они всей семьёй, Христа ради выпрашивая хоть корку хлеба? Рассказать, как её силой угнали в Германию, и вместе с такими же рабами рейха ехала она в телячьем вагоне – голодная, грязная, вшивая? Рассказать, как проходили медкомиссию, а потом работали по двенадцать часов, ели баланду из брюквы и спали в холодных бараках? Рассказать о возвращении на родину, о допросах в НКВД, обвинении всех без разбору в пособничестве врагам? Вот такая она – правда! Так рассказывать или нет?»

Рассказала. Без подробностей. Единственное, о чём умолчала – о сделке с Фёдором. Надеялась, что тот никогда больше не появится в её жизни. Об Анфисе и Прасковье рассказывать тоже не стала, подумав, что если начнутся вопросы, то дело дойдёт и до Фёдора.

В сорок восьмом году они расписались, скромно отметив с друзьями создание молодой семьи.

Муж, член коммунистической партии, строго-настрого приказал нигде не упоминать о том, что она была за границей. Не послушав его, Маргарита рассказала о своём прошлом свекрови, в доме которой она стала жить вместе с мужем.

На что она надеялась? На то, что чужая женщина отнесётся по-матерински к сироте без роду и племени? Каково же было негодование Маргариты, когда она услышала осуждение в свой адрес. Обидное «немецкая шпионка» звучало в ушах, пока она, рыдая, бежала в дальний угол сада. Там, наплакавшись, успокоилась и решила: больше никогда никому не рассказывать о себе.

Сделав вид, что ничего не произошло, Маргарита продолжала общаться со свекровью как ни в чём не бывало. Выполняла все её поручения: стирала, убирала, работала в огороде. Улучив минутку – читала. Сначала её интересовали только газеты. В основном материал, изобличающий полицаев и старост, скрывавшихся под чужими именами. Она надеялась, что в одно прекрасное время в газете появится сообщение о старосте Фёдоре Утюжникове, скрывавшегося под именем советского офицера Николая Мельникова.

Не было такого сообщения!

В отличие от мужа, его мать пристрастия невестки к чтению не одобряла. Считала это пустым времяпровождением. Маргарита старалась не обращать внимания на брюзжание свекрови и даже стала относиться к ней с сочувствием и пониманием, узнав, что в сорок втором от осколка бомбы, упавшей рядом с домом, погиб её младший сын.

Бомбу в тот роковой день сбросил советский самолёт на немецкий склад боеприпасов, который находился в пятистах метрах от дома. Склад, устроенный в Покровской церкви, не пострадал, как и сама церковь. А вот дом был наполовину разрушен взрывной волной.

От жилой части осталась одна большая комната, в углу которой находилась русская печка с лежанкой, была и мебель.

Две кровати, старинные платяной шкаф и комод, стол и стулья – всё это принадлежало матери свекрови. Пожилая женщина была дворянского происхождения и в юные годы – фрейлиной при царском дворе.

В сорок восьмом ей исполнилось семьдесят пять лет. Отнеслась она к Маргарите по-доброму. Не отказывалась присмотреть за правнуком, а Маргарите подкладывала в тарелку лучшие куски, чтобы у неё не закончилось грудное молоко. Когда правнук подрос, читала ему детские книги и рассказывала сказки. Маргарита полюбила добрую старушку и тоже заботилась о ней, как о родной бабушке.

Свекровь после гибели мужа сошлась с бывшим фронтовиком – шофёром. Итак, в одной комнате их жило пятеро.

В апреле пятьдесят третьего сыну исполнилось четыре года, а в мае родилась дочь. Жильцов в доме прибавилось. Но лето выдалось тёплым, и можно было спать в пострадавшей от взрыва части дома. К тому времени дыры в крыше и стенах были наскоро заделаны, а на остальной ремонт не было средств.

Зарплаты мужа, работавшего бригадиром на торфянике, с трудом хватало на содержание семьи. О строительстве своего дома тогда не могло быть и речи. Летом того же года вернулась из детского дома повзрослевшая младшая сестра Маргариты – Женя. Пришлось упрашивать свекровь, чтобы разрешила прописать сестру. Жильцов и, как говорится, ртов в семье прибавилось.

Выручила сестра Елена, эвакуировавшаяся в сорок первом в Ташкент и оставшаяся там после войны. Сообщив в письме, что вы-

шла замуж и живёт вместе с мужем в большой квартире, предложила Жене приехать к ним. Маргарита не хотела отпускать сестру так далеко, но выбора не было. Снова плакала, собирая Женю в дальнюю дорогу. Со словами: «Прости, сестричка, будь счастлива! Дай Бог свидимся!» – обняла на прощание.

Порадовала Маргариту сестра Татьяна. Познакомившись с приезжим молодым человеком, проходящим практику в качестве инженера-технолога на комбинате, влюбилась. К счастью, чувство было взаимным. Расписавшись в городском ЗАГСе, они уехали в Гагры – курортный городок на берегу Чёрного моря в Абхазии, где проживали родители мужа. Вскоре у Маргариты появился племянник, затем и племянница.

Брат нашёл свою вторую половинку и женился. Он по-прежнему жил в Донбассе, работал в шахте и часто писал Маргарите письма.

... Шёл 1966 год.

Свекровь постарела. Улеглись страсти по поводу женитьбы сына на «немецкой шпионке».

Некоторые из соседок стали хорошими подругами, а у других появились новые интересы.

Резная деревянная шкатулка стояла на верхней полке этажерки, всё реже напоминая Маргарите о прошлом.

Сын заканчивал девятый класс, а дочь – пятый. Жили дружно. В семье было принято отмечать праздники – на Новый год украшали ёлку стеклянными шарами, дождиком из фольги и самодельными бумажными гирляндами. Ещё на ёлку вешали ароматные мандарины, присланные в посылке сестрой Татьяной из Абхазии. Кроме мандарин, каждый год Татьяна вкладывала в посылку вязаную красную шапочку для племянницы.

Маргарита любила шить; при любой возможности обновляла свой гардероб. Не забывала и о подрастающей дочери – частенько баловала её нарядами. Что-то шила из новой ткани, что-то выкраивала из старой одежды. У дочери всегда были красивые кофточки и юбочки.

Когда-то в далёком городе Зингене, проходя по улицам, она всматривалась в окна домов и мечтала, что у неё тоже будет и дом,

и занавесочки на окнах, и вкусная еда на столе. Мечты Маргариты сбылись: была и квартира, и занавесочки на окнах. Помня уроки фрау Анны, она заботилась о чистоте и порядке, красиво сервировала стол и пекла вкусные пироги. Не забывала, конечно, о макаронах с сыром и гренках.

Жизнь провинциального города протекала по своим правилам. Овощесушильный комбинат давал работу основной части населения города. В тёплое время года по воскресным дням в городском парке обязательно играл духовой оркестр. В парк ходили гулять семьями. Те, у кого достаток был повыше, приобретали фотоаппараты. Муж Маргариты, она сама и сын стали заядлыми фотолюбителями. Фотоаппараты «Смена» и «ФЭД-2» были куплены в рассрочку – так тогда было принято.

Часами просиживали в кухне с занавешенными окнами, при свете красного фонаря священнодействуя над ванночками с проявителем и закрепителем. Потом развешивали влажные фотографии на бельевой верёвке, прижимая деревянными прищепками. Радовались чёрно-белым снимкам. Лучшие фотографии Маргарита обязательно высылала сёстрам и брату.

Муж Маргариты получил повышение и стал начальником цеха. Сама она работала в бухгалтерии комбината. Участвовала в художественной самодеятельности – ни один торжественный концерт не обходился без её сольного номера. Принимала участие в спортивной жизни комбината – была членом ДОСААФ¹ – метко стреляла из малокалиберной винтовки. Убедила мужа взять такую же домой, чтобы была возможность тренироваться самостоятельно. Было на это разрешение свыше или нет, но «ТОЗ-8»² в доме появилась. Теперь, когда на стене висела винтовка, а в ящике тумбочки под замком лежали патроны, Маргарите казалось, что ночные страхи должны уйти прочь.

Ночные страхи – это сны, в которых Маргариту допрашивает офицер НКВД и обвиняет её снова и снова...

Сны, в которых Фёдор выводит всю её семью на расстрел, потому что она – Маргарита – немецкая шпионка...

Уехав в сорок шестом из Металивки, она думала, что Фёдор вряд ли найдёт её. Да и зачем, если свою часть обязательства она выполнила – передала письмо Прасковье. Но в пятьдесят третьем сестра, приехавшая к Маргарите из Глинска, рассказала о его появлении в детском доме.

... Мужчины в военной форме появлялись там частенько. Дети, отцы которых воевали и были живы, надеялись, что приехали именно за ними. Бежали следом и, притаившись за дверью кабинета заведующей, подслушивали.

Женька не подслушивала. Она знала: за ней никто не придёт. О том, что ею интересовался военный, передали подружки. Маргарита догадалась, кем был тот мужчина в военной форме. Мелькнула мысль: Фёдор ищет её, чтобы отомстить – ведь рассказала она Анфисе Мельниковой, что видела его в Одессе.

Прошло много лет. Ничего не происходило: Маргариту не вызывали в милицию и ни в чём не обвиняли. Не появлялся Фёдор и, казалось, исчез навсегда.

Но однажды Маргарите приснился ... волк! Сначала он стоял вдалеке, а потом стал приближаться... И вот самого зверя уже нет... Есть только его жёлтые, горящие внутренним огнём глаза... Неожиданно Маргарита поняла, что это она сама – волк.

Утром муж поинтересовался, что ей приснилось.

– Снилось, что заблудилась в лесу, – беспечно ответила Маргарита, старательно скрывая страх.

Расценив сон как предупреждение, она попросила мужа не уносить из дома винтовку.

Шла первая неделя июня. У Маргариты начался отпуск. Проводив дочь в пионерский лагерь, она занималась домашними делами, огородом. В городском кинотеатре показывали новый фильм. Муж идти в кино не захотел, у него было занятие поинтересней: в комбинатовском Красном уголке¹, где по вечерам собирались любители шахмат, начинался турнир. Маргарита договорилась пойти в кино с подругой.

После фильма, обсудив сюжет, игру артистов и поделившись впечатлениями, подруги разошлись на перекрёстке. До своей калитки

¹ ДОСААФ – добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, ДОСААФ было создано в 1951 году на базе ОСАВИАХИМ.

² TO3-8 – Малокалиберная винтовка тренировочного типа предназначена для подготовки спортсменов.

 $^{^{1}}$ Красный уголок – помещение, отведённое под нужды агитации и политического просвещения.

ей оставалось пройти несколько метров. Напевая запомнившуюся мелодию из кинофильма, Маргарита шагнула вправо, чтобы обойти лужу на тротуаре.

Из-за толстого ствола тополя вышел мужчина.

- Всё поёшь?
- Фёдор?

Тяжёлой волной прокатился по телу страх, заполняя каждую клеточку. Теряя самообладание, Маргарита прислонилась к стволу, чтобы не упасть. «Утюг проклятый, он всё-таки нашёл меня! Но зачем? Что ему нужно теперь? Прошло столько лет! Неужели из-за Анфисы?»

– Пойдём-ка отойдём подальше от твоего гнёздышка. – Фёдор грубо потянул её за локоть, – да не сопротивляйся, не буду я тебя убивать. Сейчас не буду. Стой здесь, под фонарь не заходи.

Место, которое выбрал Фёдор для разговора, было самым тёмным на улице. Хозяева дома когда-то смастерили здесь лавочку и посадили кустик сирени. За несколько лет он разросся, создав укромное место для влюблённых.

– Садись, поговорим.

Маргарита послушно опустилась на край лавочки. Мир, созданный её стараниями, мир, в котором был уют, благополучие, радость, в одно мгновение мог разрушиться. И всё из-за человека, укравшего два года её молодости и державшего в страхе много лет. «Не человека, а зверя. – Неожиданно она вспомнила недавний, так сильно напугавший её сон: волка, его глаза, свои ощущения. Вспомнив, почувствовала, как крепнут мышцы, каким лёгким становится дыхание. Почувствовала себя зверем, вышедшим на охоту. – Нет, я не просто зверь. Я – волчица. Мне нужно защитить своих детей. Нужно спасти семью».

От страха не осталось и следа.

- Я выполнила все твои указания, чётко проговорила Маргарита и добавила: передала твоей маме письмо. Разве она не приехала к тебе в Одессу?
  - Мама? Конечно, и мама приехала, и ещё кое-кто приехал.
  - Ты о ком?
- Не прикидывайся дурочкой. Гражданку Мельникову кто в НКВД направил?

Маргарита замерла. «Значит, Анфиса нашла Фёдора в Одессе!» Отпираться было бессмысленно, но она попыталась.

- Если ты об Анфисе Егоровне говоришь, то я встречалась с ней, когда приезжала в Белополье. Она сына разыскивала, а вот нашла или нет, тебе видней.
- Вот и Анфиса так сказала. И ещё сказала, что ты свою сестру в детдом определила.
  - «Значит, я не ошиблась. В детский дом приходил он!»
  - И что ты ей ответил?
  - Неважно. Важно, что сейчас ответишь мне ты, дорогая.
  - «Господи, хоть бы никто не услышал! Подумают свидание!»
  - Не тяни. Говори, что ты хочешь знать?
- Не знать, а поинтересоваться хочу: ты в Степановку не передумала ехать?

Такого поворота Маргарита не ожидала. «Кто ему мог сказать про Степановку? Кроме меня, Никитки и наших семей, об этом никто не знает!»

- Что замолчала? Отвечай быстро!

Маргариту чуть было не вскрикнула от боли, так сильно Фёдор сжал её локоть.

– Отпусти, слышишь?

Фёдор слегка ослабил хватку.

- В Степановку? Собираюсь. Нужно привести в порядок могилу матери. Памятник поставить. С братом договорились. Он тоже приедет. не дожидаясь следующего вопроса, продолжила, У меня отпуск в июне. Всё? Отпусти, говорю, не то...
- Не то, что? усмехнулся он, отпуская локоть Маргариты. Ничего ты мне не сделаешь. Ты же сейчас сидишь и боишься, как бы ревнивый муженёк не пошёл тебя искать. Так же?
  - Боюсь.

Маргарита поднялась с места, прислушалась. «Кажется, никого нет. А то, и правда, кто-нибудь мужу доложит».

- Спрашивал зачем?
- Есть у меня одно дельце в тех краях. Завтра утром я буду ждать тебя возле проходной. Обсудишь это дело вечером с мужем и скажешь точно, какого числа едешь. Понятно?
  - Понятно, Маргарита сделала шаг, чтобы уйти.

– Стой на месте, – в голосе Фёдора зазвучала угроза, – слушай дальше: не вздумай кому-нибудь рассказать обо мне. Предупреждаю сразу: появишься не одна, мои люди дадут вот этому документику ход. Читай.

Луч фонарика выхватил из темноты сфотографированный и распечатанный на фотобумаге текст. Присмотревшись, Маргарита увидела внизу свою подпись.

– Знаешь, что в нём? В нём написано, что ты работала на немецкую разведку.

«Это документ, который Фёдор заставил меня подписать. Он обещал уничтожить его, как только в Прасковья приедет в Одессу!»

- Ты же обещал!
- Обещал. Но мы не договаривались, что следом за матерью приедет эта полоумная тётка.
  - Нормальная она. Сына искать поехала.
  - «А нашла тебя».
  - Кстати, нашла тётя Анфиса своего сына?

Фёдор не стал отвечать на вопрос.

– Не отвлекайся. Поедем вместе. Вернее, в одном поезде. Завтра скажешь, на какое число взять билеты. Учти, ехать нужно через день – другой, не позже. Предупреждаю: об этом никто не должен знать. Тебе осталось собрать вещи и дать телеграмму брату. Всё, свободна.

Выбежав на дорогу, не оглядываясь, Маргарита со всех ног пустилась домой.

«Винтовка висит на стене, но что толку? У меня не поднимется рука выстрелить в человека. А если этот человек – твой враг? Если бы нападал или в дом лез, тогда другое дело». Она не спала всю ночь. Ворочалась с боку на бок. Утром на вопрос мужа: «Что случилось?» – соврала про дурной сон.

– Мама покойная снилась. Опять плакала, обижалась, холодно ей, одеяло просила.

Маргарита не сочиняла. Такой сон снился, но раньше. И муж уже слышал и про сон, и про его толкование. Поэтому, когда жена договорилась со своим братом поехать и привести в порядок могилу матери, он не возражал.

- Я, наверное, дам Никите телеграмму, что выезжаю послезавтра. Что тянуть?
- Поезжай, пока дочка в пионерском лагере. Сын парнишка сообразительный. Поработает у нас на комбинате.
- Тогда я завтра дам телеграмму Никите, чтобы выезжал. И Татьяне сообщу, может, и у неё получится приехать.

Утром Маргарита сняла с этажерки шкатулку. Повертела в руках, подумала и решила отдать её Фёдору. «Всё-таки память о родном отце. Правда, по словам Анфисы Мельниковой, отец и сын никогда друг друга не видели. Ну ничего, всё равно память».

Вечером, когда муж снова ушёл играть в шахматы, Маргарита, набросив новый тёмный плащ, ушла на встречу с давним врагом.

Фёдора она нашла на той же лавочке.

- Жаль, отцвела сирень, а то подарил бы тебе букетик.
- «Тогда бы тот дядька точно подумал, что у нас здесь свидание, повернувшись спиной к проходившему по тротуару мужчине, подумала Маргарита. Вот новый плащ и пригодился. Если кто-то и узнает меня, отговорюсь. Скажу, мало ли плащей в универмаг завезли».
  - Что задумалась? Телеграмму брату дала, спрашиваю?
- Не беспокойся, я свои обещания выполняю. Завтра можно ехать.
  - Вот и молодец. А насчёт обещания, так это последний раз.
- Последний раз? Ты же в Одессе пообещал, что уничтожишь протокол, если я твоей матери письмо отвезу. А сам?
  - Нечего было Анфисе рассказывать обо мне.
- Причем здесь ты? Она своего сына поехала искать! Откуда у тебя его документы? Как ты стал Мельниковым?

Повисло молчание. Маргарита поняла, что сказала лишнее. «Дурочка. У него протокол, и там моя подпись».

– Ладно, дело прошлое, – как можно миролюбивей сказала она, – мне всё равно, как это произошло. Вот, держи шкатулочку. Всё-таки отцовский подарок.

Фёдор взял шкатулку, повертел в руках.

– Спасибо. Иди, собирайся в дорогу. И запомни: сына Анфисы Мельниковой я не убивал.

«Конечно! И матери, наверное, так сказал. Только верится с трудом».

Глава семнадцатая

«Историки»

В дорогу Маргарита надела ситцевое платье. Чтобы переодеться в поезде, взяла кофточку и сатиновые спортивные шаровары. На Фёдоре была тенниска в полоску и светлые брюки. «Кто нас увидит, подумает, что в отпуск собрались, к Чёрному морю. И направление, кстати, то же самое».

Билеты Фёдор взял в плацкартный вагон. Занял нижнее место, объяснив соседям, что после ранения у него проблемы со здоровьем.

Маргарита, взобравшись на верхнюю полку, подумала, что место внизу он занял по другим соображениям. «Боится, что заберу вещи и сбегу. Интересно, тот документ у него в чемодане? Почитать бы ещё разок».

Улучив момент, когда поезд долго стоял на станции и соседи вышли на перрон, она попросила Фёдора показать документ ещё раз.

– Я что, похож на дурачка? Ту фотку я уничтожил, а протокол хранится у моего надёжного друга.

«Что-то он замялся насчёт надёжного друга».

– А ты думала, что я чемодан свой стерегу? Нет, дорогая, я тебя стерегу, чтоб не сбежала ночью. Да смотри, не вздумай на станции отстать от поезда. Мало не покажется.

Сбегать от Фёдора Маргарита не собиралась.

«Сбегу, что толку? Утюг, гад, передаст или перешлёт документ в милицию. Начнутся разборки. Меня арестуют. Мужа исключат из партии. Дочь не примут в комсомол. Сыну тоже не поздоровится, а ему ещё в армии служить. Зато свекровь будет кричать на всю улицу: «Я же вам говорила, что она немецкая шпионка!» – Страх рисовал самые ужасные картины будущего семьи. Маргарита решила: – Сделаю всё, чтоб мои не пострадали».

Первая пересадка была в Сумах. Фёдор, подсунув удостоверение в окошко кассы, без труда взял билеты на нужный поезд.

Поезд опаздывал. Мест в переполненном зале ожидания не было. Маргарита обвела быстрым взглядом пассажиров. «Не дай Бог встретить кого-либо из знакомых. Мужу сразу донесут». На вся-

кий случай отодвинула чемодан в сторонку. Никто из пассажиров не обращал на неё внимания. Она немного успокоилась и стала, не торопясь, разглядывать окружающих людей.

Июнь – время отпусков. В основном все ехали на юг отдыхать. Такое столпотворение на вокзалах наблюдалось каждое лето.

Чемоданы, перевязанные для страховки ремнями, сумки с продуктами.

Капризничавшие от жары и суеты маленькие дети.

Запах варёных яиц и кур, смешанный с запахом потных тел.

Маргарита вдруг вспомнила телячий вагон, подруг по несчастью – Анну Механину и Лизу Трофимову.

«Вот приеду в Степановку и как раз узнаю, появлялась Лизка или нет».

Объявили посадку на поезд. Освободившиеся в зале ожидания места быстро заняли другие люди. Фёдор предложил выйти из зала на перрон. Там они нашли место в стороне от всех и сели на свои чемоданы.

- Ненавидишь меня, с утверждающей интонацией в голосе неожиданно произнёс Фёдор, а зря. Помолчал, ожидая ответа Маргариты. Молчишь. Вот и хорошо. Тогда послушай: это твой отец виноват. Не надо было раскулачивать всех подряд. Какие мы были кулаки? Мать сирота. Отец садовником у барина горбатился. Да, повезло ему женил его барин на моей матери, чтоб грех свой прикрыть. То есть меня, ещё не рождённого, подальше отослать. Со своих барских глаз, так сказать. Вот скажи, какие мы были кулаки?
  - Не знаю, я ж маленькая была, когда эти дела творились.
- Неважно, что маленькая. Я тоже пацаном был, когда моего отца застрелили, как зверя какого. Он сбежал, чтоб нас с матерью забрать. А его... застрелили. Брат мой раньше срока родился, так и брата забрали. Мать выздоровела, а брата не вернули. Я слышал, как она каждую ночь молилась за Митеньку, а видела всего раз, когда родился.

Маргарите нечего было ни сказать, ни спросить. Она слушала исповедь Фёдора, вспоминая почему-то бабушку Глафиру. Вспоминала, как плакала она на похоронах отца, приговаривая, что дети сиротами остались.

– Твоего отца я не хотел убивать. Драку, конечно, я затеял. А ты, такая боевая, не затеяла бы?

- Не знаю, наверное, затеяла бы. И тебя пристукнула бы.
- Ну да, ты ж меня убить обещала. Интересно, слово сдержишь?
- Нет. У тебя ж, я думаю, семья. Жена, дети.
- Не твоё дело. Вставай, поезд объявили.

Больше Фёдор не откровенничал. На вопрос Маргариты, как у него получилось сменить имя и фамилию, он не ответил. Обещал, что узнает она об этом только после его смерти.

«После смерти? Интересно, сколько он прожить собирается?»

Вокзал в Белополье отличался от того, каким запомнила его Маргарита. «Вот здесь нас построили перед посадкой. Как же мы были одеты – кто во что. Вот бы удивилась Лизка, увидев меня сейчас. Я бы, наверное, тоже удивилась. Эх, Лизок! Куда же ты подевалась?»

Спрашивать у Фёдора о Лизе Трофимовой Маргарита по-прежнему боялась. Лиза могла бы подтвердить, что Фёдор – бывший староста.

Теперь Маргарита знала, что Фёдор Утюжников и Николай Мельников – братья. Дома, в потайном месте, она спрятала фотографию из альбома Анфисы. На ней запечатлён Николай Мельников в военной форме. А с обратной стороны есть дата и его собственноручная подпись. О существовании графологической экспертизы Маргарита знала, но боялась: начни она против Фёдора войну, он нанесёт удар первым.

– Давай отойдём в сторонку, вон к той лавочке. Обсудим план действий.

«Как он говорить научился! Как будто военное училище окончил он, а не брат».

Фёдор достал из портфеля красную книжечку и протянул Маргарите.

- Читай, кто я есть.
- Старший научный сотрудник музея? Ничего не поняла. Может, объяснишь?
- Что тут объяснять? По документам я доктор наук. Меня интересует поместье Григоропольских. Нужно дать заключение об исторической ценности поместья.

Маргарита мысленно восхитилась. «Надо же, как здорово придумано. Как говорится, комар носа не подточит. Он может ходить по зданию, заглядывать везде, интересоваться всем. А власти должны ему оказывать содействие. Так написано в документе».

- Знаешь, Фёдор...
- Забыла, подруга, что я Николай?
- А ты забыл, что я тебе не подруга?
- Ладно, больше не ошибайся. Что хотела?
- Знаешь, Николай, ко мне в гости обещала одна знакомая приехать. Я ей адрес оставила, а сама уехала и не сообщила. Вдруг приезжала?
  - Выясним, пообещал Фёдор, что ещё?
  - Откуда ты узнал, что я собралась ехать в Степановку?
  - Забыла, где меня встретила?
  - Понятно. Сам-то зачем туда едешь?
  - Документ прочитала?
- Ладно, не хочешь говорить не надо. Только учти, через день приедет мой брат с Донбасса, и мы будем заниматься своим делом.
- Учту. Только и ты учти: два дня будем жить вместе. Думаю, в сельсовете помогут с жильём.
- Постой, мы так не договаривались! Я найду, у кого переночевать.
- Не кипятись. Я же не сказал, что спать будем вместе. У меня для этого дела есть жена.

«Жена? Это хорошая новость».

- Спасибо, успокоил. Может, скажешь, для чего я понадобилась?
- Что ты заладила? Как я могу один приехать? Вдруг узнает кто-либо? А так историки, приехали в командировку. Прошло двадцать с лишним лет. Фамилия у тебя другая. Даже если кто узнает, ничего страшного. Короче, вот тебе очки, и надень на свои кудри косынку. И я немного преображусь.

Через несколько минут из привокзального сквера степенно вышла пара: мужчина в светлом льняном костюме, на лацкане которого были прикреплены орденские планки; женщина в косынке и роговых очках. В мужчине никто бы не узнал отпускника, только что сошедшего с поезда. По его виду можно было сказать, что он или партийный работник, или учёный. А женщина – его помощница.

«Гад, планки нацепил. Откуда у него ордена? Люди кровь проливали, а он... Замаскировался, гад. Волосы зализал, налепил бородку,

усы и, конечно, очки. Вот только глаз дёргается. Хотя за очками не так заметно».

Фёдор предложил пообедать в ресторане. Проходя мимо зеркала, Маргарита увидела своё отражение и чуть не рассмеялась. «Как наша библиотекарша».

– Хватит любоваться, пошли.

Изучив меню, сделали заказ. Как обычно водилось в ресторанах, официанта с заказом долго не было. «Пока дело дойдёт до еды, я могу захлебнуться собственной слюной».

Запахи борща, котлет, селёдки и всего остального, что было в ресторанном меню, казалось, пропитали собой всё: мебель, стоящую в зале, шёлковые шторы на окнах, официантов, снующих по залу.

- Потерпи, сейчас всё принесут.
- Надеюсь, скоро экзекуция закончится.
- Учёная. Словечки всякие знаешь. Это хорошо. Это нам пригодится.

«Учёная? Тебе бы такую учёбу!»

От Белополья до Заряновки ходили автобусы. Председатель сельского совета обрадовался приезду историков. Как и предполагал Фёдор, лично взялся организовывать быт работникам культуры. Вопрос с жильём решился быстро: оказалось, в селе имелось общежитие для работников, командированных из других районов. Уборка зерновых ещё не началась, и в общежитии были свободные места.

У Маргариты, что называется, камень с души упал. Жить в одном доме с Фёдором не хотелось. Хотя и была она сейчас за тысячи километров от дома, всё равно опасалась: вдруг узнает муж. Как это может произойти, было непонятно, но на душе всё-таки неспокойно.

Комната, от которой дали ключ Маргарите, была рассчитана на четырёх человек. На каждой из кроватей поперёк зелёного байкового одеяла белела простынь, свёрнутая узкой полосой. В изголовье «ухом» вверх стояла подушка, на белой наволочке которой виднелся синий прямоугольный штамп. «Чемоданов под койками нет, на тумбочках ничего не лежит, а в тумбочках..., – Маргарита открыла каждую по очереди, – пусто. Значит, можно занять любую койку». Выбрала ту, что поближе к окну, и не раздеваясь, прилегла.

Фёдор вошёл без стука.

- Через пятнадцать минут жду тебя во дворе.

По дороге к бывшей усадьбе Григоропольских новоиспечённый «историк» объяснил, чем они будут заниматься.

– Мне папа наследство оставил, – делая ударение на последнем слоге, сообщил он, – правда, на двоих с братом. Брату не повезло, а мне деньги сейчас очень как нужны. Учти, с тобой делиться не буду. Протокол верну, как обещал.

Позже Маргарита старалась забыть, сколько страху натерпелась в ту ночь, пока Фёдор открывал ржавый замок на двери, ведущей в подвал. Именно так можно было попасть в склеп, заваленный снаружи каменной глыбой.

Про подвал они узнали случайно от сторожа школы, находящейся в бывшем хозяйском доме.

Получив три рубля на бутылку водки и отоварившись в сельпо, он пригласил «симпатичную дивчину» с профессором к себе в подсобку.

Маргарита ещё раз услышала историю о проклятии старой барыни, которая утаскивала в склеп каждого, кто осмеливался отодвинуть в сторону тяжёлый камень. Эту историю несколько раз по просьбе подруг рассказывала Анна Механина.

– Дак не надобно и камень отваливать, – описывая проделки привидения, хихикнул подвыпивший сторож, – вона, подвал рядом! Ключ от замка тока у меня имеется. Охота нервишки пощекотать, дак за два восемьсет семь¹, пожалте, ключик!

Рассказчик, не допив стакан, уронил руку на стол. Стакан стукнулся донышком, и из него выплеснулся остаток водки. Со словами: «Кончился потенциал», – сторож завалился на топчан. Через минуту раздался заливистый храп.

Фёдор, прихватив со стола бутылку с подсолнечным маслом, приказал Маргарите взять лом и лопату, стоящие в углу подсобки.

– Чтобы по сто раз не возвращаться.

Кроме лома и лопаты, Маргарита стащила висевшую на верёвке простыню. «Пригодится для чего-нибудь».

¹ Два рубля восемьдесят семь копеек стоила пол литровая бутылка водки в те годы.

Дверь на смазанных маслом петлях отворилась почти бесшумно. Из глубины подвала потянуло холодом и сыростью. Освещая ступени фонариком, Фёдор стал спускаться первым. Оглянувшись на Маргариту, махнул рукой.

– Иди следом. Да не вздумай треснуть меня ломом по голове. Если я не вернусь, твои документы сама знаешь, где окажутся.

«Надо же, боится. А у меня, дурочки, даже мысли не было пристукнуть его».

Как и сказал сторож, будучи ещё трезвым, за железной бочкой была небольшая дверца. Зачем между склепом и подвалом был сделан соединяющий их проход, узнать сейчас было невозможно. Маргариту в настоящий момент это не интересовало. Лезть через узкую дверь в жуткое место да ещё сдвигать надгробную плиту, пусть даже при помощи тайного механизма, ей не хотелось. К её радости, Фёдор отрывисто скомандовал:

– Жди здесь. Закричу – лезь на помощь, ясно?

«Уж куда ясней!»

Маргарита кивнула головой, но Фёдор, развернувший луч света в сторону двери, кивка не заметил.

Потоптавшись, чтобы согреться, прислушалась. «Шорох в углу? Мыши? Да тут, кажется, грызть нечего. Одни камни. Обычно в подвалах продукты хранят. Продукты! Дверцу сделали, чтобы хранить в склепе продукты! Правильно, кто сунется к старой барыне в гости? Ой, зря я о ней вспомнила! – Маргарита зашептала слова молитвы, прося у Ангела Хранителя защиты. – Господи, да где же делся Фёдор? Неужели трудно на пружину нажать! Кстати, откуда он узнал о пружине? Анфиса сказала. Точно. Только она знала о тайнике».

Мысленно перескакивая с одной темы на другую, Маргарита одновременно пыталась представить, что происходит в склепе. Воображение рисовало жуткие картины. От холода и страха её зубы сами собой начали выбивать дробь. Вспомнив о простыне, набросила белое полотно на плечи. Решив проверить, всё ли в порядке у Фёдора, открыла дверцу и протиснулась в склеп.

– Рита, очнись! Очнись, говорю! Слышишь меня? «Ну что он так больно орёт! Голова... Что со мной...» Приоткрыв глаза, Маргарита увидела лицо Фёдора.

- Что надо?

– Живая! – чертыхнулся он. – Угораздило ж тебя вылезти из дыры в белой тряпке!

Маргарита вспомнила, как, проникнув в склеп, увидела лицо Фёдора и, не успев спросить, почему он так долго возится, получила сильный толчок в плечо. Не устояв на ногах, упала, ударившись головой о каменную плиту. Потеряла сознание. Расскажи такую историю кто-нибудь другой, она повеселилась бы от души.

- Учти, головой ты сама стукнулась.
- Ага, и на черенок лопаты сама наткнулась, дотрагиваясь до головы, поморщилась от боли Маргарита, у меня, кажется, волосы в крови.
  - Пошли к старику. Найдём, чем перевязать.

Сторож продолжал храпеть на все лады.

– Дай гляну, что за рана.

Маргарита, морщась от боли, стянула косынку, пропитанную кровью.

- Считай, тебе повезло. Немного левее и неизвестно, осталась бы живой или...
- Или осталась бы в склепе по соседству с барыней, вставила свою версию Маргарита, тебе только на руку. Клад вытащил и восвояси вернулся.
- Клад вытащил, успокойся. А сейчас помолчи, а то старика разбудишь.
  - Надо кровь остановить.
  - Прижми пальцем и держи.

Оторвав от той же простыни полоску, Фёдор замотал её вокруг головы Маргариты. Оторвал ещё кусок – побольше, свернул по диагонали.

Завяжи вместо платка.

В клубе как раз закончился сеанс, и позднее возвращение приезжих историков не вызвало подозрения у вахтёра, сидящего у входа в общежитие. Отдав ключи, он пробормотал что-то насчёт молодёжи и командировочных, которые «туда же».

Проводив Маргариту до комнаты, Фёдор предупредил:

– Если станет совсем плохо, стучи. Буду искать доктора.

Глава восемнадцатая

Встреча с прошлым

Председатель сельсовета выделил учёным историкам полуторку¹. Маргарита заняла место в кабине рядом с водителем. Голова по-прежнему болела. Даже туго повязанная косынка не помогала.

Водитель оказался любителем поговорить. Для начала рассказал историю о привидении старой барыни, бродившем по ночам в парке вокруг склепа. Маргарита, потрогав голову, вежливо засмеялась. Потом рассказал, как после войны разминировали поле. Потом начал задавать вопросы по истории, и «младшему научному сотруднику» пришлось туго. Познания Маргариты ограничивались школьным курсом.

На развилке трёх дорог повернули на Степановку и поехали по той, что заросла травой, к хутору. Перестав разговаривать с водителем, Маргарита напряжённо вглядывалась в переднее стекло.

«Нет ни одной целой хаты! Печки разобраны по кирпичикам! А наша хата? На месте! Может, живёт в ней кто?»

– Сюда вам, что ли? На кой ляд вам эта хата? На памятник старины, кажись, не похожа.

«На кой ляд? Сейчас узнаем».

Фёдор спрыгнул с кузова и помог Маргарите выйти из кабины. Придержав за руку, предупредил с угрозой в голосе:

– Молчи и не вздумай заплакать. Слушай и поддакивай.

Как тут не заплакать, увидев дом, в котором умерла от голода родная мать...

Проглотив ком, подступивший к горлу, Маргарита отвернулась, вытирая тайком от водителя слёзы. Молоточками застучала в затылке боль. Слабость, внезапно возникшая во всём теле, вынудила прислониться к стене.

- Видать, вас укачало. Такие вот нашенские дороги. Все городские непривычные.
  - Укачало, конечно. Сейчас пройдёт. Можно я первая в хату зайду?
  - Конечно, дамочка, идите.
  - ¹ Грузовой автомобиль, грузоподъёмностью 1,5 тонны.

«Плохо? Да мне с сорок второго плохо, – смывая под рукомойником кровь с волос, Маргарита подумала, что теперь Фёдор уедет, а она займётся своими делами, – Он же достал своё наследство. Что ему в Заряновке делать?»

Маргарита ошиблась: Фёдор уезжать пока не собирался.

Утром, убедившись в нормальном состоянии «младшего научного сотрудника», протянул плитку шоколада и сообщил, что договорился с председателем сельсовета насчёт транспорта.

- Сегодня отлежись. Завтра утром нам обещали грузовик. Поедем в Металивку.
- Металивку? растерянно переспросила Маргарита, зачем в Металивку?
  - Ты хотела найти могилу матери. Вот я и помогу.

Закрыв за Фёдором дверь, Маргарита призадумалась. Невозможно было поверить в искреннюю помощь бывшего старосты, который шантажом заставил её пойти на обман. «Не дай Бог муж узнает, из-за чего я очертя голову уехала из дома, никогда меня не простит. Никакие объяснения не спасут. Никакие оправдания не помогут! И зачем Фёдору понадобилось на хутор? Ладно, выбора нет. Раз уж он такой добрый, пусть поможет. Всё меньше работы будет, когда Никитка приедет».

Маргарита приводила в порядок одежду, очищая от грязи юбку, застирывала кровь на блузке, а сама думала, как тайком от Фёдора узнать, не приезжала ли подруга за скрипкой.

Тогда, в сорок шестом, перед отъездом из хутора Маргарита отнесла скрипку дальней родственнице Анны Механиной – тёте Мусе, проживающей в Заряновке. Именно через тётю подруги договаривались держать связь.

«Фёдор ничего не знает о Лизе. Он ни разу не спросил о ней. Лиза – опасный свидетель. Она вряд ли забыла старосту, которого я поклялась убить. И... не могу. Ладно, сначала – Металивка, потом тётя Муся и скрипка».

«Здесь кто-то жил после нас, причём совсем недавно. Печка на месте, обваленный угол лежанки заложен кирпичами и побелён. Возле окошка был топчан. Мы его сожгли, чтоб согреться в последний раз. Сейчас там железная кровать. Посуда какая-то на столе».

Любопытный водитель, следующий за ними по пятам, ответил на её безмолвный вопрос.

- Тут погорельцы со Степановки жили, пока заново не отстроились. Съехали недавно. Так что тут такого исторического?
- Понимаете, молодой человек, этот дом, насколько мне стало известно, стоял здесь во время войны. После признания барского поместья в Заряновке историческим памятником к вам будут приезжать на экскурсию со всего СССР. Для создания исторического комплекса можно будет перевезти в одно место хозяйственные постройки и эту хату. Вот мы сейчас и посмотрим, в каком она состоянии.
  - Дак смотрите. А я пока к братану в Степановку смотаюсь, идёт?
- Поезжайте, конечно. Мы пробудем здесь часа... три, не меньше.

Маргарита удивлялась, слушая их разговор. «Если бы я не знала его в сорок втором, никогда бы не поверила, что это один и тот же человек. Вжился в образ, гад. Что ж ему здесь нужно?»

Отпустив водителя, Фёдор повернулся к Маргарите лицом и медленно стал приближаться. Тёмные глаза, не мигая, смотрели на неё в упор.

«Сейчас у него дёрнется веко, – не отводя взгляда, подумала она, – и это будет тот самый Фёдор, и если дотронется до меня, я его убью».

– Испугалась... Правильно сделала. Но я тебя не трону.

К своему удовлетворению, она отметила, что веко всё-таки дернулось.

– Стой возле двери и никого не пускай, – неожиданно деловым тоном продолжил Фёдор, – если понадобишься – позову.

Хлопнула дверь, и послышался скрежет засова.

«Господи, что ему понадобилось в пустой хате? – прокравшись к окошку с треснутым стеклом, Маргарита заглянула вовнутрь, пытаясь увидеть, чем занимается Фёдор. – Пусто? Куда он делся? Подпол! Он зачем-то полез в подпол!» Память услужливо извлекла из своей глубины воспоминания о том дне, когда Маргарита вернулась в Металивку и Татьяна рассказала о Прасковье:

«Тётя Проша принесла нам еды. Часть дала сразу, а часть убрала в подпол и сказала, как закончится сахарок, принесёт ещё...»

«Сахарок, конечно, ни при чём. Тётя Проша что-то спрятала в нашем подполе! Что-то очень важное для Фёдора, и он сейчас это достаёт! Непонятно только, зачем понадобилась я. Мог и один приехать. Нет, кто б тогда на шухере¹ стоял. Только кому надо сюда приезжать. Тащить уже нечего. Железную кровать, что ли, на металлолом. Кажется, кто-то едет на мотоцикле. Оказывается, хутор не такой уж и заброшенный. Надо предупредить гада».

Мотоцикл подъехал раньше, чем Фёдор вышел из дома. Душа Маргариты, как говорят в народе, ушла в пятки: на водительском месте «Урала» с коляской находился мужчина в военной форме. «Всё кончено. Сейчас меня арестуют, и я никогда больше не увижу своих детей и мужа. – ураганом пронеслась мысль. – Бежать? На мотоцикле догонят сразу».

Замерев на месте, ждала, что будет дальше.

Мужчина снял шлем. Сняла шлем и женщина, сидящая в коляске. Маргарита увидела, как...

- ... Как по плечам женщины рассыпались кудрявые рыжие волосы, как она улыбнулась и...
  - Ли–и–за–a–a!

Пронзительно закричала Маргарита, бросившись к мотоциклу.

– Риточка, Риточка, – обнимая и целуя подругу, повторяла Лиза Трофимова, – я так и знала, что встречу тебя сегодня! – Риточка, я нашла своего папу, Риточка! Как же ты постарела, Риточка! Ты болеешь?

Маргарита растерялась, не зная, как объяснить подруге, почему она в таком виде.

– Папа, иди сюда, это же моя Риточка!

Дверь неожиданно открылась, и в проёме показался Фёдор с потёртым портфелем под мышкой.

– Лиза, молчи, пожалуйста, молчи! – умоляюще прижав руки к груди, прошептала Маргарита. Но поняла, что опоздала.

Гнев исказил лицо Лизы Трофимовой.

– Староста! Утюжников! Папа, хватай его! Он предатель! Отец Лизы молниеносно выхватил пистолет из кобуры.

¹ Стоять на шухере – подстраховывать кого-то, в случае, если непредвиденно появится ненужный человек.

– Лиза, нет! Не трогайте его!

Мгновенно оценив ситуацию, Фёдор спрятался за спину Маргариты. Прикрываясь ею, попятился.

– Уходим, быстро!

Маргарита упала, споткнувшись о камень. Фёдор быстро скрылся за домом.

Трофимов обежал дом с другой стороны. Послышались выстрелы.

«Если его убьют, я пропала. Протокол попадёт в милицию».

- Риточка, что с тобой? Ты же хотела убить его!
- Лизка, я всё тебе объясню!

Вернулся Лизин отец.

- Девочки, поехали. Нужно сообщить в милицию пусть прочешут всю округу и объявят розыск. Надеюсь, дочь, ты не ошиблась.
- Рита, скажи, что это правда. Что этот человек бывший староста Фёдор Утюжников!
- Да, только сейчас у него чужое имя и чужая фамилия. Не знаю, с какого времени, но в апреле сорок пятого он уже был Николаем Петровичем Мельниковым.

Коляску мотоцикла тряхнуло на ухабе, и Маргарита от боли потеряла сознание.

На этот раз, очнувшись, увидела Лизу в белом халате.

- Лизок, облизнув пересохшие губы, прошептала Маргарита, где же ты была столько времени, Лизок...
  - Расскажу, но сначала тебе нужно сделать укол и подкрепиться.
- Лизок, ты ничуть не изменилась. Такая же красивая и добрая. Митя нашёл тебя? Нарожала, наверное, кучу ребятишек, как мечтала, и заботишься о них...

Лиза отвела взгляд в сторону, вздохнула.

- Всё не так, Риточка. Нет у меня кучи ребятишек. Не получилось.
- Прости, Лиз, расскажи о себе, чтоб я больше... глупые вопросы не задавала. Начни с сорок пятого, с Одессы.
  - С Одессы так с Одессы. Ты же помнишь, что я заболела.
  - Да, сказали, что у тебя тиф. Прости, меня не выпустили из лагеря.
- Тиф не подтвердился. И с ребёночком... в общем, не получилось. Меня вернули в лагерь, но тебя там уже не было. Всех тогда допраши-

вали. Я хотела сказать, – поправилась Лиза, – со всеми нами беседовали. Офицер НКВД предложил подписать порочащие меня документы. Я стала читать, прежде чем поставить подпись. А там – одна ложь. Как бы признание в измене. Он, конечно, кричал, обзывал. Но я не стала подписывать документ, в котором говорилось, что я согласилась сотрудничать с немцами, что по заданию внедрилась в вашу группу, вернулась домой, чтобы работать на немецкую разведку.

- Оказывается ты, Лизок, немецкая шпионка, как и я.
- Что ты такое говоришь, Риточка? Какие из нас шпионки?
- Так утверждает моя свекровь. Как же ты на свободе оказалась?
- Очень просто: объявила голодовку и не ела несколько дней. Когда от голода начала терять сознание, решили, что пора от меня избавляться. Вручили справку и выпустили за ворота.

Нашлись добрые люди. Приютили, накормили. Дали скрипку. Я играла в порту, собирая в шляпку монетки. Однажды монетку бросил мой папа. Долго стоял и слушал, как я играю. Потом бросил ещё монетку и попросил сыграть то произведение, которое любила мама. Я начала играть «Весну» Антонио Вивальди из «Времён года». Играю, а у него слёзы льются. Вот так мы и встретились.

Я всё рассказала: что с мамой, что со мной случилось. Отец отвёз меня в Харьков. После демобилизации вернулся не один. Так у меня появилась мачеха. Да, Риточка, мачехи бывают не только в сказках. Но я вышла замуж, переехала к мужу во Львов. Дальше – грустно. Муж вскоре нашёл другую, мачеха от папы тоже съехала. Я взяла из детского дома девочку – Риту. Очень на тебя похожа, ей уже тринадцать лет. Вместе с ней вернулась к папе в Харьков. Сейчас дочь в пионерском лагере в Крыму. Да, забыла сказать – папа работает в милиции. Папа очень хорошо работает, поэтому хочу тебя успокоить: Фёдора найдут обязательно.

«Успокоить? Да мне спокойнее будет, если его не найдут!»

Маргарита не стала говорить об этом вслух. Решила рассказать подруге обо всём с самого начала. Но за окном уже сгустилась тьма. Больным в палате пора было укладываться спать.

Разговор продолжили на следующий день. Сначала Маргарита решила объяснить, как оказалась вместе с Фёдором в Заряновке. Дойдя в рассказе до места, как они пришли в подсобку к сторожу, спросила:

- Лиз, ты помнишь, Анька рассказывала о привидении? Ну, вроде, старая барыня бродит по парку и всех утаскивает к себе в склеп?
  - Ты видела привидение?
  - Сама им была. За что и пострадала.

Насмешив подругу, Маргарита посмеялась сама.

- Знаешь, Лиз, о чём я подумала? Что за привидение Анфису принимали, когда она лазила в склеп за кольцами!
- Анна бы поспорила! Кстати, тётя Муся, когда мы с папой мою скрипку забирали, сказала, что у Анны всё хорошо.
- Лиз, у меня тоже было всё хорошо, пока Утюжников не объявился.
- Утюжников, а на самом деле сын самого Александра Григоропольского. И у него был брат Николай. Как же они местами поменялись? Ну-ка, давай ещё разок с самого начала, с Одессы. Ты узнала старосту и ничего не сказала, правильно?
- Правильно. Я узнала Фёдора, а его в этот момент назвали другим именем. Я испугалась. Понимаешь, Лизка, испугалась! Там я была никто, и со мной могли сделать всё, что угодно. А мне нужно было вернуться домой, понимаешь? Нужно было!
- Да я не осуждаю тебя, Риточка! Просто разобраться хочу. Так ты подписала документ о своей мнимой измене?
  - Клянусь, нет! Но он показал мне бумагу, где стоит моя подпись!
- Значит, Фёдор отпустил тебя при условии, что ты отвезёшь его матери письмо с адресом. Прасковья прочитала письмо и сразу уехала. Куда?
- Билет взяла до Харькова, а дальше, наверное, в Одессу. Фёдор же сказал, что мать приезжала к нему.
- Правильно, он увиделся с матерью. А дальше? Что за документы были в вашем подполе? Надеюсь, его скоро найдут и мы узнаем правду.

«Господи! – взмолилась Маргарита. – Хоть бы он убежал! Иначе не знать мне покоя!»

Фёдор скрылся.

А Маргарита не знала покоя ни днём, ни ночью, пока не получила письмо...

... В двухтысячном году.

Глава девятнадцатая

Братья. Как Фёдор стал Николаем

Август 1993 год

Маргарита уехала из города, в котором прожила сорок семь лет. Она не собиралась уезжать, но судьба распорядилась по-другому.

Первым ударом была смерть сына в восемьдесят восьмом. Потом младшего внука в девяносто первом. А в декабре девяносто второго после сердечного приступа скончался муж.

Каждый день она ходила на кладбище, сидела рядом с могилами дорогих людей и молила Бога, чтобы смилостивился и забрал её.

«Как ты мог оставить меня одну? – мысленно укоряла мужа Маргарита. – Ты просто предатель! Как мне жить без твоей заботы?»

В опустевшем доме было непривычно тихо и невыносимо тоскливо.

Предложение дочери переехать к ней Маргарита сначала приняла в штыки. Потом поддалась на уговоры и переехала в далёкий городок в Ростовской области.

В ночь с тридцать первого декабря на первое января двухтысячного года праздновали не только наступивший новый год, но и новое столетие.

Маргарита, посидев за праздничным столом вместе с дочерью и её семьёй, ушла в свою комнату и смотрела праздничную передачу. Мигающие разноцветные огни гирлянд, смех, шутки, веселье. Звуки праздничных салютов за окном напомнили звуки рвущихся снарядов. Вспомнилась молодость и пребывание в Зингене в сорок втором – сорок третьем годах. Как загадывала она желание в новогоднюю ночь в холодном бараке.

Сорок четвёртый встречала в Швейцарии, в лагере интернированных. Условия были лучше, оптимизма прибавилось, а желание было всё то же: «Чтобы наши победили и я вернулась домой!»

Желание сбылось, и она благодарила Бога за свою нелёгкую жизнь.

Второго января Маргарите исполнилось семьдесят шесть лет. Когда внучка принесла письмо, она подумала, что это розыгрыш, потому что почта в праздничные дни не работала.

Почерк на конверте был незнакомым. «Что-то случилось с сестрой? Странно, письмо из ... Одессы? Господи, от кого?»

Дрожащими от охватившего волнения руками она вскрыла конверт. Внутри вместо листка бумаги оказался ещё конверт – потрёпанный, испещрённый надписями.

«Это же наш старый адрес. Вот и штамп о выбытии адресата! – на одном из штемпелей Маргарита с трудом разобрала дату. — Семьдесят третий год? Всё правильно: в шестьдесят седьмом мы достроили свой дом и переехали! Господи, да кто же его послал, это письмо?»

То, что письмо как-то связано с прошлым, сомнений не было – в обратном адресе значился город Одесса.

«Если столько лет меня искало, значит, не из милиции».

Пропустив слова обращённого к ней приветствия, пробежала глазами дальше:

... пишу тебе я – Прасковья Утюжникова, если ты меня, конечно, помнишь. Хочу снять непосильную ношу, то есть груз с души. Оставил мне дорогой мой сыночек про тебя документ. Сказал, что шибко важный. Хотела переслать его, но прочитала и порвала на мелкие клочки, чтобы никто не увидел. Прости меня и моего Феденьку за горе, что причинили тебе и вашей семье. Знаю, жить мне осталось немного, а сыночка уже не вернуть. В смерти брата Николая он не виноват. Всё случилось по Божьей воле. Кроме меня, теперь никто об этом не знает. Пишу тебе за тем, чтоб плохо об нас не думала...

Дочитав до конца исписанный мелким почерком лист бумаги, Маргарита не испытала радости, узнав, что её враг давно не числится среди живых.

«Получается, что Прасковья похоронила своего сына два раза. Первый раз – в августе сорок третьего».

В августе сорок третьего шли бои за каждое село Белопольского района. Оккупанты в спешке вывозили награбленное добро и архивы. Староста Фёдор Утюжников должен был сопровождать грузовик с документами. Выехав из Степановки, грузовик попал под мощный артиллерийский обстрел. Немец-водитель погиб сразу. Фёдора отбросило взрывной волной, и он потерял сознание. Когда пришёл в себя, увидел недалеко от горевшего перевёрнутого грузовика лежащего на земле парашютиста.

Фёдор подполз к нему и сразу обратил внимание на их сходство. С сожалением подумал, что парень уже мёртв, но вдруг услышал стон.

Друг, помоги...

По окровавленной на животе одежде парашютиста стало понятно, что рана смертельная.

- ... Передай нашим, друг, что я умираю за Родину.
- Имя? Как твоё имя?
- Я Николай Петрович Мельников... офицер... я должен...

Фёдор понял – вот его единственный шанс избежать наказания и, обещая смертельно раненому офицеру сообщить о нём в названную часть, уже обдумал свои дальнейшие действия.

Убедившись, что Николай Мельников уже не дышит, провёл ладонью по его лицу, опуская веки на безжизненных глазах. Потом отсоединил парашют и перенёс тело Николая ближе к грузовику. Надел на него свою фуражку, решив, что особо разбираться никто не будет. Теперь нужно было спрятаться, чтобы никому не попасться на глаза. Прихватив из грузовика папку с документами, побежал к оврагу и пробыл в нём до темноты. Вернувшись на рассвете домой, рассказал матери о произошедшем.

Как только Фёдор назвал имя погибшего, Прасковья сразу догадалась, откуда такое сходство.

– Николай Мельников – твой брат.

Фёдор удивился, попросил рассказать подробнее.

- Подробнее? У вас один отец.

Прасковья любила своего барина Александра, и только сейчас она поняла, что нянька Анфиса не зря скрывала от всех сына Коленьку. Несмотря на то, что прошло много лет, Прасковье стало до слёз обидно, и она решила не сообщать ей о гибели сына. К тому же, было неизвестно, как отреагирует Анфиса на то, что Фёдор назовётся Николаем.

Николая Мельникова похоронили как старосту Фёдора Утюжникова.

Но как теперь поступить, чтобы в офицера Николая Мельникова поверили? Выход нашла Прасковья. Зная, что семья Шумовых голодает, она обратилась к Варваре за помощью. Так в хате Шумовых появился раненый офицер, которого Никита «нашёл» возле хутора по-

сле обстрела. Позже Прасковья, по просьбе сына, тайком от хозяев спрятала портфель, где лежала папка с документами. После того, как Степановку заняли Советские войска, Шумовы сообщили о раненом офицере в часть.

Так Варвара помогла Фёдору уйти от правосудия и спасла семью от голода, получив взамен продукты. Но разве знала она в тот момент, что эта «помощь» обернётся для её старшей дочери годами бессонных ночей, полных страха?

В сорок шестом году Маргарита проговорилась Анфисе, что встречала её сына в Одессе. Анфиса почувствовала неладное: не мог её Коленька не прислать о себе весточку, не мог не успокоить любящую мать!

В Одессе вместо своего сына она увидела Фёдора. Всё поняла. Он попытался оправдаться, объяснив, что произошло в августе сорок третьего. Анфиса поверила и рассказала ему о шкатулке и письме барина.

Сердечный приступ, случившийся с Анфисой, решил проблему, возникшую у Фёдора с появлением настоящей матери Николая Мельникова.

Может быть, Фёдор и не поехал бы в Заряновку искать завещанные ему драгоценности, но Прасковья заболела. Операцию на сердце, которая ей была необходима, могли сделать только в столице, и это стоило дорого.

Одному ехать в Степановку, где односельчане могли признать в нём старосту, было безрассудством. Тогда Фёдор решил, что сопровождать его будет Маргарита, адрес которой он узнал ещё в сорок девятом у заведующей детским домом.

Кроме драгоценностей Фёдор хотел достать из подпола документы. Окажись сведения из этих документов в прессе, пострадали бы известные люди. Но он не собирался разглашать тайны военных лет. Шантаж – оружие, которое Фёдор много лет использовал против Маргариты, сработало и на этот раз.

Прасковье сделали операцию и выписали из клиники.

Спустя месяц Фёдор погиб в автомобильной аварии.

Из конверта выпал вырезанный из газеты прямоугольник. Маргарита подняла и прочитала некролог, в котором выражалось соболезнование родным и близким Николая Петровича Мельникова, майора в отставке...

Фёдор сдержал слово: Маргарита узнала правду о нём лишь после его смерти.

На вопрос дочери, что такого написано в письме, она ответила:

– Подарок на день рожденья.

«Этот подарок я могла бы получить ещё в семьдесят третьем году и жить спокойно. Ну почему, мамочка, ты спасла его? Прости, ты не знала, какой он гад».

Клочки долгожданного письма оказались в мусорной корзине.

На вопрос дочери, откуда и что за письмо она получила, Маргарита отвечать не стала.

Годы жизни постепенно вытеснили из её памяти часть прошлого, неблаговидного по мнению многих «правильных» людей. Рассказывать об этой части означало заново прожить её и пережить.

Всё могло остаться тайной, известной ей одной, но в конце августа из телевизионной передачи Маргарита узнала, что Германия выплачивает компенсацию бывшим подневольным работникам. «Жаль Лизонька не дожила до этого дня. Вот бы порадовалась добрая душа. Интересно, стала бы она ворошить прошлое?»

Лиза ушла из жизни в девяносто первом году, но Маргарите до сих пор казалось, что подруга где-то рядом, и вот-вот зазвучит её нежный голосок.

Срок подачи заявлений заканчивался в декабре следующего года. Дочь предложила подать заявление. Помня о протоколе, составленном в НКВД города Одессы, Маргарита воспротивилась. Она снова испугалась. Опять-таки, не за себя, а за дочь и внучек. «Неизвестно, какой придёт ответ!»

Неожиданно поразивший Маргариту инсульт подтолкнул её изменить решение. Дело было не только в деньгах, нужных для покупки лекарств, но и в том, что спустя много лет появилась возможность реабилитироваться в своей стране.

Заявление было написано и отправлено по нужному адресу.

* * *

О фонде взаимопонимания и примирения.

… В целях оказания материальной помощи гражданам, пострадавшим от нацистских преследований, и выплаты им компенсаций за счет средств, предоставляемым в распоряжение Российской Федерации Федеративной Республикой Германией 4 ноября 1993 года вышло Постановление правительства РФ № 1116 о создании Фонда взаимопонимания и примирения.

Выдержка из пункта №3 Устава Фонда ВП.

Фонд разрабатывает и представляет на утверждение Совету Министров – Правительству Российской Федерации необходимые условия для выплаты компенсаций, в том числе критерии тяжести причиненного здоровью ущерба и материального положения граждан, пострадавших от нацистских преследований, порядок подтверждения их прав на компенсацию, а также размеры и порядок её выплаты.

... Принуждавшимся к труду в промышленности выплата составляла 2147 евро.

... Принят Закон ФРГ «О создании фонда «Память, ответственность и будущее», который вступил в силу 12 августа 2000года. Этот фонд распределяет указанную сумму через национальные партнёрские фонды.(Срок подачи заявлений на выплаты из германского фонда заканчивается 31 декабря 2001 года).

... Право на получение компенсационных выплат заявитель подтверждает с помощью документов. Такими документами являются: архивные справки, а также паспорта, трудовые книжки или карточки, карточки-квитанции, карточки-заменители, пропуска на предприятия, страховые полисы, трудовые свидетельства, судебные приговоры и так далее времён Второй мировой войны.

... При отсутствии документов Закон допускает возможность подтверждения права на компенсационную выплату с помощью иной достоверной информации. К такой информации относятся, в частности, показания свидетелей. Необходимо однако, чтобы хотя бы один из свидетелей предъявил архивный документ о том, что в свидетельствуемый период он сам был узником того же места насильственного содержания или работал на том же предприятии или у того же хозяина, что и пострадавший.

.... При наличии ответов из архивов, в том числе об отсутствии в них данных о пострадавшем, последние прилагаются к материалам ходатайства.

Кроме того, во внимание принимаются фотографии, открытки, частные письма тех времён, письменные показания претендента или его свидетелей и так далее.

…Для заявителей, которые не располагают подлинными или архивными документами, имеется возможность подтвердить факт своего участия в принудительных работах с помощью справок от организаций жертв нацизма или заверенных свидетельских показаний. Иногда заявители представляют также справки от немецких муниципалитетов или от тех лиц или учреждений, на которых они работали во время войны. Кроме того, заявители могут описать перенесенные ими преследования собственными словами.

~~* * *~~

Фонд продолжал работу. Получили компенсации за подневольный труд угнанные во время войны в Германию теперь уже старики и старушки. После возвращения на родину многие из них скрывали от знакомых и даже от родственников «позорный» пункт своего прошлого. В автобиографии никогда об этом не писали. В анкетах на вопрос, были ли вы сами или ваши родственники за границей, отвечали «нет».

* * *

... Советские власти принципиально обвиняли всех, кто был угнан на принудительные работы, в пособничестве оккупационному режиму. Поэтому многие люди, направленные в Германии на работу в промышленности, говорили советским органам власти, что работали в сельском хозяйстве. Этим они рассчитывали избегнуть подозрения в работе на военном предприятии. Именно этим страхом заявители порой обосновывают противоречия между сведениями в представленных ими документах и тем, что они указали в заявлении о выплате компенсации. Такие обоснования организации— партнеры Федерального фонда должны учитывать. Федеральный фонд принял решение в пользу заявителей, что компрометирующие сведения в протоколах допроса не являются достаточной причиной для отклонения ходатайств о компенсации.

... Вопрос о том, какой жест будет уместен по отношению к жертвам национал-социалистского режима, вызвал в немецкой и международной общественности очень острые дискуссии. Преследования, перенесенные жертвами, вообще нельзя «компенсировать» никакой, даже самой большой суммой денег, но выплачиваемые компенсации к тому же ещё и весьма невелики по западным меркам. Тем не менее в силу того, что многие старые люди в бывших социалистических государствах очень бедны, для многих бывших жертв нацизма в Восточной Европе эти выплаты все же представляют некоторую материальную помощь.

… Послевоенная, демократическая Германия до сих пор пытается искупить вину за гитлеровский геноцид. Речь идет, прежде всего, об обязательствах моральных. Но есть и вполне материальные долги. Перед теми, кто против своей воли работал на немецких предприятиях в годы войны. Правда, после победы мытарства этих людей не прекратились. Ведь на родине их считали врагами народа. И сотни, тысячи человек вынуждены были уничтожать документы, которые могли подтвердить, что они – остарбайтеры. Компрометирующие бумаги уничтожали и в Германии. Те – кто пользовался рабским трудом. И сегодня не каждый может найти в себе мужество, чтобы взглянуть в глаза исторической правде.

... Процедура подачи заявления вынуждает многих из них снова болезненно переживать прошлое, зачастую уже вытесненное. Особенно тяжело это для тех бывших советских подневольных работников, которые из смеси стыда и страха перед репрессиями часто даже своим супругам, детям и внукам не рассказывали о пережитом. Но именно поэтому платежи из средств фонда «Память, ответственность и будущее» означают для многих также и подтверждение их судьбы «официальной инстанцией». Тем самым они могут приобретать помимо материального ещё и символическое значение и восприниматься некоторыми бывшими подневольными работниками как форма запоздалой реабилитации в собственной стране.

* * *

Дочь Маргариты, заполняя анкету при поступлении в институт, а потом при устройстве на работу, тоже написала, что её родственники никогда не были за границей.

Теперь о бывших подневольных рабочих, насильно угнанных в Германию, заговорили во всеуслышание. Вот только подтвердить своё пребывание на принудительных работах было почти невозможно. Из архивов на запросы ответы не пришли. Но мир не без добрых людей. Посоветовали направить запрос непосредственно в города Зинген и Шаффхаузен.

В 2004 году Маргарите выплатили положенную компенсацию. Кроме этого, перевели из швейцарского банка заработную плату, которую перечисляли Келлеры на её счёт в сорок четвёртом году.

Это одновременно радовало и огорчало Маргариту, потому что она была больна и немощна. Уже не радовали солнечные летние дни, голубое небо и пение птиц. Из одежды ей нужны были только халаты и ночные рубашки, из обуви – комнатные тапочки. Лекарства? Зачем, если лечение не помогало и организм медленно готовился к переходу в другое состояние. После инсульта Маргарита с трудом ходила по комнате – не слушались ноги.

«Ноженьки мои, ноженьки, – плакала она тайком от дочери, – сколько дорог и тропок исходили вы за всю мою жизнь. Из Игуменки в Белгород и обратно; сколько километров прошли по бездорожью да по морозу в сорок втором до самой Степановки, а потом – до Белополья. Сколько кровавых мозолей натёрли колодки в Зингене... Сколько прошли-пробежали по Европе, спасая меня от гибели...»

Последнюю неделю августа Маргарита не вставала с постели – не было сил. Аппетита тоже не было. В среду тридцать первого числа, проснувшись на рассвете, она неожиданно попросила сварить ей овсяную молочную кашу. Чтобы утолить голод хватило одной ложки.

Откинувшись на подушку, Маргарита закрыла глаза и впала в забытье...

«Лёнечка, братик... нашёлся... Такой же маленький... И мама с тобой, и папа, и бабушка... Милый мой, ты тоже пришёл... вместе с нашим сыночком...»

- Мамочка моя, прощай!
- Не надо плакать, доченька... От твоих слёз сердце моё разрывается на части... Я так люблю тебя...

Прости, пришла пора возвращаться.

Зоя Самарская

ЭПИЛОГ

О многом жалеем мы, теряя близких и родных. Виним себя, что не сказали вовремя о своей любви, что не попросили вовремя прощения. Откладываем всё на потом, которое иногда просто не наступает.

Под серой каменной плитой Лежишь ты глубоко в земле. Дай, Господи, душе твоей покой, Дай, Господи, прощенья мне.

Содержание

Глава первая.	Прощание с Родиной6
Глава вторая.	Дорога в «счастливую жизнь»12
Глава третья.	Рассказы Маргариты и её подруг21
Глава четвёртая.	Игуменка. История двух семей: Шумовы и Утюжниковы28
Глава пятая.	Германия, город Ульм. Распределение34
Глава шестая.	Зинген. Остарбайтеры41
Глава седьмая.	Подготовка к побегу. Побег53
Глава восьмая.	Швейцария. Интернированные59
Глава девятая.	Базель. В прислугах 65
Глава десятая.	Снова побег. Франция75
Глава одиннадцатая.	Репатрианты81
Глава двенадцатая.	Домой через Средиземное88
Глава тринадцатая.	Одесса. Неожиданная встреча94
Глава четырнадцатая.	Голод108
Глава пятнадцатая.	Тайное становится явным117
Глава шестнадцатая.	Новая жизнь123
Глава семнадцатая.	« Историки »134
Глава восемнадцатая.	Встреча с прошлым143
Глава девятнадцатая.	Братья. Как Фёдор стал Николаем149
	ЭПИЛОГ158

158

Зоя Самарская

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Редактор – *Бондаренко Ю.С.* Редактор-корректор – *Касьянова Н.Н.* Вёрстка – *Кинус И.Г.*

Исторические справки: [https://ru.wikipedia.org] Хроника ВОВ 1941-1945г.г. [https://ru.wikipedia.org] Historyweb.ru, История для всех [https://flot.com] Остарбайтеры [https://history.wikireading.ru] Война на море [https://picturehistory.livejournal.com; https://allin777.livejournal.com; https://pravoved.ru]

Обложка:

Американский транспорт Либерти [https://commons.wikimedia.org]

Сдано в набор 21.10.2018. Подписано в печать 25.12.2018. Тираж 200 экз. Заказ № 1154.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»: г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8(863) 219-84-25
www.altair-rostov.ru

ЗОЯ САМАРСКАЯ

Зоя Самарская

Автор авантюрно-приключенческих

романов, мистических рассказов и проникновенных стихов. Член Российского союза профессиональных литераторов, Союза писателей Дона и литературно-творческого объединения «Лира» города Волгодонска.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ